
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор ИЛЮХИН. Чем ответить на вызов?	3
ПРОЕКТ РОССИЯ	117
Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Продолжение	144
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	181

ПОЭЗИЯ

Валентин УСТИНОВ. Новые стихи. Стихи	13
Александр ПОТАПОВ. Родные рябины. Стихи	17
Валерий ХАТЮШИН. Иною дорогой... Стихи	106
Людмила ТУРОВСКАЯ. Родина в сердце. Стихи	112
Людмила ЩИПАХИНА. Стойкость. Стихи	115

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы	20
Эдуард АЛЕКСЕЕВ. Рассказы о животных	41
Глеб САХАРОВ. Горлоносик. Двое. Рассказы	60
Юрий ПАХОМОВ. Рассказы	70

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Сергей БАБУРИН, Владимир ЮДИН. **На основе вековых традиций** 85

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Сергей РОДИН. **Творцы «новой нации»** 196

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ШАМБАРОВ. **Импортные корни русской революции** 226

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Владимир ОСИПОВ. **Уроки жизни** 248

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Дмитрий КУЗНЕЦОВ. **Белый витязь** 259

Иван САВИН. **Стихи** 270

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Ольга СВЕРДЛОВА. **Есть ли на свете счастье?** 275

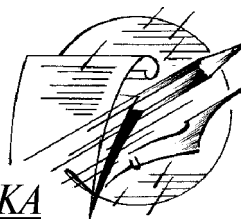
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. **Дневник русского.**
Продолжение 286

Виктор ИЛЮХИН

ЧЕМ ОТВЕТИТЬ НА ВЫЗОВ?

Стремление США развернуть противоракетные системы в Польше и в Чехии заставили по-новому оценить состояние обороноспособности нашей страны. Результаты во многом оказались плачевными, если не хуже того. Натовцы упорно размещают свои военные базы вдоль границ России и в первую очередь в бывших союзных республиках. Одновременно США, выйдя из договора по противоракетной обороне (ПРО), установили мощную станцию раннего обнаружения на Аляске и сделали недосягаемой свою территорию для российских ракет с востока и севера. Они разместили системы противоракетной обороны в космосе, накрыв свою страну надежным зонтиком.

Вместе с этим в США идет усиленный процесс по развитию и наращиванию боевой мощи морских и воздушных стратегических сил. По числу зарядов и их суммарной мощности американцы в разы превосходят наш ядерный потенциал. К тому же надо отметить, что в 2015 году Великобритания и Франция будут иметь морской стратегический подводный флот, и каждый из них превзойдет российский

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

подводный флот. Уже нет необходимости говорить о подавляющем превосходстве НАТО в обычных вооружениях, особенно на фоне неблагоприятного в целом состояния наших армии и флота.

Все это неизбежно должно вызвать тревогу и глубокую обеспокоенность, ибо агрессивность, проявленная руководством США в настоящее время по отношению к ряду стран, в том числе и России, возрастает. Угрозы нанесения точечных ядерных ударов по промышленным и военным объектам стали обычным делом в его силовой дипломатии.

США реально ощущают и приближение кризиса своей экономической системы, поглощающей около 40 % добываемых в мире энергоресурсов, и наметившуюся тенденцию по вытеснению американских транснациональных компаний из зон контроля, добычи и транспортировки углеводородного топлива. Совершенно не случайно бывший госсекретарь США Олбрайт заявила о несправедливости того, что Сибирь принадлежит только одной России. Она знает, что говорит и что может последовать за этими словами. Ею озвучено то, о чем думают нынешние американские руководители.

На этом фоне выглядят просто неадекватными действия кремлевской администрации, в значительной степени подмененные набором и демонстрацией популистских мер. На протяжении 15 так называемых перестроечных лет Россия разоружалась, и зачастую в одностороннем порядке, не заботясь о своей безопасности и обороне. К этому приложили руку оба российских президента, которые заявили, что они не позволят втянуть страну в новый виток вооружений. О какой новой гонке вооружений можно вести речь, коли Россия еще по Договору СНВ-1 взяла на себя обязательство снять с боевого дежурства к 2015 году только в Сухопутных ядерных силах все 1401 единицу баллистических ракет с 6642 ядерными зарядами в головных частях. К тому же на протяжении восьми лет с 1991 года по 1999 год в стране не было произведено ни одной межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). При самом благоприятном варианте для нас, как в политике, так и в экономике, к концу 2015 года мы будем иметь на суше 201 ракету. Много это или мало, можно судить по тому, что живучесть ракетного комплекса шахтного базирования не превышает 17%. Через 7—8 лет его эффективность при совершенствовании аме-

риканцами своей системы ПРО сократится до минимума. Развертывание новых ее элементов в Польше и Чехии поставит вопрос о переводе наших частей ракетных войск стратегического назначения из европейской части к Уралу или дальше на восток. На что, конечно, в бюджетах 2008—2010 годов денег не предусмотрено. Как утверждают отечественные специалисты, если все оставить так, как есть, то наши ядерные силы перестанут быть сдерживающим фактором агрессии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Разрушение вооруженных сил, несомненно, началось при Горбачеве, а потом продолжилось российскими президентами. При этом отмечается одна закономерность — удивительная их податливость, склонность к недопустимо большим компромиссам и наивная вера в искренность американцев. Это особенно рельефно проявилось на первоначальных стадиях правления всех президентов. Но за этим просматриваются и вполне осознанные политические шаги, нанесшие непоправимый урон для нашего Отечества. Причиной тому стали укоренившиеся в перестроечные годы бесконтрольность, вседозволенность и безответственность первых лиц государства. Национальными интересами и достоянием страны они торговали как тыквами, выращенными на собственном огороде.

М. Горбачев и Б. Ельцин давно уже в прошлом. И чем дальше мы уходим от их правления, тем больше осознаем масштабы их чудовищных предательств. Советский Союз, надо прямо говорить, по вине М. Горбачева и бывшего министра иностранных дел Э. Шеварднадзе, пошел на заключение с США ряда таких соглашений, которые нанесли непоправимый урон для обороноспособности страны.

Напомним, что по Договору 1987 года о сокращении ракет средней и малой дальности Советский Союз уничтожил в два раза больше ракет (1752 против 859) и боеголовок к ним, чем США. В одностороннем порядке были уничтожены еще сотни наших ракет комплекса «Ока», «Ока-У», имеющих высочайшую точность поражения и фактически неуязвимых для системы ПРО. В этот же период была демонтирована Красноярская РЛС, которая обнаруживала на ранней стадии запуски МБР с территории США и обеспечивала надежное прикрытие нашей страны с северо-востока. По мнению экспертов, эта РЛС могла не только обнаруживать ракеты, но и уничтожать

их, как и спутниковую группировку США в определенном пространстве, решив тем самым исход мирового конфликта.

Ее судьба была определена не только в тайне от народа, но и с обманом депутатов Верховного Совета СССР.

Американцы умело играли на тщеславии посредственной личности М. Горбачева, который за приклеенный на него западом ярлык «человек планетарного мышления», фактически предал наше Отечество.

Для угодливого лжеца Э. Шеварднадзе Советский Союз, думается, никогда не был Родиной. Поэтому американцы все больше проговариваются по поводу того, что они с ним работали давно, еще до назначения на должность министра иностранных дел СССР.

Что касается Б. Ельцина, то россиянам хорошо известно его безрассудное пьяное поведение на Западе. В 1992 году в ходе его визита в США был решен вопрос о заключении рамочных договоренностей о новом сокращении стратегического наступательного оружия, потом они войдут составной частью в Договор о СНВ-2. По нему американцы, в отличие от нас, получили право на складирование атомных боеголовок, снятых с ракет как наземного, так и подводного базирования. Это более 2 тысяч единиц, которые они могли в считанные дни вновь вернуть на ракетоносители. Мы же должны были уничтожать свои боеголовки, и уничтожили опережающими темпами. США получили принципиальное превосходство над Россией.

Тогда наши переговорщики выступили категорически против таких договоренностей, однако Б. Ельцин, будучи в США, во время завтрака с американцами без каких либо условий сдал интересы страны. Просто так, за чашечкой кофе, а скорее всего спиртного, не посоветовавшись со специалистами, сделал купеческий жест.

США с уничтожением СССР холодную войну не останавливали ни на миг, они ее продолжили, но уже против России, утверждая на планете свой гегемонизм. Это очевидно всем, кто хотя бы чуть-чуть сталкивался с большой политикой. Поэтому необходимо в отношениях с ними быть сдержанными и дальновидными, даже если они и называют наших президентов своими друзьями.

Следовало бы напомнить российскому руководству, что США отказывались и будут отказываться от любых договоренностей, которые вдруг и когда-нибудь становились для них обременительными или не отвечающими амери-

канским интересам. Почему же мы должны быть заложниками их политики и не поступать адекватно?

В противодействии размещению в Польше и Чехии американских военных баз Россия фактически оказалась без козырей, поэтому следует одно необдуманное предложение за другим, в том числе и достаточно сомнительные для наших соседей, в частности, Ирана. Американцы, например, с удовлетворением констатировали по поводу заявления российского президента о совместном использовании Габалинской РЭЛС в Азербайджане, как о признании нашей страной угроз миру, исходящих от Ирана.

Президент В. Путин, охотно откликаясь на просьбы американцев, в одностороннем порядке ликвидировал уникальную российскую военную базу на Кубе, построенную еще советскими специалистами и имеющую для нас исключительно важное значение. Благодаря ей, мы обладали достаточно обширной информацией о многих событиях, происходящих в Западном полушарии. Она одновременно обеспечивала надежную связь с российскими дипломатическими представительствами на Американском континенте.

Поводом для отказа от базы, как это было официально объявлено российской стороной, послужило стремление сэкономить финансы для армии и флота. А цена-то была смехотворной — 200 млн. долларов в год. В действительности же было другое, желание угодить американцам. Уничтожили по-варварски стратегически важный объект. При этом не гнушались ничем, вырывая даже оконные рамы в помещениях.

Бывший начальник Генштаба А. Квашнин заявил, что потеря базы на Кубе будет компенсирована выводом в космос группы российских спутников. Если эта замена равноценна, то почему же американцы предпочитают отдавать наземным базам, хотя космических возможностей у них не меньше.

В действительности же Россия осталась как без наземной базы, так и без спутников, восполнивших бы ее уничтожение. А на наш щедрый жест американцы заявили о намерении разместить системы ПРО в Польше и Чехии. И кто ответил за бездарные и безответственные решения, принятые российской властью? Никто.

Первый заместитель председателя правительства С. Иванов еще в бытность министра обороны заявил об оши-

бочности и неприемлемости для нашего государства Договора с США 1987 года о сокращении ракет средней и малой дальности. Но были ли президентом и им извлечены уроки из тех разрушительных для страны договоров? Убежден, что нет. Российское руководство фактически не выразило серьезного протеста и не оказало противодействия вступлению прибалтийских республик в НАТО, размещению на их территории иностранных военных баз. Более того, В. Путин и С. Иванов постоянно заявляли, что их вхождение в НАТО — это право суверенных государств, словно вопрос не стоит о безопасности России. Удивительная беспечность и беспринципность.

Президент и министр приняли решение о досрочном выводе наших баз из Грузии. Ведь они хорошо понимают, что тем самым освобождают место для натовских войск у южных российских границ. Поэтому надо было стоять до последнего дня срока. А рычаги воздействия на Грузию у нас были и есть, но не те популистские, использованные в 2006 году. Именно популистские, для отвлечения общества от главного — бегства российских войск из Грузии и еще одного предательства интересов страны. Их поменяли на грузинские персики. Но рейтинг В. Путина опять подскочил до невиданных высот и опять в результате обмана народа.

Американские войска войдут в Грузию и будут довлеть над югом России со всеми вытекающими отсюда последствиями. И в первую очередь речь идет о разведывательной и диверсионной деятельности на Северном Кавказе. Подчеркиваю это особенно для тех, кто кричит: «Путин на третий срок!» Хотя тоже понятно, кто кричит. Его же ставленники, его же команда, которые в случае существенных политических колебаний потеряют свое присутствие во власти. Им важен не В. Путин, главное — сохраняют ли они себя в прежних креслах.

Хотелось бы спросить того же С. Иванова, чем он руководствовался, когда предложил президенту, а тот согласился с ним на ликвидацию двух дивизий ракетных войск стратегического назначения на железнодорожной основе: Карталинской и Костромской, уникальных комплексов, которым фактически в мире нет аналогов. США не могли им противопоставить что-то подобное. Достаточно напомнить, что если наши шахтные ракеты имеют живучесть 17 %, то железнодорожные комплексы 70—80 %, разница очевидна. Для США они были смертельной опас-

ностью. Их не уничтожили ни М. Горбачев, ни Б. Ельцин. Сделал это В. Путин.

С. Иванов представил в Госдуму свои аргументы в пользу ликвидации комплекса, однако для многих депутатов они оказались неубедительными. В частности им было заявлено, что ракеты железнодорожного комплекса устарели и их нельзя оставлять на боевом дежурстве. Но БЖРК является самым новым среди всех советских межконтинентальных ракетных комплексов, находящихся до настоящего времени на вооружении российских войск. К тому же, если устарели ракеты, а это не так, их можно было заменить, как и отдельные узлы и агрегаты, не уничтожая весь комплекс, который по своим техническим и иным данным остается непревзойденным.

И все же потери, нанесенные в результате бездарной политики российского руководства, можно частично компенсировать за не столь продолжительное время. Для этого необходимо существенно активизировать строительство современных подводных ракетносцев, увеличить выпуск межконтинентальных баллистических ракет. На решение этих задач в 2007—2015 годах потребуются дополнительное финансирование. По мнению специалистов — 10—12 млрд. долларов в рублевом эквиваленте в год, примерно 2% средств, выведенных из российской экономики и в основном находящихся в различных фондах. В первую очередь, пресловутого Стабилизационного фонда, ныне поделенного на части, золотого и валютного запаса Центробанка страны. Однако президент и правительство хранят по поводу этого гробовое молчание, хотя на повестке дня остро стоит вопрос о сохранении независимости и безопасности российского государства.

Наши оппоненты из официальной власти заявляют, что Россия уже давно проводит свою независимую политику на международной арене. И в качестве подтверждения ссылаются на июньское 2007 года выступление В. Путина в Мюнхене на встрече с руководителями стран НАТО, а так же на заявление российского руководства о выходе из договора об ограничении вооружений в Европе, заключенного в 1991 году еще Советским Союзом. Однако что скрывается за внешней стороной указанных событий?

Речь В. Путина в Мюнхене, по мнению многих экспертов, была предназначена больше для российского внутреннего потребления. Для того, чтобы успокоить, убедить наше общество в том, что на фоне американской агрес-

сивности высокие круги о нас думают и предпринимают серьезные меры по защите российских интересов.

В том же ключе были разыграны популистско-пропагандистские сцены по выходу России из договора об ограничении вооружений в Европе. Мы уже отмечали, что он был заключен в 1991 году СССР и с распадом великой державы фактически прекратил свое существование. Россия изначально была свободна от соблюдения его положений, которые уже тогда не соответствовали геополитическим реалиям. Договор оказался блефом.

Во внешней и оборонной политике мало что изменилось. Хотя российское руководство вынуждено идти на определенные шаги по обеспечению безопасности страны. В противном случае последствия разрушительного поведения станут настолько очевидными, что вызовут волну негодования и протеста. А пока за пропагандистской шумихой и патриотической риторикой президента Россия, как уже отмечалось, отказалась от своей военной базы не только на Кубе, но и во Вьетнаме, уничтожила сотни тяжелых ракет и ракет средней и малой дальности, свою космическую станцию «Мир».

В 2007 году по настоянию В. Путина Федеральное Собрание ратифицировало договор о порядке нахождения войск НАТО на территории России, а Министерство обороны готовится к проведению с ними совместных учений. С теми самыми «натовцами», которых так красочно «отругал» В. Путин в Мюнхене за их «неуважение» к нашей стране.

Надо отметить, что договор был заключен в 1995 году, однако Б. Ельцин так и не решился внести его на ратификацию в Госдуму. Наверное и потому, что договор предусматривает возможность нахождения и использования натовских войск на нашей территории и в случае возникновения какого-либо внутреннего конфликта в России, чего так активно добивались от нас США.

Таким образом, нет никаких гарантий того, что американский карательный корпус не будет маршировать по российской земле. Все идет к этому.

Нельзя не сказать еще об одном моменте. Договор о порядке нахождения иностранных войск в России фактически вталкивает Украину в НАТО. Настроенные проамерикански президент В. Ющенко и украинские националисты, несомненно, будут рассматривать его как дополнительный аргумент в пользу размещения иностран-

ных военных баз на своей территории, вблизи российских границ. А это еще одна угроза нашей национальной безопасности.

Исключительно важное место в обеспечении обороноспособности страны занимают российско-белорусские отношения. В. Путин, идя на поводу администрации США, сделал, кажется, все, чтобы вконец их испортить. Президентская рать подсчитывает прибыль «Газпрома», других компаний от повышения цен на энергоносители, продаваемые Белоруссии. Сиюминутная выгода, может быть, и есть, но для кого? Для крупного капитала — не более.

А надо подумать о национальных, а не «газпромовских» интересах и личных амбициях. Конечно, А. Лукашенко сегодня выглядит мощной государственной личностью, которой нет фактически равных на постсоветском пространстве. Он не пойдет в НАТО, ибо верит в Россию и без нее не видит будущего своей страны.

Но мы должны отслеживать процессы, которые могут разворачиваться в Белоруссии. После «газовой атаки» в ней уже начинают усиливаться антироссийские настроения, ибо Белоруссия никогда не требовала платы за размещение на ее территории двух российских военных баз и не только за это. Она, например, не требует тех баснословных денег за газовый, нефтяной транзит по своей территории, которые получает от нас та же Польша.

Но главное в другом. А вдруг Белоруссия после А. Лукашенко заявит о своем вступлении в НАТО? Что после этого ожидает Россию, можно сказать уже сейчас: новые границы, новые системы ПРО, новое развертывание наших войск на западе и т.д. Колоссальные материальные и финансовые затраты, перед которыми «газпромовские» просто окажутся ничтожными. Власть подсчитывает возможные «потери» «Газпрома» и тут же списывает долги в 10 млрд. долларов Ираку и 11 млрд. Афганистану, странам, оккупированным американцами. Фактически — возмещает США ущерб от их военной агрессии. Как это все можно понять, взвесить на чаше политических весов?

Белоруссия — форпост нашей страны на западе. Этого не могут оценить или ограниченные, или откровенно настроенные против России люди.

Скоро Путин должен покинуть свой пост. И теперь речь идет о преемниках, которые, как уже повелось, перед выборами ездят на смотрины в США, другие натовские государства и фактически с одобрения и при поддержке

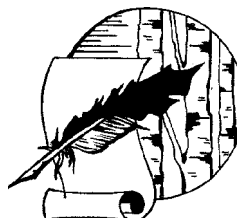
их руководства становятся президентами нашей страны. А коли так, то прежний разрушительный курс будет продолжаться.

Чтобы этого не произошло, необходимо выработать на законодательном уровне меры по исключению любого влияния иностранных государств на российские избирательные кампании, чтобы они были объективными и честными, а граждане нашей страны могли сделать свой осознанный выбор. Создать надежную защиту от принятия руководством страны скоропалительных, непродуманных действий, приносящих нам огромный вред, систему мер по контролю за президентом и правительством, по повышению их отчетности и ответственности перед народом. Российская конституция наделила президентскую, всю исполнительную власть огромными полномочиями, существенно урезав их у законодателя. Назрела острая необходимость в пересмотре ряда положений Основного закона. В частности, о передаче от президента Федеральному Собранию части его полномочий, как, например, в полном объеме по формированию судебного корпуса, органов прокуратуры и контроля за ними. Сделать правительство более независимым и самостоятельным от президента, хотя бы в решении кадровых вопросов. Расширить перечень наиболее важных для страны вопросов, по которым президент и правительство без предварительного согласия палат Федерального Собрания не могут принимать решения, а по некоторым из них только по результатам проведенных в стране референдумов.

Следует изменить процедуру отрешения президента от должности, существенно сократив участие в ней судебной власти. Основанием же для отрешения предусмотреть не только (как это закреплено в ст. 93 Конституции РФ) совершение им государственной измены или иного тяжкого преступления, но и наступление от его действий очевидных вредных последствий или совершение им любых преступлений и нарушение требований Конституции.

Было бы предпочтительным, чтобы Россия вновь стала парламентской республикой. Для этого необходимо или устранить пост президента, или свести его полномочия в своей сути до представительских.

ПОЭЗИЯ

Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет замечательного поэта, президента «Академии поэзии», члена редколлегии нашего журнала Валентина Алексеевича Устинова с семидесятилетием. Мы желаем поэту отменного здоровья, добрых трудов, душевного равновесия и гениальных поэтических озарений.

Валентин УСТИНОВ

НОВЫЕ СТИХИ

ПОЛЕТ ЯБЛОКА

Овальный дождь упал внезапно так —
как будто яблоко ударило о землю.

Отец сверкнул глазами в небо: «Внемлю!»
Набросил парусину на верстак
и побежал под яблоню, где был
шалаш из трав и будулья заборов.
И мать к нему прильнула:
«Не забыл
указ о запрещении абортот?»

(А был такой указ в тридцать седьмом).

Отец вздохнул: «Указами достали...»
И рассмеялся:
«О, великий Сталин!
Сумел он дочкой осчастливить дом». —
«Ты думаешь, что все же будет дочка? —
вздохнула мама. —
Путь любви един.
Опять я набухать начну как почка.
А вдруг у нас родится Валентин?»

Мне снится по ночам:
сквозь листья звезд
и ветви галактических спиралей
летит земля из непомерных далей
и путь ее непостижим и прост.

Мне кажется — я помню первый день.
И шквал — создавший яблоко в полете.
И как отец сверкающую тень
поймал в ладонь почти что на излете.
Ел яблоко — вонзая в кожуру
веселые искрящиеся зубы.
Смеялась мать:
«Ты ешь — как пьешь жару,
в которой грозы, яблони и зубы.
Ты счастлив?»

Он? Он оглянулся: жизнь!
Он сеет жизнь и возвращает всходы.
Меня не зная, он в меня вложил
вот это счастье,
что кипит, дрожит,
цветет и вянет, вновь цветет, бежит,
хохочет, стонет, множится, кружит
густым многообразием природы.

Отец и мать...
Я набухал уже
той самой пресловутой дивной почкой.
Мой первый день катал с дождями бочки
и гром держал на радугах вожжей.

Я видел, как поморщился отец,
как яблочный огрызок кинул в лужу:
«Не яблоко покуда, а сырец.
Жаль, что сорвалось — загубило душу».
Мать в удивлении приоткрыла веки.
Он пояснил:
«А семя — что душа.
Душа же зреет в каждом человеке
до спелости, сквозь годы, не спеша».
«Как хорошо сказал, — вздохнула мама. —
Вот бы дожить до спелости души».

Отец примолк, но возразил упрямо:
«Ты вот что, не загадывай-ка драмы.
Надеждой опасения круши».

Они не знали — я сегодня знаю:
мать начинала свой последний год.
Отец же пронесет победы знамя
путями битв, отваги и невзгод.
В сорок седьмом на десять лет осудят.
В сорок девятом в лагерях умрет.
Меня же вынянчат — спасибо! — люди.
Душевный все же на земле народ.

Гляжусь в семидесятую зарю.
И вот, зачатый в счастии, без гнева
парю сквозь крону родового древа —
как яблоко созревшее парю.
Лечу сквозь годы, чтоб упасть на землю.
И стать землей.
И яблоком земли
лететь туда, что всё и вся объемлет,
что всё перерождение приемлет,
творит, ликует, страждет и болит.

Земные грозы.
Холод звездной дрожи.
Мать и отец!
А жизнь так хороша...
И лишь одно воистину тревожит:
успеет ли созреть моя душа?

Вот яблоко: его румяный бок
кипит земным здоровьем ранета.
И я держу в руках.
как зрелый бог,
и спелый плод, и юную планету.

КИПЕНЬ

И примстились с утра мне любовь и дорога.
Я поверил в любовь, а дорогу отверг.

Но плывущий по озеру месяц двурогий
путь серебряный выстлал
за водную твердь.

И шагал я дорогой молочной — покуда
не раскинулся садом вблизи окоём,
и догнало меня солнцеликое чудо
молодым, рыжебоким, веселым конем.

Я погладил желанного спутника жизни.
Не забыл накормить.
Не забыл напоить.
И помчался по саду цветущей отчизны,
всё забыв, кроме счастья зеленого — жить.

Вились лентами кисти черемух и вишен.
Смерчем пар завивался,
срываясь с воды.
Кипень мир заливала по самые крыши.
Бубенцами сверкали, звенели плоды.

Горячо! весело! как дорога к любви.
Я поверил, что сердце — вещун и ведун.
Выгибала судьба соколиные брови.
От восторга смеялся и плакал скакун.

Вот такая была забубённая скачка.
Не заметил,
как лучший свой день обогнал.
Вот уж листья с деревьев посыпались в спячку.
В лед вечерний оделся полдневный канал.

Огляделся. А дальше — седая дорога.
Конь исчез.
Путь морозной печалью повит.
Но плывущий по синему месяц двурогий
мне дорогу опять серебрит.

Я вздохнул и пошел.
Словно поле — я понял:
все придет и пройдет, и воскреснет, и вновь
будут зелень и звень, будет кипень погони,
потому что все это — любовь...

Александр ПОТАПОВ

РОДНЫЕ РЯБИНЫ

* * *

Порхает первый снег доверчиво.
Душе становится теплее.
На фоне неба посветлевшего
Снежинки кажутся темнее.

Ах, эти хлопья невесомые!
В который раз вас в жизни вижу.
Промчались ливнем дни веселые,
Моя зима все ближе, ближе.

Я жил — рубашка нараспашку.
Не раз давила душу слякоть,
И так бывало сердцу тяжело,
Что впору сдаться и заплакать.

Но, жизнью тертый и сечёный,
Стезю судьбы торю я смело.
Взгляну на небо: снег-то — черный!
Смотрю на землю: снег-то — белый!

* * *

Как яблоки в погожий день осенний,
Года, созрев, осыплются в траву...
Спасибо, Боже, за твой дар бесценный,
Спасибо, что на свете я живу.

Пусть каждый день недаром будет прожит,
Пусть счастья на планете хватит всем.
Но вот какая мысль меня тревожит:
Всё в мире смертно,
Жить тогда зачем?

О Господи, прости мое сомненье.
Твой замысел понять не хватит сил.
Но разве жизнь земная — преступленье?
За что ж ты к смерти нас приговорил?

* * *

Рябые березы,
 родные рябины
Под куполом сонным осенних небес,
Вы сердцем раним
 до боли любимы,
Любимы,
 как это вот поле и лес.
Любимы,
 как солнце в простуженном небе,
Любимы,
 как первый раздумчивый снег,
Как звуки молитвы о мире и хлебе,
Как память о близких,
 ушедших навек.
Светлеет душа,
 что извечно ранима...
Да разве об этом веду свою речь?
Рябые березы,
 родные рябины
И это вот небо над русской равниной
До вздоха последнего
 мне ль не беречь?

НА РОДИНУ

...А надо мною месяц небо пашет.
Иду проселком.
Путь еще далек.
Березы в русских вышитых рубашках
Ведут беседу, стоя вдоль дорог.

Тягучий сумрак копится в низинах,
И тянет из оврагов холодком.
Я не споткнусь о кочку иль лесину —
Мне этот край с мальчишских лет знаком.

Проклюнулись в вечернем небе звезды,
Как в русском поле первые ростки,
И мне пора бы сделать краткий роздых,
Но вот уже мелькнул изгиб реки.

А там, вдали, на сумрачном пригорке,
Огнями окон вспыхнуло село.
Ржаное поле пахнет хлебной коркой,
И на душе от этого светло.

ОТЦОВСКИЙ ПРОКОС

С отцом косили мы в лугах.
Он — впереди, я вслед держался.
На каждый выдох, каждый взмах
Я тут же чутко отзывался —
Я подражать ему пытался.

Широк был взмах его руки,
Широк прокос, ершисто-ровен.
Тянуло влагою с реки,
Кричали в плавнях кулики,
А луг был зелен и огромен.

Я уставал, я отставал,
Прокос мой был неровно-узок.
Отец огрехи подбивал,
И рос травы духмяный вал.
Плыл солнца шар в озерной лузе.

Уставший вдрызг, я шел босой
К парной реке, как виноватый.
Отец мне вслед кричал:
— Пстой!
Учись орудовать косой.
Коса — не лом и не лопата.

Отца уж нет тринадцать лет,
А я иду его прокосом.
Струится сенокосный свет.
Жизнь — как не сложенный куплет...
Мои огрехи кто прокосит?

Владимир ПРОНСКИЙ

РАССКАЗЫ

МЕФИСТОФЕЛЬ ИЗ ЛУЖКОВ

Если бы бывший тракторист Федор Скоморохов из села Лужки когда-нибудь читал знаменитую поэму «Фауст», то, быть может, по-иному относился к губительной сущности металла. Когда же ему доводилось слышать арию из одноименной оперы, то она вызывала лишь недоумение, а скрытый смысл, звучавший в словах Мефистофеля, был непонятен: как это люди могут гибнуть из-за того, чего вокруг машинного двора и разоренных ферм разбросано столько, что надоело спотыкаться об этот хлам?!

Впрочем, спотыкались лишь до недавнего времени.

Когда в их большом селе, стоящем на трассе, открыли приемный пункт металлолома, многое изменилось. Изменился и сам Скоморохов по прозвищу Мефистофель, получивший его в эти годы за то, что к месту и не к месту говорил: «Гибну за металл!» Прежде он был здоровяком, румянец на лице не могла прикрыть даже полевая пыль, но от курения превратился в доходягу, особенно когда после операции остался без одного легкого, и сделался демонически похожим на настоящего горбоносого Мефистофеля.

До недавнего времени Федор был женат, воспитывал двух ребя-

ПРОЗА

тишек, а сделался одиноким вдовцом, когда жена лет пять, что ли, тому назад умерла, а выросшие сыновья разъехались кто куда. У младшего уж семья есть, бизнесменом стал. А старший, Иван, променял родной пятистенки на койку в общежитии, иногда нет-нет да приезжал из города. Дом хотя и захудалым стал без матери, а все-таки родной. Да и чего не приехать, когда езды на автобусе один час. Так что Иван, «вылитый отец в молодости», — как говорили о нем в селе, связь не терял, да и чего же терять, когда отец держал кур, огород копал. Когда год урожайным выдавался, ведро вишневого варенья заготавливал, яблочками да сливами заваливал, радостно говоря: «Ешь, Иван, за двоих, если уж младший чурается навестить и внучку показать! — И добавлял: — Мне не подарки его нужны, а внимание!» Впрочем, он на младшего по-настоящему не обижался, зная, что это все сноха мудрит, за бомжа считает свекра. Пусть считает. Главное, что он о себе другого мнения, а к пенсии по инвалидности даже приработок имеет: металлолом в приемный пункт сдает, а денежки помаленьку откладывает. Правда, дела идут с переменным успехом, потому как весь металлический хлам вокруг села подобрали, а по дачам, к примеру, или по столбам провода срезать Федор, как некоторые, не лазит. А то один удалец в соседней деревне забрался ночью и сверзился, со столба-то... Насмерть разбился, правда, потом, говорят, часа два пожил. Так что Федор не таков: честно работает, не рискует. Где что увидит бросовое, то и подберет. Любой мелочью не гнушается.

А тут и вовсе повезло, когда соседка-переселенка надумала выбросить старое пианино. Когда-то на нем играла учительница пения, но она давно умерла, несколько лет дом стоял заброшенный, и дети продали его по дешевке, вместе с пианино, которое ничего не стоило и было настолько старое, расстроенное, с отломанными латунными педалями, что чинить его и настраивать не имело смысла. Только в утиль. И переселенка попросила Федора выбросить громоздкий инструмент. Но одному с такой тяжестью не справиться, и Мефистофель позвал мужиков, из тех, кто металлом не занимался, чтобы не зарились. Поднапрягшись, они вытянули втроем пианино на крыльцо, по доскам скатили по ступенькам и, пропахав на земле борозды, отволокли на помойку. Неподалеку и бутылку распили, усевшись на подсохшем бугорке, накрытом молодой травкой, как зеленым ковром, расцвеченным желтыми цветками мать-и-мачехи.

Выпив, мужики разошлись, а беспризорное пианино осталось на свалке. И правильно, там ему и место, если у новой хозяйки желания такого не имелось — заниматься музыкой. Что-то другое на уме вилось. Приехала она то ли из Бурятии, то ли из Якутии, в общем, нерусская: широкоскулая, раскосая. Как в магазин идет, бабы от нее шарахаются. Но это, конечно, Федора не касалось: живи, если власти разрешили, хотя непонятно, почему уехала с родной земли? От хорошей жизни не бегут. Или натворила что?! Если это так, тогда с тобой надо поосторожнее быть. Но вскоре эти сомнения развеялись, когда она как-то разоткровенничалась и рассказала, что, оставшись вдовой, переехала из-за дочери, которая у нее шибко умная и работает в городе преподавателем в институте. Она хотя и умная, но деньжонок-то не особенно густо, как понял Федор, — комнату снимает. А мать ей, значит, станет помогать.

— Будем лук выращивать, — как-то доверительно сказала Федору приехавшая на выходной дочь переселенки, миниатюрная, черноволосая Саяна, весь день сверкавшая очками и мелькавшая красной курткой в огороде.

Федор рассказал об этой новости соседям, а те сразу возмутились:

— Какой там лук? Коноплю будут сеять, всех наших ребят потравят!

— Мы ей не указ, — защищал Федор новую соседку, проникнувшись к ней уважением за то, что она, не в пример односельчанам, называла его по отчеству. Для них он Мефистофель, а для нее Федор Гаврилович! Если в чем необходимость появлялась, то так и говорила: «Федор Гаврилович, ваша помощь нужна. Не откажите!» Поэтому и он к ней тоже по отчеству, тем более что она потом стаканчик нальет: «О чем разговор, Аюна Борисовна! Всегда пожалуйста, к вашим услугам!» Когда же она выбросила пианино, он и вовсе полюбил ее: ведь это все равно что деньги выбросить. Надо лишь дождаться Ивана — одному пианино не дотянуть до приемного пункта.

Ждал-ждал, а сын не появлялся и не появлялся.

Вторую неделю пианино не давало покоя, валялось на пустыре среди куч мусора и рыжего после зимы бурьяна, считай, без присмотра, и уж какой-то хмырь вчера вертелся около. Хоть по ночам карауль. «Ведь просплю, как пить дать, просплю!» — укорял он себя. И тогда решил, вспомнив, что завтра суббота: «Если Иван не приедет ут-

ром, сам отвезу пианино в приемку!» Решить-то решил, но заранее знал, что Швондер, как за глаза называли в селе приемщика, ни за что не возьмет пианино целиком, в дереве. Надо обжигать.

Поэтому наутро Скоморохов проснулся пораньше: погода — на загляденье, и соседи уж толкутся на огородах. Но он-то знал, что земля еще сырая, особенно у кустов, и копать, глядя на других, не спешил. Недолго думая, нацедил пол-литровую банку солянки, набрал за двором хвороста, а когда оказался у пианино, то наломал прошлогоднего бурьяна, обложил им черный короб. Огонь занялся от одной спички, и Федор радовался, представляя, как деревяшки быстро обгорят, и останется одна чугунная рама, которая потянет рублей на триста. Правда, пока размышлял, пламя сникло, и пришлось Федору возвращаться. Он огородом прошел к сараю, набрал, хоть и жалко было, охапку дров и вернулся. Не сразу, но они разгорелись, и пламя стало веселее лизать тусклые бока пианино. Но все равно медленнее, чем хотелось. «Эта бандура до вечера будет тлеть!» — подумал Скоморохов о пианино и пошел за новой охапкой. Возвращаясь, удивился густому дыму, заметил, что ветер поменял направление, и теперь уж вместе с пианино и трава горела вокруг него, и забор бурятки, перевитый прошлогодней повиликой, всюду трещал.

Скоморохов стянул с себя пиджак и начал сбивать пламя, а оно расползлось все шире, ползучие языки под натиском порывистого ветра потекли в сторону его усадьбы и с удивительной легкостью побежали по прошлогодней листве, через сад добрались до сарая... Он кинулся спасать сарай, соединенный забором и навесом с избой. Пока бился с огнем, с огородов закричали:

— Эй, чего там у вас!

— Поаккуратнее с огнем-то!

— Мефистофель горит!

Но Федор молчал, задыхаясь от нехватки воздуха, — лупил и лупил по огню пиджаком, еле справился. А когда отдышался и огляделся, то увидел, что горит угол бурятского дома. Сперва это словно парализовало, но потом едким испугом захлестнуло ум. И он закричал из последних сил, почти задыхаясь от горького дыма:

— Помогите, горим!

Обессиленный Федор сидел за сараем и, как во сне, видел бурятку, черным волчком вертевшуюся около дома,

уже наполовину полыхавшего. Ей начали помогать бежавшие соседи: кто ломал забор, кто бегал от колонки с ведрами воды, пытаясь загасить пламя, но, раздуваемое ветром, оно в минуту охватило весь дом, и к тому времени, когда прибыла из районного центра пожарная машина, тушить было нечего. Избенка сгорела в одно мгновение, Федор даже отдышаться как следует не сумел. А когда подошел, то увидел, как бурятка, безмолвно копошась на пожарище, зачем-то складывала в кучу еще парившие и дымившиеся головешки, и одна из куч неожиданно загорелась. На нее начали кричать, что, мол, вот из-за таких и пожары случаются, до тебя никаких пожаров не было! Кричали так, словно она действительно являлась виновницей, а она не знала, что ответить, лишь распалась. И Федор встал на защиту:

— Это я натворил, мне и отвечать! Чего вы к ней пристали!

Бурятка промолчала, утирая слезы на перепачканном гарью широком лице, и уткнулась взглядом в землю, словно чувствовала за собой вину, а Федор обнадежил:

— Деньги есть, рассчитаюсь! Не горюй, Аюна Борисовна!

Сказал твердо и уверенно, и бурятка, кажется, поверила, решив, если уж Федор Гаврилович говорит, то знает, о чем говорить: сын-то у него бизнесмен, в прошлом году, говорят, на джипе приезжал — в беде не бросит.

Только сам-то Федор на сына не надеялся, и звать его и просить ни малейшего желания не имел. Решил, сам рассчитается. Сперва недосуг поговорить конкретно, а когда к вечеру хватился, ее и след простыл. Соседи сказали, что приехала на такси ее черноволосая дочь и забрала с собой. Вот те раз! Он-то думал по-хорошему все решить, а получалось, она и говорить не пожелала. Гордячка какая! А может, испугалась, видя такое отношение к себе со стороны сельчан. «Ладно, бог с тобой, — думал Федор о бурятке, — двадцать тыщ на книжке есть. Все отдам, пользуйся, раз такое дело!»

И верно: в понедельник, как только открылся сбербанк, Федор снял все деньги и уехал в город. Не сразу, но разыскал в институте преподавателя по имени Саяна и отдал толстенькую пачку, перевязанную крест-накрест носовым платком. Перепуганная женщина сперва противилась, не брала, даже заплакала, смешно вытирая маленький носик, но он настоял, сказав, что эти деньги ему

отвалил сын-бизнесмен, и очень радовался, что сумел уговорить. А как уговорил, то сразу на душе полегчало.

— Успокойся, Саяна... — пожалел он ее. — Чего же теперь плакать... Маме привет передай, может, придет как-нибудь. Вместе бы лук выращивали...

— Ладно, передам, — пообещала она и внимательно посмотрела на Федора, а тот смутился:

— Серьезно говорю...

Хотя он и возвращался в Лужки с легкой душой, радостный, но деньги-то все-таки жалел. Правда, через день-другой перестал о них думать, принявшись копать землю под картошку, огурцы и прочую зелень, и не горевал, что кто-то под шумок увез раму от сгоревшего пианино. Через неделю и вовсе перестал думать о гибельном промысле. Забыв о Швондере, навсегда расстался с добычей металла, даже враждебно начал относиться к нему.

— Ржавь от него, — говорил он тем, кто еще не понял этого, говорил пренебрежительно и гневно, подобно настоящему Мефистофелю. — Пропади пропадом, эти железки! Из-за них люди гибнут. Мне и пенсии хватит!

Зато Федора часто стали видеть у автобусной остановки.

— Сына, что ли, ждешь? — спрашивали у него.

— Кого же еще, — смущенно отзывался он и, боясь покраснеть, стеснялся глядеть в глаза, потому что никогда никому не сказал бы, кого ждет на самом деле.

ПРОСТИ, ВОРОНА!

К этой взъерошенной вороне с перебитым крылом и кривым клювом привыкли в нашем дворе быстро, и она, наверное, привыкла, но близко никого не подпускала, даже если ее пытались кормить. Никому не доверяла. Особенно остерегалась собак, от которых ей, видимо, и досталось. Они частенько гонялись за вороной, видя в ней легкую добычу, но всякий раз она проворно пряталась в густом и колючем кусте боярышника, где собаки не могли ее достать. Ворона и ночевала в этом кусте. Правда, к середине октября он остался без листьев, но зато колючки по-прежнему надежно защищали ворону. Переночевав, она, прыгая с ветки на ветку, спускалась на землю и начинала искать пропитание. Ее обижали сородичи, не давали житья голуби, даже нахальные воробьи, пользуясь ее инвалидностью, частенько чуть ли не из клюва

выхватывали что-нибудь съедобное, но она держалась. Хотя, чем ближе была зима, тем чаще ворона подолгу сидела в боярышнике, словно ленилась, особенно когда шел дождь и поднимался ветер, трепавший безжизненное крыло. Ворона пыталась подбирать его, но оно не слушалось, и тогда она забывала о нем, словно о бесполезном предмете. Сидела неподвижно, нахохлившись, будто обдумывала предстоящую жизнь.

Когда пришел первый зазимок, она, то ли боясь снега, то ли остерегаясь спускаться по скользким ветвям, весь день скрывалась в запорошенном кусте, и не хватало сил спокойно смотреть на нее. Когда стемнело, я решил поймать ворону, вылечить ей крыло и после отпустить на волю. Мне это казалось реальным делом, хотя и знал, что ворона переполюбит моих домашних, быть может, вызовет недовольство. Пусть. Потом-то они обязательно привыкнут к ней, даже привяжутся, особенно внук. Надо только какое-то время, как я слышал, подержать птицу в темноте и не кормить, и тогда, проголодавшись, она сама постепенно освоится. Одевшись, вышел на улицу, осторожно подошел к боярышнику. Ворона сразу насторожилась, а когда я хотел дотянуться до нее через колючки, она неуклюже попыталась забраться повыше, но оскользнулась, колотя по воздуху одним крылом, свалилась в снег и, подпрыгивая, пустилась наутек. Я бы, наверное, мог догнать, но боялся еще сильнее повредить ей больное крыло и отстал, оставил затею с поимкой до следующего дня.

Но утром ворона во дворе не появилась.

Через неделю по-настоящему завьюжило, беглянка окончательно пропала, видимо, погибнув от бескормицы и холодов. «Отмучилась!» — подумалось мне, и стало нестерпимо жаль несчастную птицу, которая с испугу не захотела жить в неволе, ставшей бы для нее спасением. Но разве можно было это объяснить ей?

Зима тянулась и тянулась, о вороне все забыли. И я подзабыл. А потом и вовсе стало не до нее, когда, сходя с автобуса, я упал и сломал руку, ногу повредил. Меры в таких случаях известные: гипс. Сразу появилось много времени для раздумий, особенно когда сын со снохой уходили на работу, а внук убежал в школу.

В первые дни моего бедственного положения все они были внимательны, жалели, а потом, чувствуя, поостыли, слишком быстро привыкнув к чужой боли и моему

незавидному положению, будто я всю жизнь был хромой и загипсованный. Теперь постоянно приходилось просить о чем-нибудь. В конце концов, это и им надоело, и мне. Через неделю я кое-как оделся, обулся, не завязывая шнурков, и, решив доказать свою независимость, отправился в аптеку. Шел по скользкому тротуару осторожно и почти добрался, но, остерегаясь проезжавшей мимо машины, оступился... Упал, как показалось, удачно: лишь немного добавил боли в колене, а загипсованную руку вроде бы спас. Но это только показалось. Был перелом простым, а стал оскольчатый и со смещением. Лечащий врач вздохнул: «Перелом у вас нешуточный!» — и отправил в больницу на консультацию. Поехал. Посоветовали лечь на операцию. Сразу начал готовиться к госпитализации, а когда, насидевшись в очередях поликлиники, с превеликим трудом подготовился, — в больницу не положили. Сердитый заведующий травматологическим отделением запугал, сказав, что на подобную операцию страховка не действует, надо платить. Сказал таким тоном, словно я собирался просить у него займы.

— К тому же придется брать костный материал из ребра, — предупредил он, — а это еще одна операция, а потом и еще — по удалению из руки временной металлической пластины... Вам это нужно?! — спросил он почти с угрозой.

Высокий, белокурый заведующий, как все крупные люди, должен бы быть благодушным и спокойным. Этот — нет. Все чего-то нервничал и нервничал и барабанил толстыми пальцами по столу. В общем, запугал. Вернулся я домой и стал ждать, когда сама собой срастется рука.

Несколько недель мучился в гипсе. Вроде бы не нытик, а все равно хотелось, чтобы жалели да уделяли побольше внимания. Вместо этого сын с внуком все просьбы откладывали на «потом».

— Дедушка, мне некогда, — прямо говорил двенадцатилетний сорванец, когда его просил о чем-нибудь, — сегодня продвинутую игру взял у ребят! — И полдня потом сидел за компьютером.

— Пап, — отзывался сын, вернувшись с работы, — погоди немного, хоккей посмотрю.

Сноху уж и не тревожил — хорошо еще, что еду готовит. И все трое почему-то молчунами стали. А уж так поговорить хотелось. Приезжал, правда, с работы коллега-журналист, но мало пробыл, почти ничего не расска-

зал, только порадовался, что главного редактора перевели в замы. Правда, за встречу коньяку выпили. Вот и вся радость. Была, и нет ее. И опять не с кем словечком обмолвиться. Обидно, конечно, что на внимание родственнички оказались небогаты, но ничего не поделаешь — у всех свои заботы. Поэтому с каждым днем все меньше старался обременять их. Из принципа. Ведь не скажешь, что нельзя так относиться к больному, тем более родному человеку. Ведь должны же быть в каждом из нас милосердие, сердечность! Нет, конечно, — обидятся, а сами не догадывались или не хотели догадываться. От этого еще обиднее делалось. Поневоле часто вспоминалась жена, которой уже нет два года. Была бы жива — и забот никаких, и просить никого не надо. Сама всегда обо всем догадается, предложит помощь. И ждать никогда не заставляла. Не то, что сын. Поэтому и обида копилась на его семью, потому что и внук и сноха брали с него пример. А я, получалось, в доме лишним стал, обузой. Разве не обидно?!

И обида, наверное, еще долго бы жила, но толку от нее мало. Это пришлось признать. Поневоле стал больше надеяться на себя самого, тем более что рука на поправку пошла, да и нога почти перестала хромать. На душе посветлело. А вскоре дни заметно прибавились, весна наступила, и все чаще хотелось в окно выглянуть, посмотреть, что во дворе делается. Как-то выглянул и... увидел ворону с культей вместо правого крыла. Сразу заволновался. Когда же по кривому клюву узнал осеннюю знакомую, то не мог поверить в это чудо! Где она смогла пережить зиму, чем питалась, как спасалась от морозов?! Никто ведь за ней не ухаживал, лекарствами не потчевал. И пожаловаться ей было некому, и обижаться не на кого. Подумал так, и сразу в душе что-то перевернулось, стало стыдно за свое нытье и сомнения, за то, что не голодал, что всю зиму прожил в теплой квартире на всем готовом, — за все стыдно. Захотелось крикнуть вороне: «Прости, серая!»

И я не удержался, взял хлеб и сыр и пошел кормить ее, но она, заметив меня у подъезда, удивительно быстро припустилась по талому снегу, словно вспомнила, как осенью пытался ее поймать. Отбежав, начала искоса наблюдать за мной: не стану ли догонять. И тогда стало понятно, что неспроста она такая недоверчивая: осторожность помогла ей выжить, дожидаться теплых дней. «Хитра!» — подумал я и улыбнулся. И в этот момент почему-

то стало так радостно и легко, как не было давным-давно. Постоял-постоял у подъезда, понаблюдал за вороной и подумал о своих домашних. Пока думал, обида на них мало-помалу пропала.

Чего же теперь обижаться, когда весна пришла и картошка вернулась!

МАМИНА ПУСТОШЬ

Нынешней весной в Княжой еще одна усадьба освободилась: сосед Михаил отказался сажать картошку, потому что давно жил в поселке — каждый раз не наездишься. А матушка моя, как узнала об этом, сразу загорелась и быстрее звонить мне.

— Давай-ка и соседнюю усадьбу картошкой засадим, — натужно кричала она в хрипящую трубку на переговорном пункте поселкового телеграфа, — зачем пустошь разводить?!

— Мам, куда тебе столько картошки? Завалиться, что ли?! — возмутился я, после ужина развалившись на диване, когда так хочется полежать спокойно после целого дня мотания по суетным московским улицам. — На двух огородах замучаешься жуков собирать. Или у тебя скотины полный двор? Ладно бы корова была, как прежде, поросенок — тогда понятно. А так что ты с картошкой будешь делать?

— С собой возьмешь.

— Ну, мешок-другой, пожалуй, заберу, а остальную куда?

— В райпо сдам.

— Много ты в прошлом году сдала?

— Много не много, а на мешок сахара выручила.

— А вложила сколько в нее. Хотя бы считала?

— А я и без счета знаю.

— Я тебе напомню. Вот смотри, во что она тебе обходится, — и начал загибать пальцы, но матушка оборвала:

— Во что бы ни обходилась, а, пока жива, земле пустошать не позволю. Так и знай! И давай-ка, сынок, сменим пластинку. Расскажи лучше, как внучок поживает и жене-нушка?

— Чего им сделается, — сердито ворчал я в трубку, — собираются картошку сажать, на майские праздники при-скачем.

Конечно, заранее матушку огорчать не стал, потому что

уже точно знал, что жена не приедет — ухаживает за своей заболевшей матерью, да и сын вряд ли: в поход собрался. У старшеклассников мода такая пошла — весной в походы ходить. Наберут палаток, одеял, еды и уезжают на два-три дня. Я отговаривал своего, всячески заманивал к бабушке, но разве соблазнишь шестнадцатилетнего парня посадкой картошки, если он задумал что-то сделать по-своему.

Так и пришлось в этом году ехать в родную деревню одному.

Правда, когда приехал, то узнал, что пустующую усадьбу сосед уступил нашим знакомым Петуховым. За сколько они сговорились — не знаю, знаю только, что теперь мать перестанет жужжать о чужом огороде.

Третий год каждую зиму готовлю мать, что, мол, весной картошку сажать не надо, а на те деньги, что тратишь на бутылки, купишь три-четыре мешка и живи не тужи. Зимой мать соглашалась, а как приходила весна — опять за свое. Хочешь не хочешь, а приходилось ехать помогать, потому что нельзя ее одну оставить. Никаких сил не хватит исполнить обещание: «Вот придет весна — к картошке больше не притронусь!» Нет, весной все выходило наоборот.

А в эту и вовсе повезло: и с погодой, и лошадь добыли, и соседи помогли посадить. За два часа управились, даже не верилось, что так быстро. Когда шли с огорода, матушка не выдержала и, прищелкнув языком, укорила:

— Вот так-то. А ты весь год отбрыкивался. Зато как сейчас на душе радостно.

Ничего не ответил ей, только жалостливо посмотрел: совсем старенькая стала — нога еле идет, щеки пунцовые от давления, а все хорохорится.

— Что такой невеселый? Устал, сынок? А может, заболел? А ну, подойди, лоб-то потрогаю!

— Мам, все в порядке, — ответил я немного раздраженно, потому что спокойно отвечать на ее излишнюю заботливость ко мне, сорокалетнему, не мог: — Иди-ка сама отдохни.

— Некогда отдыхать — людей угостить надо.

«Угощались» в саду. Мужики хряпнули по стакану, быстро закусили и так же быстро разошлись, а мать все сидела на фуфайке перед расстеленными на траве газетами и о чем-то думала.

— Мам, что с тобой?
— Да так я, дух перевозжу.
— Иди, отдохни.
— Сейчас стаканы соберу и пойду. Полежать надо, а как же, — и вздохнула: глубоко, тяжело.

Но долго в избе не провалялась. Когда приехали Петуховы, тотчас вышла на улицу, но вскоре вернулась и будто невзначай попросила:

— Сходил бы помог им, а то троим не управиться. Лошадь совсем не ходит. Ныне лошадей-то водить надо, а раньше-то сами борозду держали.

Вышел я, поздоровался. Как-никак старые знакомые, когда-то семьями дружили, пока они тоже в поселок не переехали.

— Ну, что, помочь? — спросил безо всякой охоты.

— Одни управимся, — это мне Петухов, а младший, сын его, согласился:

— Помоги, — говорит, — если желание есть.

А желания нет особого. Только что по своему огороду набегался. Но помогать стал. Да и работа-то не трудна — картошку в грядки бросать. Петухов-старший за сохой ходит, сын водит лошадь под уздцы, а мы с его женой картошку бросаем. Мать же моя тем временем с ее малолетними дочками забавляется. Всем дело нашлось. Поначалу работали молчаливо, сосредоточенно, а потом разговорились, стали вспоминать смешные и не очень смешные случаи. За разговорами — грядочка по грядочке — работа все виднее. И на душе от этого веселее стало. К тому же Петуховы собирались не весь огород засаживать, а половину или чуть больше. Когда всю картошку высадили — земля еще осталась. А мать тут как тут, к Петухову-старшему подступила:

— Сергей Павлович, у нас еще полмешка осталось. Может, посадим? Чего земле пустовать!

Я посмотрел на него: мол, решай. А тот согласно улыбнулся узкими глазами:

— Неси, заодно и вашу определим.

Я словно ждал этого согласия, сразу побежал за картошкой и по пути не мог понять, что со мной, почему вдруг так разохотился. Меня будто подменили. Теперь уж казалось, что землю надо непременно засадить до конца, зачем оставлять ее, вспаханную, на откуп бурьяну. Когда высадили и эти полмешка, я предложил:

— Может, у соседей займем полмешочка, а, мам?

Она пристально посмотрела на меня: не шучу ли, и сказала:

— По соседям бегать нет необходимости, а вот в катушке ведерко еще стоит, разве ему там место?!

Мы вроде договорились, зато Петуховы забастовали:

— Заканчиваем, заканчиваем, — закричал Петухов-младший — краснощекий здоровяк.

— А вот тебе-то стыдно от работы отказываться, — шутливо пожурил его. — Земля пустует, картошка прорастает, а он ленится лишнюю грядку пройти.

— Я не против, да отцу придется потом воевать здесь. Жди, когда мы появимся. А когда приедем на выходные — нам лишний часок поспать хочется.

— Ладно, Саш, — перешла его жена на нашу сторону, — давай посадим. Недолго ведь.

Решили почти единогласно. Долго ли с ведром раздаться? Разговоров больше!

Когда бросили в грядку последнюю картофелину и Петуховы начали распрягать лошадь, меня одолела приятная усталость. Присел на теплый пенек и с неожиданным удовольствием смотрел на кипенно-белый терновник, цветущий на меже неподалеку, на мелькавших над цветами пчел, на возившихся в ветлах неподалеку грачей, а более всего любовался ухоженной землей недавней пустоши, и еще синим-синим небом над головой.

Чуть позже прибежала соседка Вера, отвлекла, запрочитала:

— Володь, иди, помоги, а то зять приехал картошку сажать, а у него лошадь бороздой не ходит.

Едва соседка ушла, мать шепнула:

— Не ходи, устал ведь.

Но меня уж было не удержать.

ПЛАЧЬ, МАЛЬЧИК, ПЛАЧЬ...

Вечером, когда Петр Григорьев, инженер-проектировщик, только-только приехал с дачи, позвонил двоюродный брат Михаил и тусклым голосом сообщил, что завтра похороны... Попросил приехать. Сбор у метро «Крылатское» в половине десятого...

Григорьев не стал ничего выспрашивать, потому что ранее знал, что его жена при смерти от неизлечимой болезни, и пообещал быть. Привычно пообещал, будто каждую неделю ездил на похороны.

— Кто звонил? — недружелюбно спросила жена.
Григорьев ответил не сразу, словно решал: сказать жене или нет. Все-таки сказал:
— Михаил... Звал на похороны жены...
— Когда?
— Завтра... Поедешь?
— Да ты что... У меня конференция.
— У тебя всегда так: то конференция, то симпозиум...
Совсем помешалась на своей науке! Как только вам доверяют лечить людей, если вы совсем очерствели и не любите их?! Вы любите только свою науку ради науки!
— Все сказал?!

Григорьев ничего более не стал объяснять, взывать к совести, заранее зная, что жена не поедет. Это еще в первые годы откликнулась, а последнее время ни к кому не ездила. О дочери, которая пятый год замужем, но детей заводить не спешит, словно боится их, он даже упоминать не стал — бесполезно...

Когда-то у Петра была большая родня, но с каждым годом родственников оставалось все меньше и меньше, потому что умирали в их роду, как и по всей стране, больше, чем рождались. Родителей своих он давно похоронил, потому что был поздним ребенком, похоронил и теток, и самому ему было за пятьдесят. Так что за свою жизнь у него это были не первые похороны, на которые он не мог не поехать: ведь не стало жены у двоюродного брата, с которым в детстве и особенно в юности были самые что ни есть братские отношения. Поэтому, ни капли не сомневаясь, утром поехал в Крылатское, где находилась так называемая Кремлевская больница, где дожидалась родственников усопшая, чтобы отправиться в свой последний путь.

Да, дело обычное в своей печали, даже немного привычное, потому что вся траурная процедура была налажена и отработана: морг, кладбище, поминки... И может, от этой привычности люди в последние годы даже плакать разучились, ну если только самые-самые близкие женщины уткнутся в уголок черного платка, а чтобы громче, в голос — ни-ни, не принято стало. Это в деревне еще поголосят с причитаниями, но и там это начало отмирать, там, где прежде, бывало, специально нанимали плакальщиц, и считалось большим стыдом провести «глухие» похороны. Теперь все изменилось. О городах и вовсе говорить нечего, особенно о крупных, словно, чем круп-

нее город, тем народ в нем становится менее жалостливым. Даже новшество появилось в траурных домах: священники, чтобы не колготиться по церквям, стали служить заупокойную в моргах тех больниц, которые побогаче или с именем, а если как та, в какую сегодня попал Григорьев, — то и с певчими.

Певчих было четверо: двое мужчин, двое женщин. Пели они со знанием дела, на разные голоса, в нужных моментах заменяя молодого каменнолицего священника, словно не несшего службу, а исполнявшего повинность, — но все равно их профессиональное пение казалось нелепым в девять утра, когда мимо морга люди спешили на работу, хотя через закрытые двери голоса певчих на улицу, скорее всего, не доносились... Все же, на какое-то время закрыв глаза, Григорьев на минуту забылся, ему показалось, что находится он в храме, и печальные, проникновенные голоса усиливали ощущение. Правда, продолжалось это недолго, он открыл глаза, сверху, так как был высок ростом, осмотрел собравшихся родственников; родственников было больше с другой стороны, а с их, со стороны мужа усопшей, поменьше. Среди взрослых был лишь один подросток лет одиннадцати, внук усопшей, и на него Петр невольно обратил внимание, потому что лишь один он плакал по-настоящему, стыдливо пытался сдерживать рыдания, и еле сдерживал их, чаще других молясь. Иногда забывался, неправильно клал крест, но тут же исправлялся... Григорьеву подумалось: «Вот сейчас поплачет и успокоится». Но нет — в своем горе парнишка был все более истов, даже показалось, что он забыл обо всем на свете, лишь смотрел и смотрел на восковое лицо умершей бабушки... Григорьев заметил, как Максимка опалил свечой рукав куртки своему дяде, стоявшему рядом, — рукав задымился, и дым этот смешался с дымом ладана из кадила.

Отрешенность Максима заставила Григорьева вспомнить самого себя, как плакал сорок лет назад, будучи таким же по возрасту, на похоронах своего отца... Горе его тогда было безутешно, он проплакал до самого вечера, забившись от людей под яблоню, а потом и ночью не мог успокоиться. Поэтому сейчас, вспомнив себя, по-настоящему понимал этого парнишку. Ведь и тогда для него самого, и сейчас для этого маленького плакальщика, — это было самым первым пронзительным потрясением, отделяющим детство от взрослой жизни. Никогда позже

Григорьев не плакал, как тогда, даже когда двенадцать лет назад похоронил мать и оказался по-настоящему круглым сиротой. И не потому, что не жалко было собственной мамы, нет — он кричал в душе, не находил себе места, но внешне почти никак не показывая своих чувств, словно одеревенев или еще не успев осознать происходящее. Или, может, прожитые годы действительно очерствили душу, заставили на все, даже на смерть собственной матери смотреть почти без эмоций. И поэтому Григорьеву захотелось сейчас поменяться с этим мальчиком, побыть на его месте, чтобы вылить не вылившиеся за жизнь слезы, быть может, почувствовать после этого облегчение. Тогда — он в этом не сомневался — и на жизнь смотрел бы иными глазами: горящими, оптимистичными, забыв бы о тяготе последнего времени, а жил так, как будто только вступая в жизнь, еще не зная, что ждет впереди, но надеясь на самое-самое хорошее.

В этот момент Петру по-настоящему захотелось начать жизнь заново, чтобы впредь на всех похоронах плакать, как плакал сейчас Максимка и как плакал когда-то сам, чтобы быть впечатлительным, отзывчивым и не позволять жизни превращать себя в равнодушного или почти равнодушного... Задумавшись, Григорьев не заметил, как певчие умолкли, как священник пропел «Вечную память», как еще какое-то время родственники безмолвно смотрели на усопшую, неловко переминаясь, пока распорядитель, давая понять, что панихида закончена, не открыл двустворчатую дверь во двор, где стоял автобус-катафалк. Все оживились, даже кто-то сдержанно улыбнулся, перекинувшись парочкой слов, словно устав от сильного принуждения, выдержать которое едва хватило сил. Григорьев продолжал наблюдать за мальчиком, на которого никак не повлияло окончание панихиды. Он по-прежнему находился в своем горе, и Петру захотелось успокоить его, сказать много-много добрых слов, сказать что-нибудь особенное, похвалить, но ничего этого не сказал, лишь, улучив момент, подошел к мальчишке, обнял за плечо, без слов говоря обо всем, что думал.

Со стороны казалось, что он действительно хотел успокоить его, но Григорьев знал, что никакие слова сейчас не помогут Максимке, пока он сам не утешится, не выплачется до конца, и мысленно сказал мальчику, не желая лезть в его раскрывшуюся юную душу: «Плачь, мальчик, плачь...»

ПЛАКУЧЕЕ ДЕРЕВО

К середине мая, когда распустились деревья, а на газонах зазеленела трава, дворник Абдулла успел убрать зимний мусор, покрасил скамейки у подъездов, детскую площадку и принялся прочищать заросли возле подъездов, которые не прочищали четверть века: ровно столько, сколько стоит дом. Руководила работами техник Марина Сидорова — светлая девушка, совсем не похожая на прежних растолстевших теток-смотрителей.

Экономивший даже на еде и почти все деньги отсылавший семье в Таджикистан, поджарый Абдулла, неумело размахивая бензопилой, чекрыжил заросли зацветающей сирени, акации и свозил их на тележке к мусорному контейнеру. Спилит он и сухую иву у третьего подъезда, засохшую, видимо, от многочисленных кобелиных меток. Ветки с нее Абдулла вывез, а обрубок ствола зачем-то брезгливо бросил на проплешину, образовавшуюся в прошлом году на месте клена, сваленного бурей. Он частенько сживал на лавочке у четвертого подъезда с таксистом Костей. Полгода назад Костю, немного не дотянувшего до пенсии, парализовало, ходил он плохо, но с наступлением тепла потихоньку начал выбираться из подъезда — небритый и неухоженный — и удивленно смотрел на двор и людей, от которых отвык за зиму. Единственно, от чего он не отвык, — от привычки выпивать, поэтому Абдулла частенько бегал ему за бутылкой, иногда и сам остаканивался с ним.

Забытой на газоне ивой неожиданно заинтересовался «хозяин» двора, как он себя называл, бывший рецидивист Антон, свихнувшийся после трех или четырех ходок в зоны. Отпущенный по окончании последнего срока из психушки, он бесцельно с утра до вечера слонялся по двору. Старожилы помнили его молодым хитроватым парнем. Ходил Антон в выгоревшей парусиновой куртке, носил на поясе нож в ножнах и всем говорил: «Пока я жив, во дворе будет порядок!» И однажды доказал это, отстояв Абдуллу от нескольких шпанистых пацанов, пытавшихся избить дворника.

— Это наш азиат, союзный! — кричал Антон, защищая носатого Абдуллу. — Валите от него, а то всех зарежу!

«Лучше участкового следит за порядком!» — говорили о нем во дворе после того случая. Это нравилось Антону, хотя он ненавидел участкового и вообще всех милицио-

неров. Ему нравилось, что он — хозяин двора, хотя прежде хозяином считался Костя. Но теперь тому ни до чего дела нет, а он, Антон, за все в ответе. Поэтому даже такая мелочь, как валявшаяся ива, показалась ему явным бес-пределом, с которым он решил разобраться по-своему: раздобыв где-то лопату и оголив синие от наколок руки, начал копать яму. Со стороны посмотреть — непонятно зачем. Костя, сидевший в это время у подъезда, увидев такое дело, шумнул, желая отпугнуть:

— Эй, чудо, зачем газон-то курочишь?!

Но Антон лишь отмахнулся, не желая тратить силы на слова, или, может, оттого, что очень был занят. Он быстро вырыл яму, опустил в нее засохший обрубок ивы, завалил землей, а вокруг ствола начал делать вал из земли, чтобы было удобно поливать. И сразу же принес ведро воды.

— Сходи, узнай, чего это он затеял?! — послал Костя дворника к Антону.

Абдулла хотя и уважал Антона после того случая, но пошел нехотя, потому что в душе побаивался его, как и все во дворе, из-за ножа; ведь когда что-то было не по нему, Антон, не церемонясь, говорил любому: «Зарежу!» Правда, участковый проверил и доложил пугливым гражданам, что вместо ножа у него деревянный обрубок, но рукоятка выглядела по-настоящему грозно, и Антон, пугая малознакомых людей, частенько хватался за нее. Но нож, следуя блатным понятиям, он никогда не доставал из ножен. Абдулла все это знал, но все-таки старался держаться на почтительном расстоянии. Он и теперь остановился в сторонке и с опаской в голосе спросил:

— Что делаешь, уважаемый?

— Яблоки будут... Зачем спилил?! — вместо ответа, укорил Антон и покачал головой.

— Он сухой, — показав на дерево, пояснил Абдулла, — не мог расти... Давно чик-чик надо делать...

— Тебе бы чик-чик по самые... — Антон не стеснялся в выражениях, вовсю матерился, и Абдулла не знал, как с ним говорить.

Потоптавшись около, он вернулся к Косте, пожаловался:

— Ай, вай — совсем больной... Сказал — яблоки будут расти...

— Ладно, не связывайся, — посоветовал Костя, — чего взять с сумасшедшего...

О «яблоне» Антона жильцы поговорили день-другой,

посмеялись и забыли. Даже техник Марина старалась не замечать беспорядок на вверенной территории. Зато, когда через неделю по дворам пошла комиссия из муниципалитета, этот беспорядок сразу заметили и спросили у невысокого, краснощекого начальника ДЭЗа, прятавшегося за спинами членов комиссии:

— Что это такое?

— Техник Сидорова нам сейчас объяснит... — переложил тот вину на свою подчиненную.

— Это местный больной посадил... Ничего с ним сделать не можем!

— Убрать! — прозвучала команда.

— Кого?! — не поняла Сидорова.

— Не кого, а что — дерево!

Команда была дана, и, хочешь не хочешь, ее следовало выполнять.

Чтобы не создавать лишнего шума, иву решили выкопать ночью, но Антон каким-то образом узнал о коварном намерении местного начальства и круглосуточно дежурил у подъезда. Седовласая мать, на которую Антон очень походил, только не был седым, звала домой, просила хотя бы часок поспать, но он отказывался.

— Яблоки будут! Яблоки! Почему вы, мама, даже мне не верите?! — убеждал и укорял Антон родного человека, и на его глазах появлялись слезы, которые он прятал от матери.

Старушка качала головой, сморкалась и уходила в подъезд тоже в слезах.

Никто не знал: стараниями ли Антона или само по себе, как и положено обрубку ивы, попавшему во влажную землю, но на нем, прямо из шершавого ствола появились два побега и очень быстро выкинули листочки, начали расти буквально на глазах. Антон ликовал.

— Скоро зацветут... Яблоки будут, — говорил он всем во дворе, и с ним соглашались, кивали, не желая обижать больного человека. А когда он окончательно надоел, то его начали обходить стороной, чтобы не портить себе настроения.

Но неожиданно Антон пропал, никто не знал, где он, но потом кто-то сказал, что люди видели, как однажды поздним вечером трое крепких санитаров скрутили его у подъезда и затолкали в медицинскую машину. И мать после подтвердила это, сказав, что сына отвезли на профилактику.

— Хотя два месяца отдохну! — вздыхала и тихо радовалась она.

И все во дворе радовались, потому что теперь, хотя бы два месяца, не надо будет сторониться навязчивого больного человека, не надо входить в подъезд и вздрагивать при неожиданном возгласе: «Зарежу!» Радоваться-то радовались, но никто не верил слухам, просочившимся недели через три, будто Антон удавился в психиатрической больнице: распустил на лоскуты пижаму и свил из нее веревку... А перед этим несколько дней просил, как рассказывала санитарка его матери, чтобы отпустили на час-другой полить иву, а то, мол, цветы на ней засохнут и яблоки не уродятся... Его, конечно, не отпустили, да и не могли отпустить. Но все это стало известно не сразу, а лишь когда мать Антона начала ходить по июльской жаре в черном платке.

Кроме матери, об Антоне горевал только Абдулла. Он все еще не верил в его гибель и каждый день поливал иву, будто исполнял обещание, данное своему заступнику. Поливал регулярно, даже когда выпивал с Костей, но это все равно не помогло. Побег на иве, так и не успевшие по-настоящему отрасти, мало-помалу завяли, пожелтели, а из трещин ствола начал сочиться желтый пенный сок, словно ива плакала по Антону, плакала долго и постепенно от своего горя умерла. Во второй раз. Теперь уж, видно, навсегда. Может, поэтому окончательно погибшую иву никто не решался выкапывать, а Абдулла по-прежнему не жалел воды, надеясь на чудо, чем сильно раздражал опрятную, чистенькую Марину, ничуть не огрубевшую от общения с рабочим людом. Правда, научившуюся ругаться.

— Тоже, что ли, свихнулся! — зло топала она ногой. — Не двор стал, а настоящий дурдом!

Тот отмалчивался, не желая раздражать начальницу. Часто скрывался от ее гнева в подвале соседнего дома, где было общежитие на восемь человек, забытое всеми комиссиями, и подолгу лежал на засаленном ватном одеяле. А когда появлялся из подземелья, то засиживался на лавочке с Костей, опять ставшим без Антона хозяином двора, выпивал с ним. Поэтому Абдулла работал все хуже, а Сидорова на него постоянно ругалась, и наконец уволила его за пьянство. Он пытался устроиться в соседний ДЭЗ, но безуспешно. Тогда, помыкавшись, собрался в далекий город Куляб, где ждала жена и трое детишек, и

уехал из Москвы без подарков, так как даже на билет денег едва хватило. Вместо Абдуллы, к которому за полтора года успели привыкнуть во дворе, Марина откуда-то привела его молодого земляка. Он не столько работал, сколько звонил по мобильнику и разъезжал на старом, но вполне исправном велосипеде.

Вскоре после появления нового дворника ива исчезла, на ее месте посеяли траву, и через неделю плешина заросла молодой зеленью. Новичок быстро завел знакомство с Костей, удивительно окрепшим и посвежевшим за лето, узнавал от него о порядках и обычаях двора. Желая угодить, дворник часто ездил на велосипеде за водкой. Хотя до магазина было всего метров двести, не более, но на велосипеде все равно получалось быстрее, чем пешком.

Такая вот обычная история.

Эдуард АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ВЕГЕТАРИАНЦЫ

Все же удивительно, как, бывает, домашние животные помогают человеку приблизить его к ощущению единства всего живого.

Мой приятель — человек, известный в своих кругах, художник, — купил однажды в деревне под Вологдой дом и, переделав его под художественную мастерскую, стал там жить и работать большую часть года, предпочитая деревенскую тишину городской суете. К тому же, в одиночестве, на природе, творчество всегда проявляется ярочнее и отчетливее.

Надо сказать, Володя Коркин — так его зовут! — любил на досуге, между делом, побродить по полям, по лесам с ружьем: пострелять на болоте уток, стрельнуть, при случае, зверя. И особой сентиментальностью по отношению к животным не отличался. Ни к диким, ни к домашним. Ну, с дикими-то понятно: если уж кого-то убил — утку или кабана — то дело тут ясное: это добыча. А вот с домашними всегда труднее: даже курице голову отрубить, а уж тем более барана зарезать — не так просто; даже из деревенских жителей не у каждого на это рука поднимается.

ПРОЗА

Хотя и приходится... А Володя умел. И курицу, и барана; даже, бывало, и теленка мог, когда соседи помочь просили. «Деревенский человек должен уметь все!» — жестко говорил Володя, когда дело касалось принципов. Что ж, я с ним согласен. Тем более что предки Володины действительно, надо сказать, родились в деревне. Как, собственно, и у всех нас...

И потому не было для Володи Коркина особых проблем, как встретить своих приятелей, которые приезжали к нему из Москвы в гости — а первые два-три года гости были довольно часты: приятели-то у Володи все художники, а у художников всегда есть свободное время! И проблем, как встретить, у Володи не было: покупал у кого-нибудь из соседей овечку, волок ее в свой двор, сам там резал и сам разделывал; а потом делал шашлыки. И, надо признаться, шашлыки делал Володя отменные... А чтобы не бегать-искать каждый раз по деревне, кто бы продал лишнюю овечку или барана, Володя с некоторых пор стал покупать их заранее. И держать в хлеву, оставшемся от прежних хозяев. Покупал весной, а потом выгуливал во дворе — благо травы вокруг дома хватало.

И, поскольку с Володей мы приятели близкие, и я тоже художник, то и повадился я ездить к нему в деревню почти каждый год. По случаю встречи мы, естественно, устраивали праздник — делали возле бани шашлык из свежей баранины и наслаждались яством... О, этот запах от костерка, где жарятся на шампурах сочные куски баранины! Закуски вкуснее этой трудно придумать.

Но... Но весьма неожиданным образом наши праздники однажды закончились. А началось все с того, что как-то весной Володя не смог купить молодого барана — не было ни у кого лишних. Но продали ему старую овечку — которая, вроде бы, должна была скоро ягниться. И она действительно ягнилась — как раз в тот день, когда я в очередной раз приехал к Володе в его деревню. Глядь — а на деревенской, заросшей травой дороге, напротив Володино дома, стоит, привязанная к колу, белая овечка. А около нее — два маленьких, только что родившихся ягненка. Один уже стоит на ногах, хотя и пошатывается, другой еще лежит — и мамаша вылизывает его. А день был хоть и весенний, но холодный — бывает у нас, в России, такое часто.

Володя оказался дома — кормил на кухне какого-то щенка.

— Во! — сказал он, не глядя на меня, будто только что виделись. — Нравится? — Он приподнял псину за загривок и потряс ею, как бы прикидывая на вес. — Трехмесячный. Купил тут вчера у одного.

— Дворняга или охотничий? — спросил я.

— Ну, кто ж его знает. Я заказал — мне привезли. Из соседней деревни. — Володя опустил щенка на пол и, чуть отодвинувшись, опять оценивающе посмотрел на него как бы со стороны. — Сказали, естественно, что охотничий... Зовут Рексом. Теперь вместе на охоту ходить будем.

Щенок был уже достаточно большой. Пожалуй, больше, чем трехмесячный.

— Там, у забора, овечка пасется, — сказал я. — Твоя?

— Ну, — кивнул головой Володя. — Сделаем из нее сегодня шашлыки. Отметим приезд. По традиции.

— Она только что ягнилась, — сказал я. — Двое там ползают около нее.

— Да? — Володя подумал. — Так я и брал ее для того, чтобы ягнилась. Что-то в этом году никто не продает баранов. Пришлось брать то, что дали. — Володя поморщил лоб. — Значит, шашлыков сегодня не будет: надо ж подождать, чтоб вначале она выкормила!

Он поднялся с пола, посмотрел на меня — тоже оценивающе, как только что на своего щенка, — и направился к дверям. — Пойдем, — немногословно произнес он. — Поможешь. Раз уж приехал. Земля-то холодная, надо отнести их в хлев.

Да, Володя суров, когда с ним один на один. В компании — веселый, разговорчивый, а один на один — как кремень.

Загнали мы с ним овечку в хлев, отнесли туда же и ее малышей. Потом затопили баню внизу огорода. А ближе к вечеру, перед тем, как залезть на полоч, соорудили на огороде небольшой костерчик. По традиции. Сели-посидели, закусили консервами, подремали-поговорили и пошли париться. Обошлись — впервые! — без шашлыков.

А утром пришли в хлев смотреть — а там беда. Один баранчик мамку сосет, а другой лежит, еле дышит и даже глаза не открывает. Видно, сильно простыл вчера. А если нет у него сил подняться, чтобы сосать мамку, то и до вечера не дотянет, помрет, бедолага.

Посмотрели-подумали... Взяли этого баранчика в дом,

нашли бутылку, приладили к ней соску и пошли к соседям, которые держали корову, — за молоком. И потом возились с Федькой — так называли, чтобы не путать со вторым! — весь день, запихивая ему в рот ложку с лекарством от бронхита и соску с молоком. Результат превзошел ожидания: к вечеру малыш уже стоял на ногах и даже пробовал ходить по комнате. Что ж, отнесли его на ночь обратно в хлев.

А на следующий день пришли — опять лежит. Глаза закрыты, и слышно, как хрипит, когда дышит: видно, очень застудился, когда лежал на земле в первый день.

— Похоже, что наш Федька уже не жилец на этом свете, — сказал я, прислушиваясь к его частому дыханию. — По-моему, он даже не поднимался на ноги со вчерашнего дня.

Мы постояли, подумали. А что думать? Не выбросишь же его во двор; придется ждать, пока не помрет — а потом нести в болото, подальше от деревни.

— У меня где-то в доме есть рыбий жир, — задумчиво сказал Володя. — Надо еще раз дать ему микстуру от кашля, а потом напоить рыбьим жиром: вдруг поможет...

Забрали мы Федьку опять в хату. На ногах он уже стоял. И глаза не открывал. Глаза закрыты — и только хрип в горле... Я взял его на руки, Володя постелил мне на колени полотенце. Опять запихнули ему в рот ложку с лекарством от бронхита, потом еще одну с рыбьим жиром — страшную гадость, вонючую и неприятную еще по памяти со времен нашего детства, когда нас пичкали таким же рыбьим жиром наши родители, тоже в качестве витаминной бурды... Так что после этой бурды — хочешь или не хочешь! — а выкатишь глаза вверх, будто тебя колом по башке двинули. И, пока Федька, выкатив глаза на лоб, смотрел в потолок, мы ему запихнули в горло еще и соску с молоком.

И к вечеру Федька опять ожил! Опять начал по комнате передвигаться, просторы обследовать: делает шаг-два — и ложится отдыхать: сил-то мало! Еще шаг — и опять на пол. Но ходит, двигается! А следом щенок идет: любопытно ему, что это за птица такая чудная в доме — никогда не видел!

— Теперь поправится, — довольно сказал Володя. — Отнесем его мамаше — пусть кормит: у нее молока много.

Довольные, что спасли от неминуемой гибели живое существо, мы оттащили нашего баранчика опять в хлев и,

постелив ему там сухого сенца, подтолкнули к мамке. Полез наш Федька к вымени — а мамаша его не пускает! Понюхала — и в сторону. Сработал рефлекс: в большом стаде овцы узнают своих ягнят по запаху — и не принимают чужих. А Федьку мы так напичкали рыбьим жиром и микстурами, что запах от него стал, естественно, уже не бараний. И бестолковая маманя решила, что это не ее малыш: как мы ни подсовывали нашего Федьку ей под брюхо, она отталкивала его ногой и отходила в сторону — ко второму, понюхать, не подменили ли мы и его. И, понюхав и убедившись, что этот свой, умно смотрела на нас, явно давая понять нам, что ее на мякине не проведешь.

— Дура! — с чувством сказал мой приятель, и глаза его тоже стали умными. — Посчитай сама: тут только два! Значит, оба — твои! Ну не бестолочь?

Мы опять попробовали подсунуть под нее Федьку. Но все было напрасно. Она толкала его ногой, поддавала в зад своим толстым лбом и отходила в сторону.

Что делать? В сложных ситуациях я тоже бываю суров — как мой приятель. Подмял я овцу под себя, ухватил за уши — и оседлал сверху, как лошадь на ипподроме. Володя подсунул ей под брюхо Федьку, а Федька — не дурак! — сразу нашел то, что надо, и так зачмокал, что даже мне захотелось попробовать свежего овечьего молока.

Так и пошло: утром, в обед и вечером мы с Володей заходили в хлев; я, как лихой наездник, заскакивал мамаше на спину, Володя подсовывал ей Федьку под брюхо, и мы ждали, пока Федька наестся. А потом несли его в хату и давали микстуры. После микстур отводили обратно в хлев. Между завтраком, обедом и ужином приходили еще раз пять с бутылкой — поили из соски. А что делать? Второй-то баранчик сосал молоко через каждые полчаса, когда хотел, — а наш-то в это время стоял рядом голодный! Стоял и ждал своих кормильцев! И так иногда блеял и звал нас, что приходилось бросать все наши дела и идти к нему. А едва мы появлялись в хлеву, Федька сразу бросался своей мамаше под ноги — искать вымя; и мне приходилось догонять мамашу по ходу дела — и заскакивать на нее, как заскакивают на бегущую по арене лошадь цирковые наездники.

К концу недели маленький баранчик уже бегал за нами, как собачонка. Чуть забыл дверь в сарае прикрыть, смотришь — он уже вместе с Рексом сзади бежит, под ногами

путается. И не отгонишь: он же не понимает, за что! В комнате от него закрылся — он стоит с другой стороны двери и кричит-зовет, как ребенок. В хлеву запрешь — плачет. А сердце у нас с Володей, естественно, не из камня. Так что, едва мы с Володей выходили утром во двор, — обязательно и Федьку нужно было выпускать из хлева. И бегают он по двору вместе с Рексом — и будто у нас одна семья. А своих родных, которые стояли в хлеву — мамашу и братца! — Федька за родню почти и не воспринимал. Стоял или лежал рядом — если приходилось быть вместе! — и смотрел в сторону. Как сирота, подброшенная в барский дом.

Недели через две мне нужно было уезжать домой: так я решил, когда затевал ту поездку. Но Володя попросил остаться. И я остался до самой осени: нельзя же оставлять товарища в беде! Тем более что работу свою я и здесь мог вполне делать — натюрморты писать. Как Володя.

Но если есть работа — должен быть и отдых! А какой отдых, если в лес — не пойди, на реку не сходи, на охоту — тем более: на кого оставить наших ребят, членов семьи? Так что день наш теперь проходил по единому графику: завтрак и обед — порознь: мы — у себя, Федька — в хлеву; однако ж надо было вначале зайти в хлев и поймать мамашу, потому как все равно молоко пропадает; в перерывах между завтраком и обедом — дополнительное питание, из бутылки; а ужинали всей семьей: мы с Володей, Рекс и Федька. У нас, в хате.

И с каждым новым днем баранчик наш становился все красивее и красивее. Шерстка — в отличие от братца! — такая была на нем белая и чистая, будто какой-то художник довел до ума кистью; и сам весь — пузатенький, гладенький, хоть на выставку! А в глазах — ясность и понимание... Даже Федькой неловко называть, хочется сказать как-то поделикатнее: Федя, например.

Что ж, скоро Федя и по росту перегнал своего братца.

И пришел день, когда Володя начал как-то по особенному смотреть в сторону наших ребятишек: то на щенка своего поглядит, на Рекса, то на Федю взгляд переведет. И хмурится.

— Думаешь, что с ним делать дальше? — догадался я. — Как хочешь, а шашлык из Федьки я делать не буду. Ни сейчас, ни потом. И не представляю, как на него может подняться чья-то рука, чтобы, когда подрастет, ему горло резать...

Володя промолчал.

— Но ты же из деревенских! — пожалел его я. — К тому же, охотник. Ты должен уметь все. — Я испытующе посмотрел на своего приятеля.

Володя натянуто улыбнулся.

А время шло. Баранчик рос быстро, и мы с Володей постепенно втянулись в нашу прежнюю — настоящую! — работу. Каждое утро, накормив Федьку и Рекса и позавтракав сами, брали наши мольберты и треножки и уходили на реку или в лес — заниматься там своим делом. Творчеством. Но далеко от дома не отходили: до обеда возвращались пару раз — а иногда и три! — в хлев, чтобы подкормить сироту. В обед у нас была общая кормежка. Вместе с Рексом, Федькой и рыбьим жиром. Потом снова уходили на работу.

Так продолжалось почти два месяца. За это время ребята наши подросли и стали постоянно увязываться за нами следом: хоть во дворе, хоть на улице, хоть в хате; в какую сторону ни пойти — сзади Рекс, а за Рексом Федька. И никуда этого Федьку не деть. В хлеву он только ночевал, а наступил день — надо выпускать всех во двор, на траву. Овечка со своим баранчиком — в одну сторону, а Федька — в другую, к нам. Запрещь снова в хлеву — выпрыгивает через жерди и бежит к Рексу. Назад, на своего братца или мамашу даже не оглянется. Ни дать ни взять — домашняя собачонка! Бегают с Рексом наперегонки, бодаются, если что не так, а если появляется рядом кто-то чужой, — защищают друг друга: подошел, к примеру, к Рексу кто-то из соседей, чтобы погладить, — Федька тотчас обидчика на рога. Рожки-то еще маленькие, зато лоб крутой! Чуть отступил на два шага назад, разгон взял — и вперед! Как на ворота. А Рекс — Федьку защищает, если, к примеру, остановились мы все вместе на обратном пути из леса около магазина и кому-то из нас потребовалось взять что-то на ужин. Например, хлеб. Или банку шпротов на закуску. А кто пойдет в магазин? Только мы с Володей! Занырнули в магазин — а в это время к барану кто-то из деревенских подошел. Поглядеть поближе. Посмеяться над бараном, который с собакой дружит. И вот тогда Рекс тоже проявлял инициативу: обнажал свои клыки, предупреждал, что друга в обиду не даст.

Пробовали мы с Володей привязывать Федьку на веревку, когда уходили в лес или в поле. Бесполезно! Или

веревку порвет, или шею себе до крови натрет. А жалко! Он же не понимает, что свобода — не для баранов... Так все лето мы и провели в общей компании. Даже на охоту ни разу не сходили.

Осенью, когда мне уезжать, стали мы с Володией думать, куда деть Федьку, нашего барана, кому отдать?

— А кому ни отдашь — зарежут, — сумрачно сказал Володя. — У домашней скотины один конец, под нож — и на стол.

И решил Володя остаться в деревне на всю зиму: холстов много, краски-кисти есть, работы хватает — можно и здесь заканчивать зимой то, чего недоделал летом. Особенно жанровые картинки. Стог сена, например, а рядом — белый баран... Заодно и с Федькой все проблемы отодвигаются на неопределенное будущее: пусть пока бегают по двору, а там что-нибудь, может быть, и придумается...

Уехал я в Москву — и как-то сразу забыл обо всем; другие заботы и впечатления вытеснили из моей головы летние события. А зимой получил от Володи Коркина письмо. Приглашал он на весеннюю охоту — на тетеревов. Писал, в числе прочего, что жизнь в деревне зимой ему нравится, что ходит он с Рексом на охоту, и что Рекс на охоте работает лучше иной чистокровной — гонит зайца или кабана как настоящий гончак; писал, что от всего бараньего хозяйства остался только Федька, а овцу и ее второго баранчика — продал; а Федька жив и здоров и, когда ему удастся открыть в хлеву дверь, бегают вместе с Рексом по заснеженным лесам и полям; и, бывает, очень мешает на охоте: распугивает всю дичь в округе.

Прочитал я письмо, похмыкал — «удается открыть в хлеву дверь!» — и опять забыл, до весны. Но на весеннюю охоту я не поехал, а собрался только в конце лета. Засунул ружье в чехол, собрал свои краски-кисточки — и в деревню, к Володе.

Вначале на поезде, потом на рейсовом междугородном автобусе, потом на рейсовом местном — и вот та деревня, где живет Коркин Володя. Андричево. От автобусной остановки до его дома — десять минут. Удобно! Дошел я до дома, кликнул Володю и начал открывать калитку. Вдруг слышу: с той стороны забора — радостный визг. Чудное дело — Рекс узнал меня даже через калитку! Вот это чутье, вот это слух!

Я откинул щеколду и вошел во двор. Небольшая лох-

матая псина — наш Рекс! — бросился мне под ноги, завертелся-закружился и, перевернувшись на спину, потребовал ублажения. Хвост — как пропеллер, вздымал с земляной дорожки мелкую пыль.

— Ох, ты, Рекс, ох ты хороший! — Я было нагнулся, чтобы погладить его, как вдруг заметил в глубине бурьяна, выросшего во дворе, большого белого барана с рогами, как у кавказского тура. «Вот это да, — прошептал я в изумлении. — Неужели — Федька?» — Я присел на корточки и поманил его рукой: «Федя, Федя!»

Баран скакнул на месте — и мое лицо расплылось от удовольствия: узнал меня, мерзавец, узнал своего кормильца!

«Кавказский тур» опять скакнул, потом пригнул чуть-чуть голову и понесся на меня с такой прытью, что я просто не успел ничего понять. Я просто сбросил с себя рюкзак — и, слава богу, что сбросил себе под ноги. Так что он оказался между мной и Федькой. В следующий момент мой рюкзак, в котором было напихано всего помаленьку и иногда позванивало, если слегка потрясти, — рюкзак мой взлетел в воздух, опрокинул меня и оказался метрах в десяти от калитки.

Из лежачего положения, крепко вцепившись в зачехленный дробовик, который болтался у меня на плече, я посмотрел снизу вверх.

— Ты чего, бандюга! — несколько растерянно произнес я. — Это ж я, твой кормилец!

Белоснежный баран с большими рогами, склонив голову набок и кося левым глазом, смотрел на меня, явно примериваясь к следующему удару.

— Федька! — Я протянул к нему руку.

Федька поднял правое копыто и копнул землю, как обыкновенно пробует свою силу бык перед тем, как поднять на рога паровоз, по неосторожности отцепленный кем-то от всего состава и стоящий на запасном пути один, как бы сам по себе. Потом Федя начал медленно отходить назад, чтобы набрать нужную для хорошего дела скорость.

Но! Но человек — царь природы. А у царей реакция быстрее, чем у его пасынков: Федька едва успел оттолкнуться копытами от земли — а я уже был по другую сторону от калитки. Я даже успел подпереть ее носком ноги и уже собирался потереть руки от удовольствия — удовольствия от первой встречи! Но с той стороны забора раздался треск, потом последовал удар — и калитка, ко-

ротко всхлипнув, вывернулась наизнанку, сбив меня с ног. Федька выскочил из образовавшегося проема и, прокатившись на спине по пыльной дороге перед входом в Володино хозяйство, быстро поднялся и, мне показалось, слегка отряхнулся. А потом посмотрел вокруг — нет ли свидетелей его позора! Ко мне он не проявлял больше никакого интереса.

— Здорово, охотник! — раздался с крыльца, в глубине двора, Володин голос. — Чего разлегся-то? Вставай, проходи в дом и будь, как гость на пиру!

Я встал на ноги и, перед тем, как подойти к Володе, чтобы облобызаться, оглянулся еще раз назад. Федька уже пощипывал траву на маленькой лужайке возле соседнего двора и — будто бы ничего и не произошло! — миролюбиво, исподлобья смотрел в мою сторону. В глазах его не было благодарности за мой тяжелый труд прошлым летом, было лишь некоторое любопытство: что, мол, за гусь появился в наших краях?

— Видишь, как получилось, — несколько оправдываясь проговорил Володя, когда мы поднялись с ним в его покои. — Федя очень ревнивый: как только увидит, что Рекса кто-то погладил, — сразу обижается. Любит, чтобы вначале его гладили. Так что в следующий раз не обижай. Просто подойди к нему первому — и почеси за ухом. Он это уважает. А уж потом — Рекса. Если, конечно, захочется... А ты, я вижу, с ружьем? — Володя сделал шаг в сторону и посмотрел на календарь на стенке. — На следующей недельке сходим. Постреляем. Тут в этом году такое количество кабанов развелось — уже картошку на огородах роют. Мне уж несколько раз соседи заказывали помочь. У местных-то ружей нет. Были, а теперь нет. Пропили.

На следующий день, чтобы не затягивать, пошли мы с Володей на охоту. Пострелять рябчиков. Поутру. Федьку не стали выпускать во двор, оставили в хлеву. А Рекса, естественно, взяли с собой. Нашли места, где рябчики кормились. Рядом с дорогой. Стрельнул Володя одного, другого, — Рекс едва успевает пригибаться. Пригнется — а потом бежит искать.

— Видал, какая собака! — Володя счастливо посмотрел на свою беспородную шавку. — Работает, как чистокровка!

Вышли на опушку. Вдруг — из кустов, весь в репьях, в клочьях сухой травы, с еловыми ветками на голове, — Федька! Выпрыгнул на чистое место, посмотрел сначала

на нас с Володей, потом нашел взглядом Рекса — и поскакал к нему. Топот по земле, будто жеребец бежит.

У меня даже челюсть отвисла, слов внутри не нашлось.

— Ну, все, — обреченно сказал Володя, ставя ружье между колен и доставая сигарету. — На сегодня охота закончилась. Теперь он, как лось, будет бегать за Рексом и пугать вокруг всю дичь.

Федька подбежал к Володе и, резко остановившись, ткнулся в ладони.

— Федя, нет у меня с собой хлеба, — строго сказал Володя. — Ты же видишь, что мы не дома — откуда я возьму тебе здесь хлеб? — Володя присел на корточки и достал спички. — Может, перекусим пока? — сказал он в мою сторону. — Я тут взял пару бутербродов с собой... На всякий случай.

Нашли поваленную березу, сели, закурили. Володя достал из карманов бутерброды.

— Ума не приложу — куда его деть? — Володя посмотрел в сторону «кавказского тура». — Не могу же я его нарезать и съесть, как какого-то...

— Федьку-то?

— Кого ж еще.

— А если продать?

— Да ты что? Федю? Его ж сразу зарежут. И — на мясо!

Я кивнул головой. Да, и подарить даже нельзя: это верно, что зарежут. Такого бандюгу.

Будто услышал — подошел сзади Федька, пригнул голову, посмотрел на Володю и коротко мекнул.

— Вишь, хлеб у меня увидал, — Володя отломил от бутерброда и дал ему на ладони. — Федя, это же я не тебе взял, а себе. В кармане у меня был. Завалился. Ешь траву, вон ее сколько здесь.

Федька съел кусок и опять ткнулся Володе в ладонь.

— Ну, на, на. Наглый ты какой-то вырос, не знаю в кого. — Володя отломил еще кусочек от бутерброда, дал ему и почесал его за ухом.

— Федя, — позвал я.

Федя перестал жевать и обернулся на меня.

— Федька, куда тебя деть? — спросил я прямо и честно. — Ты в Москву с нами поедешь?

Федька опять потянулся к Володе. Володя достал из кармана второй бутерброд.

— А ты знаешь, я теперь и чужих баранов не могу резать. — Мой товарищ нервно хохотнул. — Как представ-

лю... Потому и весной не стал покупать. Ведь я же не каннибал.

— Каннибализм — это когда человек ест другого человека, — сказал я.

— Да какая разница. — Володя махнул рукой. — Ты посмотри в его глаза — он же такой, как и мы! И все чувствует. Ты, наверное, никогда не резал овечек. А я резал. И когда ее режешь — она все понимает. И у нее слезы в глазах. Выкатываются одна за другой. Лежит, молчит — и плачет. А ты ей режешь горло... Это ж тебе не просто так. — Володя вытащил из кармана еще одну сигарету. — И у них все так же устроено, как и у нас с тобой: голова, туловище, руки-ноги. Кровь такая же красная. Печень, желудок. И эти, понимаешь, — глаза... Как же я могу его зарезать и съесть — это же... — Володя еще раз с отчаянием махнул рукой. — Пусть хоть до осени доживет, а там... Там посмотрим. Может, опять здесь на зиму останусь. — Мой товарищ облегченно вздохнул — как решил дело! — и перевел дух. И даже сигарету выбросил. — Здесь у меня работы хватит! — чуть ли не с радостью сказал он.

— А как же твоя персональная выставка? — вспомнил я. — Там же, в Москве, вроде бы договорились...

— А что выставка? Снова оплачивать зал, привозить картины, развешивать на стенах, а потом снимать и снова везти домой... Сейчас покупают только модернистов. Кто не умеет рисовать по-настоящему.

— Покупают, потому что общие вкусы у тех, кто малюет, и у тех, кто покупает, — поддакнул я. — Один уровень. Но не все же такие беспородные, есть и нормальные люди!

— Здесь зимой хорошо работается, — не слушая, сказал Володя. — Никто не мешает, никому ни за что не обязан... Но на охоту нужно сходить. Может, завтра? А Федьку на веревку привяжу.

— Но ты же закрывал сегодня сарай или нет! — Я возмущенно посмотрел на моего приятеля. — Надо же было как следует закрыть! Может, на замок!

— Ну, какой там замок, если все доски в хлеву уже сгнили? Дом-то старый! — Володя встал и закинул ружье на плечо. — Как ни закрывай дверь — все равно выломается... Ему же не в первый раз!

Пошли обратно домой. Впереди Рекс, за Рексом — мы, охотники; за нами — баран. Остановится, пощиплет траву — и наметом за нами. Только копыта стучат...

Около магазина сделали остановку, почесали затылки. Что делать? День-то все равно пропал...

— У меня там, в рюкзаке, по-моему, еще чего-то осталось, — сказал я на всякий случай.

— Ну уж нет! — Володя решительно шагнул к порогу. — Если и есть, то на следующий раз пригодится. С собой возьмем. Сядем где-нибудь на опушке, а Федька появится — бутылкой его по башке! Пустой. Все одно выбрасывать.

С неделю мы выписывали натюрморты в Володиной мастерской. Писали цветы. А через неделю собрались опять на охоту. Пока погода не испортилась. Накрепко привязали Федьку за веревку к столбу во дворе и, свистнув Рекса, пошли по холодку в поля, под небо.

Красиво, когда природа в неге — и никого вокруг. Ни лесника, ни лесоруба, ни егеря, ни ребят из экологического общества «Гринпис». Славно без них, без всех. Простор!

Отошли немного — Рекс согнал впереди, почти у дороги, тетерку. Володя выстрелил.

— Я же говорил! — воскликнул он. — А ты чего не стрелял? Стреляли бы вместе — может, кто и попал! — Володя выкинул пустую гильзу. — Заряди-ка ты один ствол чем-нибудь посерьезнее. — Володя вытащил из патронташа патрон с картечью и вставил в ствол. — Здесь у кабанов ходка: идут на кормежку к болоту. Переходят дорогу. В этом году их столько развелось... Вдруг выскочит — так не пропадать же зверю! Тебе дать картечину?

Картечина у меня была. Я вытащил один патрон из ствола и заменил на картечину.

Хвойный лес здесь был разрежен вырубками, солнце заливало лучами все вокруг, и листва на редких березах и осинах рябила, словно водная гладь в подветрие.

Сзади — чуть в стороне! — действительно что-то зашелестело. Володя схватил меня за руку и остановил.

— Ты слышал?

— Слышал, — шепотом сказал я. — Может, ветер?

— Какой ветер? Это кабаны идут. — Он прислушался. — К болоту. Я уже стрелял их здесь, на этом переходе. Но такие осторожные... — Володя присел на корточки и заставил меня тоже пригнуться. — Рекс! — тихо позвал Володя. — Рекс, иди туда, посмотри!

Наша породистая дворняга, не отбегающая далеко от Володи, остановилась и тоже прислушалась.

— Видал, какой у меня пес? — Володя приготовил ру-
жье. — Даст фору любой собаке.

В свежих зарослях на порубке опять что-то хрустнуло.
Метрах в двадцати от нас, совсем рядом.

Мы замерли.

— Подожди, зря не стреляй, — шепотом произнес Во-
лодя. — Пусть выйдут.

Мы напряженно смотрели. Вдруг Рекс сорвался с мес-
та и бросился в чашу. И тотчас там зашуршало, ветки
закачались...

Володя выстрелил.

Это, конечно, был Федька.

Я не пошел смотреть, ранен он или... Видно было, что
упал. Я выкурил сигарету и подошел потом. Наш Федька
лежал на земле, голова его была откинута назад, глаза
открыты и неподвижны; под ухом и на шее — кровь и
следы от картечин.

— Хотел успеть, пока не заслонил пес... Думал, кабан. —
В глазах Володи блестели слезы. — Из кустов выпрыгнул —
ну кто ж знал... И не успел отвести ствол.

Шею барана сдавливала веревочная петля с оборван-
ным концом... Но он был и сейчас красив, наш Федька...
Наш Федя. Белоснежный баран с большими витыми ро-
гами и кровью на перебитой шее... Наверное, единствен-
ный из всех Федек, который знал в своей жизни только
свободу. Из всех нас.

С тех пор Володя никогда больше не ест мяса. Ни бара-
нины, ни какого другого. Стал вегетарианцем. Да и я тоже...

Трудно убить живое. Тем более своего ближнего. А разве
все мы — все, которые живем вместе на одной земле и из
одной крови, и все у нас внутри одинаково — желудок,
печень, селезенка, сердце! — разве мы все не одно и то
же, не из одной плоти? А наши глаза? А чувство боли?
Чувство боли в наших глазах?.. Как же можно убить? Убить
домашнее животное, которое сам кормил и выпаивал,
гладил его и разговаривал с ним? И радовался, когда оно
заглядывало в твои глаза — заглядывало своими глазами,
которые такие же, как и у нас! А мы его потом... Да разве
можно... Тяжело.

...И когда я теперь вспоминаю тот год и ту нашу охоту,
то думаю: «Все же, слава богу, что мы не успели никому
продать нашего Федьку». Может, лучше уж так, как слу-
чилось... Хоть не отдали кому-то под нож.

...В московской квартире у Володи, в его мастерской, стоит на стеллажах, в числе прочих, небольшая картинка — стог сена около реки, а рядом со стогом — крупный белый баран с красивыми, закрученными вверх рогами. Написана Володей с натуры. Но стоит она всегда в сторону стенки, так что не видно, что там на ней. И мы никогда ее не переворачиваем, как надо. Не смотрим — чтоб не терзать себе душу.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КОТ

У хозяйки дома — в деревеньке, куда я приезжал на время летних отпусков! — жил кот. Пришлый кот. Я помню, когда он появился у нас в первый раз. Это было уже под осень. Он пришел откуда-то со стороны леса, с голых полей — голодный, подранный, весь в репьях, почти дикий.

Как потом оказалось, это был кот одного из хозяев в соседней — километров за пять! — деревне. Но хозяин тот помер, да и вся деревня уже доживала свой век: молодежи не было, а старики помирали один за другим. Так что подкармливать оставшегося без своего дома кота было некому. И кот, оставшийся без хозяина, ушел в лес и жил там, сам добывал себе пропитание, пока совсем уж не отошал и не отчаялся. Вот тогда-то и забрел в нашу деревню. Первые дни прятался в пустых сараях, выходил оттуда утром и смотрел издали, как хозяйки доят коров — смотрел жадными глазами из кустов в сторону жилых подворьев, а приближаться боялся.

Я принес ему кусок хлеба, смоченный в супе, — он подождал, когда я отойду подальше, и только тогда подбежал, быстро схватил его и, давясь и кашляя, проглотил, почти не разжевывая.

Видно, его не жаловали в чужих дворах: отгоняли тем, что подвернется под руку, — камнем, сапогом или палкой. Потому и боялся — боялся людей, потерявших веру в добро.

Это был крупный кот. Башка у него была побольше, чем у других котов и кошек в нашей деревне — большая, круглая, с прижатыми, как у рыси, ушами. Здоровый был кот. Потому, наверное, и выжил в лесу. Но был уже старый: зубы сточены — и когда мяукал, видно было, что некоторых не хватало. Я подкормил его раз, другой, и постепенно он начал выделять меня среди людей, кото-

рые жили в нашей деревне. Но с рук еду долго еще не брал.

Хозяйка дома утром и вечером выносила ему на крыльцо блюдечко с молоком — он выпивал его, когда она закрывала за собою дверь. На соседских кошек и котов он внимания не обращал, даже в их сторону не смотрел, когда они подходили близко. И те тоже не трогали его: слишком он был большой для них и страшный.

Аппетит у пришедшего кота оказался под стать ему — прямо-таки зверский. Сколько бы я ни выносил еды, он сжирал все дочиста, но и наевшись, все равно мяукал, выпрашивая еще кусочек — впрок. И после мяса или рыбы мог съесть еще и корку-другую черствого хлеба — если у меня ничего, кроме хлеба, к тому времени не оставалось. И при этом успевал еще вылавливать мышей в хлеву. Даже крыс драл — а крысы не каждой кошке по зубам!

Недели через полторы-две он разрешил погладить себя. Вначале боялся, смотрел вверх — не ударю ли? Но, почувствовав ласку, которую почти забыл, стал тереться боком о мои ноги, выгибал спину, ходил кругами и пел мне благодарные песни — разные, но на один мотив. И скоро стал таким ласковым, что стоило хоть раз погладить его, забывал про все свои страхи и невзгоды и громко урчал, поднимал хвост трубой и терся, терся о штаны, тоже выказывая любовь и ласку.

Я назвал его Степкой, а хозяйка звала Степан Степановичем.

Скоро он так ожирел, что стал похож на бобра — толстого, с лоснящейся гладкой шерстью и тяжелым хвостом, который волочился за ним следом, как маленькое бревно, свалившееся одним боком с телеги. И, ожирев, снова ушел в лес, на вольные хлеба. Я решил, что Степка ушел от нас совсем. Но нет! Через несколько дней он появился снова. Оказалось, ходил в «свою» деревню, в свой старый дом: видели его там. Наверное, решил посмотреть, не объявился ли на старом месте кто-нибудь из его бывшей семьи — мало ли чего в жизни бывает, раз уж так все гладко пошло! Проверил — нет там никого; и снова вернулся к нам. А через какое-то время опять пропал. Так и пошло: то в лесу живет, около своей прежней деревни, то к нам приходит. И каждый раз возвращался худой, с многочисленными следами от ран и болячек: то морда раскорябана — дрался с чужими котами; то на спине клока шерсти нет — следы чьих-то когтей: может, ли-

сицы, а может, и от волка; и случилось, хвост так был ободран, что сразу понятно: едва ноги от кого-то унес; да что говорить, в последние годы, когда деревни в России стали пустеть, а поля зарастать подлеском, помрачнело и все вокруг; а в леса опять пришли волки...

В тот год я рано уехал к себе в город. А возвратился в деревню только весной.

Степки в деревне не было. Хозяйка сказала, что зиму он перезимовал в теплом хлеву — вместе с курами, овцами и коровой, а когда начали таять снега, опять ушел в лес, к своему старому дому — видно, тосковал по хозяину, не мог забыть места, где родился и вырос...

Но в конце мая он объявился вновь — грязный, худющий, весь в ранах и ссадинах и, конечно, голодный. Только морда такая же круглая и большая.

Так прожил у нас Степка почти три года. И стал совсем старый. И как-то случилось, что хозяйке моей однажды подарил кто-то маленького котенка. До этого она не держала в доме кошек, и котят у соседей не брала, хотя приносили ей часто: не хотела, чтоб по столу лазали. Но котенок был такой красивый, пушистый и игривый, что в этот раз хозяйка решила оставить его. И не где-нибудь во дворе, а в доме.

А Степки поблизости не было — опять где-то гулял по лугам. И так хозяйке моей понравился этот котенок, так она выхаживала его, гладила-чесала, даже и на руках носила, что и я быстро привык к нему — и тоже брал на руки, чесал и баловал. В общем, мы так нянчили этого баловня, что когда в очередной раз на дворе появился кот Степан Степаныч, я даже растерялся: вдруг он задерет котенка! Пасть-то у Степана — как у крокодила! Хоть и без зубов.

Я вынес котенка на крыльцо, подозвал Степана. Старый кот был в этот раз так подран, что на него было страшно смотреть: рваная, едва засохшая рана на шее, начисто вырванный клочок шерсти вдоль спины, заскорузлый лоскут кожи сзади и голая, без шерсти, правая задняя нога.

— Степка, — сказал я ласково. — Где ж ты болтаешься по лесам, чего не живешь здесь, в доме? Тут тебе и еда, и спать не опасно. Что ты носишься где-то в глуши, ведь старый уже, даже и зубов почти не осталось? Попадешься еще раз кому-нибудь на зуб — не отобьешься!

Степка смотрел на меня снизу вверх виноватыми, жалостливыми глазами.

Я дал по кусочку каждому — ему и котенку. Потом по очереди погладил их, чтобы привыкали друг к другу.

Старый кот оказался мудрым: сразу понял, что котенка трогать нельзя. И поэтому отворачивался, смотрел в сторону равнодушным, полусонным взглядом — и ластился ко мне, урчал, совсем как домашняя кошка. И никакой агрессии к котенку не проявлял.

На следующий день я решил продолжить их знакомство. Каждый раз, когда кормил Степана, выносил на крыльцо и котенка — чтобы знали друг друга. Я поглаживал то одного, то другого, подсовывал кусочки мяса им под нос, опять гладил...

В какой-то момент я не углядел — и котенок, съев свой кусок, стянул то, что оставалось у Степки.

Я подумал, что старый мордоворот сейчас покажет нам, почем фунт лиха: ему ли, привыкшему к жестокой борьбе за каждый кусок еды, прощать такую наглость!

— Нельзя! — громко крикнул я Степану и ударил его по носу. — Сидеть на месте!

Степка поднял голову и посмотрел на меня — жалко и тоскливо. Как тогда, когда пришел в первый раз из леса. И, глядя в его растерянные глаза, я понял, что он почувствовал сейчас: он почувствовал, что стал снова чужим. Чужим везде: в своей деревне — там, где его гнали со дворов палками, и здесь, где однажды дали еду и приютили на время...

— Степка, ну что ты, — ласково сказал я. — Степка! Степушка!

Он втянул голову в плечи, сжался в комок и, пятясь, отполз от меня в сторону.

Я протянул к нему руку — он отполз еще дальше и, положив свою круглую морду меж лап, стал смотреть, как котенок доедает его кусок мяса. Потом встал и пошел к калитке. Подлез под нижнюю доску, вышел, прихрамывая, на нашу деревенскую улочку, и, немного постояв, поплелся в сторону поля. В сторону поля, за которым начинался лес.

Почувствовав недоброе, я выбежал на улицу.

— Степка! — крикнул я ему вслед. — Степа!

Он оглянулся. Глаза его в этот раз были почти бесстрастны. Это в человеческих я мог бы увидеть боль и обиду. А в кошачьих — только печаль. Только печаль и растерянность — и ничего больше.

— Степа, ну иди сюда, иди ко мне, — позвал я еще раз.

Он отвернулся и, чуть припадая на заднюю ногу, продолжил свой путь в сторону леса. И как я ни звал его снова и снова, больше уже не останавливался, пока совсем не скрылся из виду.

И я с тоскою вспомнил то, что, наверное, знал всегда: нельзя отнимать последний кусок хлеба. Ни у кого. И предавать любовь. Даже если это любовь старого деревенского кота, у которого нет дома.

И с той поры Степку никто больше не видел — ни в старой деревне, где он родился, ни в нашей, где однажды нашел краткий приют и ласку.

Да разве можно одному выжить в лесу?.. Без зубов, старому и совсем уже больному? Одному, всеми отвергнутому...

Глеб САХАРОВ

РАССКАЗЫ

ГОРЛОНОСИК

...Итак, решено. Так больше жить нельзя: покупаем новую двухкомнатную квартиру, а эту оставляем дочери-невесте, на перспективу...

В нашей битве с монструозным рынком недвижимости Москвы мой энергичный, терпеливый, мужественный Горлоносик (оториноларинголог) героически преодолевает одну служебную ступеньку за другой: зав. отделением поликлиники, зам. главного врача, врач высшей категории, главный оториноларинголог района (и по совместительству моя жена; Горлоносик — так я зову ее про себя, иногда в мужском роде, но всегда с нежностью). А вожаемая квартира убегает от нас со скоростью роста стоимости квадратного метра...

Когда эта стоимость взлетела до рекордной отметки 4000 долларов за квадратный метр и поперла дальше, к 4200, нестигаемый Горлоносик бросил в бой последний резерв: помимо двух работ в поликлинике и коммерческом Медцентре организовал частную практику с выездом на дом к больным. Но не к простым, а к VIP-пациентам, т.е. тем, у кого самые дорогие носы, уши и глотки. На эти носы вся наша надежда, это наш последний шанс.

ПРОЗА

...Ну а я... я всего лишь муж Горлоносики и домработница. На мне — весь дом, быт и 16-летняя дочь. Так что я тоже на двух работах: два дня в неделю — явочные в хиленьком НИИ, остальные — служебная работа на компьютере дома. Вот слышу — жена в прихожей. Бегу на кухню греть ужин, она уже переоделась в домашнее платье. И тут же — последние известия.

— А я от... — Она назвала фамилию известного банкира. — Целый этаж в огромном доме на Тверской. Сколько же нужно площади деловому человеку для нормальной жизни и работы!

— Ну, о Хлобыстовых я тебе рассказывала, — сообщает она в следующий раз.

— Ну, как же, помню, — спешил я остановить ее, — огромный особняк в Жуковске...

— Это хорошо, значит, что все-таки остается...

Внимание, теперь она посмотрит на меня... И не только взгляд сам по себе, а все вместе — ее вид, поза, интонация, жесты, мимика — имели выражение как бы вопрошающее: — «Ну, а ты что? Ты видишь, как люди устраиваются, и ты бы мог...» Вопрос тут же логично перерастал в недоумение: «Собственно, в чем дело?... почему ты не...», а оно, в свою очередь, переходило в некое не то что осуждение, а сетование, досаду: «Ну, так давай... вместе, а?»...

В таких случаях меня обычно спасал телефонный звонок, но на сей раз она сама спохватилась, взглянула на часы и бросилась к компьютерному столу, а я на кухню мыть посуду.

— Квартира на Сретенке, — очередной рапорт. — Евроремонт сделали.

У нее все мысли о недвижимости — и это доктор! Поразительно! Я уже по привычке и с опаской жду, когда она метнет в меня свой фирменный взгляд. Евроремонт проскочили. Нет! Это была только подготовка, она как бы прицеливается...

— А квартира, знаешь, какая? Шестикомнатная, 250 метров! А они вдвоем, муж и жена!

— Ну и что они будут там делать? В прятки играть? — нашел я для хозяев выход из положения. — Так ведь не найдут один другого, потеряются!

— Вот и я спрашиваю... «Я, — отвечает хозяин, — здесь буду собрания акционеров своей компании (а у него огромный холдинг) проводить, — а сам смеется. Такой шутник!.. — Боюсь, — говорит, места не хватит для всех ак-

ционеров, их всего — 4 человека, у меня 90 % акций!» — и заливается.

Она поглядывает на меня, словно присматривается, выжидает. Но вполне благодушно. Как сытый удав, и неудивительно — ужин съеден, уношу посуду. Кажется, миновало.

— Но что самое интересное, — достает она меня в дверях кухни, — Илья Борисыч купил детям по квартире, сыну в доме класса «люкс» на ул. Климашкина, а дочери в жилом комплексе «Алые паруса» класса «премиум» на берегу Москвы-реки.

Ах, вот в чем дело! Теперь Горлоносик наводит взгляд на меня, как орудейный прицел, и вкладывает в него полную мощность. Я выдерживаю нужное время, смотрю на нее, не мигая. Регламент! Затем она меня отпускает, я сгребаю остатки посуды и убегаю на кухню.

Бедный Горлоносик! Ну, на что можно надеяться, если из мужа не выйдет даже плохонького менеджера по продажам!.. Единственное, что у него есть, так это научный потенциал, ученый, можно сказать, муж, но кто ж сейчас за науку платит?..

— Любопытный таунхаус, двухэтажный... И знаешь, что больше всего меня поразило? Винтовая дубовая лестница из большой гостиной на первом этаже на второй. По специальному заказу. 26 тысяч долларов!.. К нему приходят смотреть, но он не выдает изготовителя. Боится, кто-нибудь пронюхает и сделает у себя...

И посмотрела на меня с легким любопытством — заинтересовал ли меня вообще такого рода факт?

...Один из визитов потребовал более подробного рассказа:

— Привез меня в Вербилки личный водитель Аркадия Марковича... Усадьба, коттедж, да нет, не коттедж, большой особняк, оранжерея, цветники, газоны, лужайка для гольфа, теннисный корт, бассейн для плавания — один под открытым небом, второй в доме...

Я не выдержал:

— А павлинів нема?

Мне почему-то кажется, что по-украински хохмы звучат эффективнее.

— Хозяин вышел — само радушие, культурный, интеллигентный человек.

— Обходительный, — подсказал я.

— С большим вкусом, судя по интерьеру, дизайну... — это она.

— И большими деньгами, судя по усадьбе, — предположил я.

— С любовью к красоте и всему прекрасному, — написала на духовную сторону жена.

— И полезному, — дополнил я.

— Хорошо воспитанный, в отличие от тебя.

— Остроумный собеседник, — продолжал я перечислять его доблести. — И, не сомневаюсь, высокий, стройный. И к тому же хороший спортсмен, плавает в двух бассейнах одновременно и играет в гольф. Действительно, есть чем гордиться... Извини, а как же нос?

— Какой нос?

— Ну не знаю, какой — римский, греческий или курносый у Аркадия Марковича?

— У него не нос, у него ухо, средний отит в легкой форме.

Поскольку отит даже в легкой форме как-то выпадал из контекста парадного портрета Аркадия Марковича, Горлоносик ушла от этой темы и разразилась восторженной тирадой:

— Мы даже не представляем, что это такое, — крупный предприниматель, коммерсант, капиталист. Капитан промышленности, бизнеса. Это стиль жизни, образ мышления, особое состояние духа и тела...

Горлоносик не находила слов...

— Да, такой человек не может позволить себе потерять ни минуты по причине нездоровья! ... А после лечебной процедуры поил меня чаем с медом в беседке, среди цветущих петуний... Полтора часа пролетели как минута! Извини, Севушка, задержалась...

Горлоносик посмотрела на меня, пытаясь оценить, какое впечатление произвел рассказ и созрел ли объект для завершающего удара. Но, взглянув на меня, она увидела, что от мужа остались дымящиеся руины, и воздержалась от окончательного разгрома.

Но самый тяжелый удар нанес другой пациент Горлоносика, который, как она рассказала:

— Дал мне два телефона. У вас что, спрашиваю, две квартиры? «Ну что вы...» — отвечает. Три? — в шутку спросила я. И так я шутила еще 7 раз! У него 8 квартир. И девятую собирается купить. Я переспрашиваю, не могу поверить: девять квартир! И все ваши? Он только улыбается: «За кого вы меня принимаете? Они все на родственников записаны». И объяснил, что это самый прибыль-

ный бизнес — на недвижимости. И ты знаешь, что у него самое интересное? — спросила в заключение жена.

Я не растерялся:

— Дубовая лестница?

— Сам ты дубовый! Извини, Севчик, ну при чем здесь дубовая лестница? Самое интересное, что он налогов не платит! И мне объяснил, но я плохо соображала, не запомнила... как от налогов уходить... А потом вообще заявил: «Да что квартиры, у меня два дома, один в Химках, а другой в Сочи!..»

И Горлоносик уже не удивлялась, когда докладывала об одном пациенте:

— У этого два дома в ближнем Подмосковье и по одному в Лондоне и Франции.

...Пациенты Горлоносика словно состязались друг с другом по богатству, комфорту и вообще — по потреблению жизненных благ. Даже единственное, пожалуй, уязвимое место этих замечательных людей — заболевания уха, горла или носа успешно устранялись... моей собственной женой!

...В тот вечер я даже не особенно, как раньше, обрадовался, услышав ее голос в прихожей. Но голос был необычный — веселый, молодой, а сама она — оживленная, возбужденная.

— А у меня для тебя сюрприз!

— Еще одна дубовая лестница?

— Я от Фельдманов. Ну, ты их знаешь. Мои давние клиенты...

Я понятия не имею о Фельдманах. Она вошла в комнату с красивой подарочной коробкой.

— Заплатили скромно, — отчитывался Горлоносик, — ниже тарифа, зато вот — подарок. Говорят, старинная работа, саксонский фарфор, но предупредили: неглазурованный.

Она извлекла из коробки небольшую статуэтку — пас-тушка с козочкой.

Мутная пенная волна накатила на меня, мне показалось, что я захлебываюсь.

— Саксонский, говоришь... — В радостном бешенстве я схватил статуэтку (она оказалась неожиданно тяжелой), занес над головой, как гранату, готовую взорваться, и как импульс от детонатора — минута отчаянной храбрости... и долго копившаяся во мне гремучая смесь обиды, злости и бессилия взорвалась! — я с силой грохнул статуэтку об пол...

Странно, но ее оказалось не так-то легко разбить, отломалась только голова пастушки. Козочка не пострадала...

Я не мог поднять глаз на жену. И только услышал странные булькающие звуки. Неужели это рыдает Горлоносик? Только теперь я осознал масштабы содеянного: это же огромная ценность, музейная редкость, раритет, уникум... Саксонский фарфор!

...Еще несколько секунд бульканья, и Горлоносик, не в силах больше сдерживаться, расхохоталась.

— Смотри, — подавляя приступ смеха, показывала жена на обломки, — это не фарфор, это же... глина. Я сразу заподозрила, что-то не то по весу, и работа грубоватая. Это массовое производство, глиняная игрушка... Ей цена — сто рублей... А ты молодец, наконец совершил мужской поступок! Неважно какой, но поступок мужчины. И это главное. А теперь обещанный сюрприз. Имя профессора Михальченко тебе что-нибудь говорит?

Нет, второе потрясение подряд — это уже слишком! Олег Петрович Михальченко, профессор МВТУ, руководитель моей диссертации! Он давно работает за рубежом по контракту.

— Не спрашивай ни о чем, пациенты помогли, связали нас, он только что вернулся из Японии и привез миллионный контракт на разработку какой-то там вашей...

— Турбины? Это же тема моей диссертации, его идея...

— Вот-вот, и срочно требует тебя! Ну, я, конечно, не удержалась, спросила насчет оклада. А это, говорит, вы у него спросите, он сам себе и назначит. Вот его мобильник. Теперь вижу — у вас взаимная симпатия, он тебя помнит.

...Бурная, нет, буйная радость долго не давала сообразить, как и зачем я оказался на кухне и что я здесь, собственно, забыл. Что-то вроде надо делать, но что?

Жена собирала обломки, и я услышал:

— Разве Фельдманы способны сделать дорогой подарок?

Я вошел в комнату с разогретым ужином на подносе.

За столом сидели сияющие жена и дочь. Дочь, оказывается, давно вышла из своей комнаты и была в курсе. Но я заметил ее только сейчас.

ДВОЕ

...Вот они, эти двое, он и она, эта неразлучная пара — неразлучники, как назвала их Галя, и недаром: порознь мы их не видели ни разу... Они стоят у своей калитки, это

третий от нашего дом на другой стороне улочки, а я наблюдаю за ними из окна.

Днем они копаются на своем участке, а под вечер, вот как сейчас, выходят на прогулку.

Дачный пейзаж удаленного на 3 часа езды от Москвы — за Егорьевском! — небогатого, может, именно поэтому, из-за удаленности, поселка; за заборами — ухоженные сады-огороды, лужайки, цветники. Скромные, в основном деревянные дома, но есть и капитальные, из цилиндрованных бревен зимние постройки, даже два особняка-коттеджа.

Наша улица выходит за пределы поселка к ближней рощице, за которой открывается простор, лесной горизонт, и видно небо до самого края, туда-то и спускается сейчас солнце.

...Ранний августовский вечер... Можно даже назвать такой вечер августейшим — по его спокойной мягкой роскоши тепла и света, по неторопливости времени, которое само, кажется, ленится идти, и хотело бы помедлить, чтобы продлить это великолепие — достойное завершение прекрасного дня, достигшего к вечеру такого совершенства.

...Прогулка — это маленький семейный праздник моей пары. Праздник по случаю чудесной погоды, окончания дневных трудов... Видно, что они не спешат, как будто, как и само время, хотят продлить каждую минуту, сделать ее больше... Вот они не спеша двинулись в сторону заката. Я различаю их лица. Нельзя сказать, что они улыбаются (я говорю — они, а не о каждом, потому что в их лицах, как и во всем облике, странное подобие, схожесть). Кажется, что их лица готовы к улыбке, расположены к ней, на них как будто ожидание близкой улыбки, пред-улыбка, что ли...

Нельзя сказать, что они нарядно одеты. Но это и не затрапезная дачная одежда, что-нибудь старое, забракованное для города, например — поношенные спортивные штаны, кроссовки. Нет, на нем отглаженные брюки и синяя модная и вполне новая футболка, на ней пестрое летнее платье — опрятно, аккуратно, со вкусом. Забота хозяйская видна в одежде, в ее выборе... Так одеваются люди небогатые, ухаживающие за платьем и дорожащие им.

...Я давно к ним присматриваюсь — да почти все десять дачных сезонов, что мы с женой провели на этой ферме — по выходным и во время отпусков, и чем долъ-

ше, тем сильнее мой интерес к этой на первый взгляд ничем не выдающейся паре. Ну, муж и жена, ну, вместе все время, но так и должно быть, а как еще на даче? Разве что — детей как будто нет, а ведь им уже что-нибудь за сорок. И постепенно убеждаюсь: о, да это не совсем, вернее совсем необычная пара. Тут какая-то загадка... Но необычность эта — незаметная, не бросается в глаза. Надо хорошенько всмотреться, чтобы изучить эту пару, не пытаясь при этом вторгнуться в их мир, в их страну...

Мы — соседи. Приветливо здороваемся при встрече — и только. Общения, сближения не происходит. И убежден: не произойдет. При всей их любезности — никакого интереса к нам, точно так же, как и ко всем прочим, никакого желания заговорить, словом, никакого движения навстречу. И в этом, пожалуй, первый шаг к разгадке: они самодостаточны, самообеспечены и ни в ком не нуждаются, такая вот обособленность, отдаленность от людей, отстраненность.

А любезность, приветливость? Ах, какая это тонкая, артистически обманчивая, умелая форма общения, вернее — ухода от общения! Та же улыбка — особенно у нее: свежая, открытая улыбка молодой женщины, кажется даже, что в воздухе посвежело от этой улыбки... Вскоре я догадался: просто им хорошо, приятно, удобно, радостно жить и не вообще, а сию минуту; они всегда в хорошем настроении, хотя бы потому, что они — вместе, рядом, и этого более чем достаточно, чтобы жизнь была прекрасна. Как люди скромные, они, похоже, стесняются этой своей постоянной радости, не всегда уместной для окружающих, тем более что не могут ею поделиться. Не потому, что ее мало: просто вся она, сколько бы ее ни было, поглощается ими обоими без остатка. И они стараются ее, радость, сдерживать и не показывать, что у них сегодня (как и всегда) маленький семейный праздник.

А дальше в своем анализе я вступаю в область предположений, догадок. И буду поэтому часто употреблять такие неопределенные обороты как «вроде, кажется, похоже, сдается»; особенно уместен прием «как бы». Вот он и будет в основном все как бы объяснять, предполагать и тем самым как бы брать на себя как бы ответственность.

...Мои наблюдения привели меня к подозрению, что эти двое — люди нездешние, что-то типа инопришельцев, живущие в своем обособленном мире, мире на два лица, вернее — иномире, создав в нем свое бытие.

...И сходство их — не обычное, внешнее; как раз внешне они не похожи: он выше среднего роста, шатен, она — невысокая, русая, слегка (и очень приятно) полноватая. Чтобы это сходство обнаружить, нужно долго и внимательно наблюдать за этой парой. Вспоминается кем-то замеченное: от долгого общения люди становятся похожи друг на друга.

Эта похожесть какая-то непостоянная, то ее вовсе нет, то вдруг промелькнет, да так резко — в каких-то деталях, особенностях: в походке, жестах, мимике, интонациях. Так ребенок, совершенно непохожий на родителей, вдруг улыбнется, прищурится, наклонит голову и поразит своим сходством с отцом или матерью.

Видимо, они не богаты. Скромный домик 5 х 5 м, само-го здесь распространенного типа, обшитый вагонкой, о двух окнах с фасада, застекленная веранда и крылечко под козырьком. Есть и подвижность — темно-зеленая «Ока».

И дом, и участок — все аккуратно, ухожено, прибрано. Это не просто порядок по привычке — здесь забота видна, любовь к дому, к быту, к своей общей жизни здесь, да и друг к другу. И это последняя самая главная любовь, а затем и только поэтому — остальные любви. И дом всегда выглядит этаким молодцом — весело поблескивает на солнце светло-зеленой эмалевой краской: хозяин красит его чуть не через год.

Мне кажется, что в силу своей необычайной общности, особого сродства — физического и духовного, слитности душ — и зрение, и слух у каждого из них должны быть как бы удвоенные.

Да, эти двое как бы объединились в общее существо. Две души, настроенные с высокой точностью в тонкий и устойчивый (а это еще важнее!) резонанс... Такая вот общность существования, единая жизнь на двоих. А стало быть, логический вывод, и сознание у них общее, единые восприятие, реакция, мысли, чувства... Похоже, тайна приоткрывается, но уводит дальше...

Так вот, здесь не просто, а больше, чем любовь, даже не любовь в обычном смысле, это какое-то редкое в земных условиях состояние материи, но материи — особой, какая-то ее форма, фаза, это — союз мужчины и женщины на клеточном или даже молекулярном уровне, там, где образуется что-то вроде плазмы, — органическая протоплазма, праматерия, не только физическая, но, наверное, и органическая, чувственная, духовная...

Для них такое состояние просто способ жить, форма существования вдвоем, вне которой они погибнут.

Поэтому-то они, как я заметил, все время обязательно касаются друг друга, чаще всего просто держатся за руки, хотя бы за один палец. Проводимость видимо у них взаимная, при контакте цепь замыкается, и энергия циркулирует, как в контуре, в едином, по сути, организме... (Как-то на годовом собрании садового товарищества они так и простояли, держать за руки почти час. Как мальчик и девочка. Наивно, трогательно и немного смешно.)

...А когда они смотрят друг на друга — какая, я думаю, даль открывается перед каждым, вся жизнь наверное, как вчерашний день, просматривается и стоит в глазах — до самого дна, до первых общих дней, начиная с первого взгляда! Общая память...

...Я смотрю, пока они видны, мужчина и женщина: она положила руку на его плечо, а второй указывает... Куда, на что? На спешащие на всех парусах клубящиеся облака? На стаю птиц, летящую к близкому озеру?..

Юрий ПАХОМОВ

РАССКАЗЫ

ТЕТРАДЬ В КЛЕТЧКУ

Осенью, в канун страшного сорок седьмого, мыкались мы с матерью по чужим углам. Жили сначала у знакомых неподалеку от вокзала, потом перебрались в окраинный район Дубинку, в частный дом — скрипела по ночам, терлась об оконное стекло лоза, и все вокруг пахло виноградом «изабелла». Сестра хозяйки дома, парализованная старуха, целый день сидела в коляске, следила за мной выпученными глазами и что-то мычала, — оттуда тоже пришлось съехать, уж не помню почему. Пригрела нас Лина Григорьевна, смуглая, похожая на цыганку женщина — с ней мать дружила потом до самой смерти, а белая, утонувшая в зарослях жасмина хата на всю жизнь для меня стала символом спасительного прибежища.

Навалилась сырая, стылая осень, матери далеко было ездить на работу, трамваи ходили кое-как, пришлось искать что-то поближе — вот так мы и оказались в закутке у Сазонихи, одинокой бабки, имевшей «квартиру» в одноэтажном кирпичном бараке, что стоял в пяти минутах ходьбы от стеклотарного завода, где мать избрали секретарем парткома.

ПРОЗА

Квартирка была крохотная, с полутемной, в одно окно, горницей, проходной кухонькой, где стоял топчан Сазониhi, и холодными сенями, которые старуха называла пышно — «террас». Дом-барак торцом упирался в высокий серый забор, за которым гроыхали, звякали буферами составы, тонко вскрикивал по ночам маневровый паровозик «кукушка».

Всю зиму я проболел. Сазониха, сердито гремя кастрюлями, бормотала: «Эко, малец истаял весь», и совала мне то моченое яблоко, то соленый, в колких пупырышках огурец. А зима стояла тяжелая, светало поздно, солнце медленно протаивало сквозь оконную наледь, по двору ходили нищие, люди замерзали на улицах.

Родичи привезли из станицы два мешка кукурузы, старуха пекла кукурузные лепешки, тем нас и спасла. И еще мать приносила с завода тыкву, запеченную у стекловарной печи, — розовая сладкая тыквенная мякоть так и осталась для меня особым, ни с чем не сравнимым лакомством.

Хрум-хрум — похрустывала машинка, на которой Сазониха молола кукурузу, хрум-хрум — отдавалось за окном, словно и там, в предвечерней сини, кто-то вращал рукоятку самодельной мельницы. Только к весне, к концу февраля, понял я происхождение этого однообразного, тягостного звука.

Вялый, укутанный в ватник и пуховый платок, я был вытолкнут Сазонихой в ветреный февральский простор: «Неча в хате-то преть, ступай, воздухом подыши». Снег осел, с сосулек капало, серый забор почернел, сад был пуст, на голых ветвях висели янтарные капли. Там-то, в саду, услышал я знакомый звук, проковылял к калитке, глянул, шурысь, пытаюсь понять, откуда хрумканье, и увидел нечто серое, колышущееся и не сразу понял, что это строй. По раскисшей, в желтом крошечеве дороге шли пленные немцы, желтолицые, оборванные, кто в чем, шли, стараясь держаться прямо, и из-под сапог летели комья грязи: хрум-хрум, хрум-хрум.

Я смотрел вслед удаляющемуся строю и не мог поверить, что это те самые немцы, которые убили моего отца, заставили нас с матерью бежать через всю страну в Ашхабад, скитаться по углам и сделали мою жизнь такой непомерно длинной — столько уже в ней было воспоминаний. Вялый, закутанный в платок, я стоял у калитки, и у меня было ощущение, что меня обманули, а вечером снова

подскочила температура, я метался в жару, комната была заполнена жидким, как подсолнечное масло, светом, а за стеной все ближе и ближе слышалось страшное: «Хрум-хрум». А рядом голос Сазониhi: «Молись, девка, видать, к утру отойдет».

Но я не умер. На третий день жар стал спадать, Сазониha натирала меня собачьим салом, силком заставляла есть мед, — где только его раздобыла? — и пить какие-то горькие травяные отвары, от которых мне делалось необыкновенно легко, я как бы парил в комнате у самого потолка и, приходя в себя среди ночи, видел оттуда, сверху, замершую перед иконой старуху и рыдающую у моей койки мать. Наверное, я и в самом деле был близок к тому, чтобы «отойти».

Потом я стал быстро поправляться, наступила весна, и я пошел в школу. Сазониha уехала в станицу помочь родичам управиться по хозяйству и добыть продуктов. Как я сейчас ни пытаюсь вспомнить лицо этой старухи, спасшей мне жизнь, и не могу — что-то морщинистое, темное, угрюмое. Была она низкоросла, худа, сгорбленна, а ходила тяжело, гулко топая чесанками. Мать потом рассказывала: мужа Сазониhi, казака, посадили еще в начале тридцатых, а когда на Кубань пришли немцы, сына взяли в полицаи, был он, говорят, зверь зверем, старуха прокляла его, подалась в город, к сестре, от покойной сестры и осталась ей квартирka, где прожили мы голодную зиму сорок седьмого. Мое воскресение Сазониha считала чудом: «Простил меня Господь, простил за мово-то душегуба, антихриста проклятого».

В марте стало уже тепло. Чтобы я не болтался после школы на улице, мать брала меня с собой на завод. Мне там нравилось. В огромном сумрачном цехе ревели вентиляторы, у стекловарной печи по деревянным настилам сновали люди, малиновые блики плясали на закопченных стеклах. Я пристраивался в стороне и наблюдал за работой стеклодувов. Стеклодув, сунув в огнедышащий зев железную палку, выхватывал оплывший красный ком, похожий на конфетку-тянучку, и из него рождалось то стекло для керосиновой лампы, то графин, а то стеклянный чертик. Рядом на шипящих, постреливающих паром машинах, женщины штамповали трехлитровые баллоны для овощных консервов. Расплавленное стекло заливалось вручную, подсобница должна была успеть отсечь вязкую огненную массу. Баллон выхватывался из формы

шипцами, ставился на посыпанную песком площадку, он быстро темнел, покрывался серым налетом и постепенно становился прозрачным. Один из стеклодувов, старик Бурмистров, сворачивал толстую самокрутку, закуривал и, подмигнув мне, извлекал из широченных штанов сверток. «А ну глянь, что там моя ведьма сунула?» В свертке я находил то шмат круто посоленного сала, то копченого рыба, а то и несколько мелких, в крапинку яиц. Жена его действительно походила на ведьму: седая, растрепанная, в черной, обвисшей до земли юбке. Когда стеклодув возвращался домой пьяным, ведьма кричала на всю улицу: «Шоб ты сказився, заразы кусок!» «Кусок заразы» представлялся мне в виде студня, и всякий раз, разворачивая сверток, я со страхом ожидал, что увижу нечто подобное.

Однажды на заводской двор, урча, вкатил «Студебеккер», из его кузова не спеша выбрались несколько пленных немцев. Они принялись нагружать вагонетки песком. Когда вагонетка заполнялась, пленные по команде старшего отгоняли ее к воротам цеха. Закончив работу, немцы побросали в кузов грузовика лопаты, забрались сами и уехали, а один из них, худой, низкорослый, в очках, остался. Он стоял, зябко поеживаясь, задрав остроносое лицо к небу. Я подошел ближе и спрятавшись за кучу песка. На немце был серый вылинявший мундир с белыми полукруглыми пота у подмышек, ноги жердями торчали из широких голенищ. Он был рыжий, светлые, почти прозрачные глаза что-то отыскивали в небе, а губы, вытянутые трубочкой, шевелились. Я не сразу понял, что немец насвистывает какую-то мелодию. Он стоял ко мне спиной, и тощие его ноги слегка притоптывали, отбивая ритм. Надо же, свистун! Я пошарил глазами, нашел обломок кирпича и, широко замахнувшись, запустил в ненавистную спину. Немец упал как подкошенный, упал лицом в песок, словно в спину ему угодила пуля. Он лежал, широко разбросав руки, и не двигался. Радость от удачного броска сменилась страхом: может, я убил его? Наконец немец пошевелился, перевернулся на спину, сел, наши глаза встретились, очкарик смахнул с лица песок и заплакал. Я видел, как у него по впалым щекам скатываются слезы, как вздрагивают худые плечи. Я повернулся и пошел прочь, боясь оглянуться, боясь увидеть эти прозрачные, мокрые от слез глаза.

— Что с тобой? — спросила меня вечером мать.

— Ничего, — ответил я.

На другой день я не пошел на завод. Мать рассказала, что пленные возят из карьера песок, который идет на изготовление стекла, что немцы все доходяги, а бабы их жалеют, подкармливают — ничему нас, русских, война не научила.

Появилась первая зелень — редиска, лук, стало уже не так голодно, и хлеба по карточкам прибавили. Мать говорила, что ожидается снижение цен, а скоро и карточки отменят. Немцы все так же работали на заводе, очкарик, видно, был болен, напарники не брали его с собой в карьер, и он отлеживался на песке. Он уже не насвистывал. Когда возвращался из карьера «Студебеккер», очкарик вставал, брал лопату и начинал нагружать вагонетку. Каждое движение давалось ему с трудом.

Третий день дул норд-ост, с крыш летело кровельное железо, тротуары были усыпаны лепестками отцветающих деревьев, сразу стало холодно. От нечего делать я слонялся по заводскому двору, потом по лестнице забрался на крышу склада. Оттуда видна была товарная станция: железнодорожные составы — зеленые, бурые, серые вагоны, тускло поблескивающие нефтеналивные цистерны, рыжий пустырь, левее — пирамиды похожих на рыбки пузыри баллонов, приготовленных к отгрузке, а еще левее, за деревьями, за разноцветными крышами, открывался вид на заречье с синими горами.

Меня всегда влекла высота, то острое ощущение ужаса, холодка в животе, когда подходишь к самому краю крыши, — и внизу открывается бездна. Оттуда, с крыши, я увидел очкарика, он лежал на песке, и фигура его казалась совсем маленькой и жалкой. Я спустился с крыши, подошел к нему. Немец неожиданно открыл мутно-голубой, увеличенный стеклом очков глаз и тихо сказал:

— Малыш... Гутен так, малыш.

Я испуганно отскочил.

Очкарик неуклюже сел, покачал головой:

— О, ньет... Бояться — ньет. Как тебя совут, малыш?

— Никак! — Я с брезгливостью разглядывал его.

— Никак — плёхо. — Немец улыбнулся. — Отшень плёхо. Я есть Ганс! — он похлопал себя по груди. — Я есть музыкант, компанист, сочиняйт мюзик. Ферштейн?

Я усмехнулся. Мне показалось невероятным, что этот щедущий человек может сочинять музыку.

— Вы не верейт? Я и сам не верейт. — Немец звонко рассмеялся. — Вот смотреть...

Он встал, отбросил полы длинноватого ему мундира, взмахнул руками, словно собирался дирижировать оркестром, — дирижеров я видел в киножурналах, что показывали перед тем, как начать крутить фильмы, — его светлые брови взлетели вверх, синие, почти черные губы сложились в трубочку, очкарик на секунду замер, незряче глядя перед собой, затем дрожащим голосом повел мелодию. Я с изумлением глядел на него. Еще несколько минут назад немец лежал без сил на песке, я даже подумал, что он умер, а сейчас он преобразился, на скулах проступили розовые пятна, глаза блестели. Я видел, как песок струйками затекает в широкие голенища сапог, но он ничего не замечал, продолжая дирижировать оркестром. Я сидел ошеломленный. Ганс вдруг покачнулся, тяжело осел на песок и закашлялся. Кашлял он долго, с надрывом.

На другой день дежурил незнакомый вахтер, и на территории завода мне пришлось пробираться через щель в заборе. Ганс, нахохлившись, сидел на перевернутом ящике и ел хлеб. Раскрошил маленький кусочек и посыпал воробьям. Увидев меня, он поздоровался и спросил, указывая на воробышек, снующих у его ног:

— Как называйт... Как называйт по-рюсски... Э-э?

— Воробей.

— Я-я... воробьей. — Ганс выпятил нижнюю губу и чирикнул.

Получилось здорово. Он и сам походил на воробья: серенький, остроносый. Я засмеялся. Немец покрутил головой, ткнул пальцем в ворон, кружившихся у заводской трубы, громко каркнул. И тут же, забыв обо мне, что-то пропел, меняя звук так и эдак. Прислушался и стал что-то быстро рисовать палочкой на песке. А ветер дул, гремел кровельным железом, в небо летел всякий мусор, а Ганс все чертил и чертил на песке знаки, похожие на птичьи следы. Потом, словно очнувшись, смахнул их ногой и, грустно посмотрев на меня, пояснил:

— Нотен... Я-я.

Как, почему почувствовал я своим обугленным войной сердцем, что Ганс занят чем-то очень и очень важным, и это не должно исчезнуть, как следы на песке? Я никогда не видел, как пишут музыку, не видел творца, но именно этот жалкий, больной немец заставил меня поверить, что

существует другой мир, мир, где нет и не может быть войн, барахолок, унылых очередей за хлебом, вонючих, кишаших шпаной вокзалов, где люди спят прямо на каменном полу и мухи ползают по их лицам. Я не мог еще изложить словами свое впечатление, но потаенное чувство подсказало мне, как следует поступить. У меня было припасено несколько тетрадок в клеточку — целое богатство, не помню, на что матери удалось их выменять на рынке, знаю только, что стоили эти тетради дорого. И вот я тайком взял одну тетрадь и отнес Гансу. Сам эпизод выпал из памяти, не уверен даже, поблагодарил ли он меня, а вот глаза Ганса запомнились, внезапно потемневшие, наполненные теплотой и состраданием. Такие глаза не могли быть у человека, убившего моего отца.

Теперь я бывал на заводе каждый день. Изредка мне удавалось принести Гансу кукурузную лепешку или немного хлеба — жить стало полегче; он рассеянно благодарил, жадно ел, заглатывая большие куски, кадык дергался на тощей шее — чувствовалось, что он далеко отсюда, от грязного заводского двора, кучи белого речного песка, ржавых вагонеток. Иногда, задумавшись, он вздрагивал, точно кто-то ударял его в бок, торопливо доставал из кармана мундира подаренную мной тетрадку, отгрызок карандаша и, присев на перевернутый ящик, начинал писать, как тогда на песке. Ганс по-прежнему кашлял, в груди у него хрипело и посвистывало. По-русски он понимал почти все.

— Нужно лечиться, в больницу, — сказал я ему.

Ганс покачал головой:

— О, нет. Арбайтен, арбайтен, — и показал на груды песка и вагонетки.

Однажды Ганс спросил меня:

— Твой фатер... отец жив?

— Нет. Погиб на фронте.

— О, майн готт! — немец закрыл лицо руками и покачал головой.

Я видел только его острый подбородок и синие губы. Он стукнул себя кулаком в грудь, и глаза его сухо блеснули.

— Слушайт! — не попросил, а потребовал он и взмахнул руками.

Передо мной снова стоял дирижер, бледное его, в редких веснушках лицо было перекошено от гнева. Ганс приподнял светлые брови и...

И оркестр грянул. Я слышал его явственно, точно музыка звучала во мне самом, и все вокруг — пирамиды баллонов, краны, вагонетки, распахнутые ворота в цех, где в глубине загорались и гасли огни, — тоже было наполнено музыкой. И я не просто слышал, я понимал ее. И тяжеловесный, угрожающий ритм, и уже знакомые мне звуки: рожденное в синеве вечера хрум-хрум, и пронзительный свист дудки, и треск барабанов. Десятки, сотни псов-рыцарей в рогатых шлемах лавиной двигались по льду — я это видел в кинофильме «Александр Невский», и теперь музыка возвращала мне картины, поражающие своей отчетливостью. Снег, снег, русские воины в остроконечных шлемах...

Ганс рассек рукой воздух и похоже воспроизвел вой пикирующего бомбардировщика, нарастающий свист падающей бомбы, тотчас перешедший в похоронный марш...

Более полувека минуло с того дня, а я как сейчас вижу пленного немца, его безумное и вдохновенное лицо, он угрожал кому-то, мстил, скорбел, на что-то надеялся и тут же терял надежду.

Конечно, свое отчаяние я не мог бы тогда выразить теми словами, что пишу сейчас, язык мой был еще слаб, беден. Но я понимал, чувствовал — ведь я был дитя войны. Странно, должно быть, мы выглядели со стороны: тощий, похожий на сумасшедшего немец и большеглазый мальчик в женской кофте.

Ганс закашлялся, обессиленно сел, долго молчал, потом тихо сказал:

— Сталинграден симфонии... Я-я.

Ночью меня опять давили кошмары, что-то смутное, угрожающее, а потом вдруг открылось ровное черное поле: «Это Сталинград, — сказал чей-то голос, — а сейчас мы будем передавать музыку». Но я услышал не музыку, а знакомое хрум-хрум — по полю двигалось, изгибалось что-то серое, круглое, похожее на гусеницу, — много ног, много глаз, и все они глядели на меня. Гусеница росла. Увеличивалась в размерах, заполняла все вокруг, стало трудно дышать...

Старик Бурмистров как-то спросил меня:

- Ты что с немцем-то валандаешься?
- Он не немец.
- А кто же?
- Он музыкант. Музыку сочиняет... Про Сталинград.
- Много они там музыки насочиняли. Музыкант-то

твой, видать, не жилец. Ишь, как кашляет. В больницу его нужно.

— Он не хочет.

— И то... В больнице скорее коньки отбросишь. На-ка, снеси ему, пусть поест. — Бурмистров протянул мне кусок хлеба с ломтем сала. — Сало-то, оно от кашля помогает.

Пленных на работу обычно привозили на заводском грузовике без охраны. Иногда в кабине «Студебеккера» рядом с водителем сидел маленький, стриженный наголо солдатик с автоматом. Случалось, что немцев сопровождал и сам начальник охраны лейтенант Гуш. Он был плотен, коротконог, с непомерно большой головой, на которой фуражка с синим околышем всегда сидела прямо. Обычно лейтенант стоял во дворе, придирчиво наблюдая, как военнопленные работают. Его не любили и побаивались. Кто-то дал Гушу странное прозвище Тетя-дядя. Работницы посмеивались: «Ишь, Тетя-дядя идет, буркалы, как у борова», «Да в ем, бабы, от мужика только одне штаны!»

Я старался не попадаться Гушу на глаза. При его появлении военнопленные, отправляясь в карьер за песком, брали с собой и Ганса. Тот был слаб, его приходилось подсаживать в кузов. Однажды, когда Ганс уже перебросил тощую ногу через борт, из-под мундира вывалилась мятая тетрадка. Лейтенант Гуш поднял ее, развернул и стал с удивлением разглядывать.

Ганс с мольбой протянул к нему руки:

— Господин офицерен! Это есть мой хефт, я солчинял мюзик.

Тетя-дядя свирепо глянул на него:

— Музыку сочинил? Ах, мать твою так! Ото ж, паскуды, кормять их, от народа отрывают... А ну давай, нечего филонить!

«Студебеккер» рывком взял с места. Гуш, тужась, краснея лицом, разорвал тетрадку на мелкие кусочки и долго топтал их сапогами.

Прошло два дня. Я не был на заводе. Из станицы вернулась Сазониха, привезла мешок фасоли, кукурузу, свиной смалец, принялась за уборку. Я таскал воду. Часов в десять утра, прихватив кусок хлеба со смальцем, выскочил во двор. Было душно, гудели пчелы, ранние черешни уже начали розоветь. Я хотел немного хлеба оставить Гансу, но увлекся и не заметил, как съел. Уже на заводской

проходной почувствовал, что что-то неладно. У вахтерши было испуганное красное лицо, с ней разговаривал незнакомый военный. До обеденного перерыва было еще два часа, но во дворе толпились рабочие. У пустых вагонов угрюмо, отдельной группой стояли пленные немцы. Около них прохаживался, скрипя сапогами, лейтенант Гуш. Увидев меня, он сердито заорал:

— Ну-ка ступай отседа, нечего здесь шастать! И вы расходитесь, граждане.

Рабочие, не обратив на него внимания, продолжали негромко переговариваться:

— А што случилось-то?

— Та кто их знае? Хриц, шо ли, убег?

— Не убег. В сортире удавился.

— Тю! Чего брехать зря?

— Говорят тебе. Бурмистров пойшов до витру, а там, в сортире, немец висит. На помочах удавился.

— Иди ты!

— Ну? Хворый был. Тошой такой, в очках. Кашлял все.

— Отчего же он себя порешил?

— Тосковал, видать. Человек все же.

— Нашел, кого жалеть, они нас не очень-то жалели.

А во двор тем временем, пискляво гуднув, въезжал автобус «скорой помощи». На столбе что-то заполошно бубнил репродуктор. Под ноги мне попался клочок бумаги. Я поднял его — это был разорванный лист из тетради в клеточку.

ЗАГАДКИ ПАМЯТИ

Память фрагментарна и в самом деле напоминает свет, отраженный от осколков стекла. Не знаешь, когда и что высветится на их гранях, вспыхнет и погаснет, чтобы уйти в небытие. Я не верю людям, которые утверждают, что отчетливо помнят свое раннее детство.

Литературные произведения не в счет, они строятся по законам жанра и подлинным документом не являются. Не случайно же у Бунина во многом автобиографический роман все же называется «Жизнь Арсеньева». И Иван Алексеевич сердился, когда его отождествляли с героем романа.

Я как-то попытался проредить воспоминания, отсекая то, что пришло из рассказов родных и близких и не является собственными впечатлениями. Получилось довольно-таки ветхое рядно, дырка на дырке.

Нынешним летом в Нижнем Новгороде я долго стоял напротив Стрелки, — передо мной в дымке лежало предместье родного города, но ничего в душе не дрогнуло, не возникло никаких ассоциаций. Смутно всплыли перед глазами какая-то улица, какой-то дом, плеснуло в лицо запахом нагретой на солнце зелени — вот и все. Более поздний период тоже смутен.

Из родственников по отцовской линии в Нижнем Новгороде хорошо я знал только брата отца дядю Сергея Михайловича.

Первое воспоминание о нем связано с сорок первым годом, когда, выброшенные волной эвакуации, мы с матерью оказались в городе Горьком. Смутно помню квартиру в полуподвале большого каменного дома на центральной улице, тоскливый вой сирены, мелькание ног за мутным окном, ожидание матери и тети Шуры — жены дядьки. Она маленькая, хрупкая, в гимнастерке, синем берете, зеленая сумка с противогазом через плечо. Тетя Шура что-то такое делает в гражданской обороне, возможно, крутит ручку этой противной сирены. Дядя Сережа на объекте. Что за объект? Появляется он обычно поздно вечером, когда я уже в постели и могу лишь украдкой наблюдать за ним. Он коренаст, плотная фигура схвачена командирским ремнем, бритая голова, старенький вещмешок, из которого он извлекает банки с консервами и хлеб — коричневую буханку с глянцеви́то-блестящей корочкой.

Запах хлеба — вот что связано с дядей Сережей. И еще дорога, точнее, ожидание ее. Нам предстоит дальнейшее бегство, теперь уже в Ашхабад.

По-настоящему я разглядел дядьку уже после войны, когда он стал наезжать к нам в Краснодар в отпуск. Появлялся он обычно летом, всегда на короткий срок — неделю, десять дней, не больше, но и этого времени было достаточно, чтобы утомить всех. Сколько энергии заключалось в этом шумном, нелепом человеке! С утра до глубокой ночи слышался его окающий, волжский говорок с детскими капризными интонациями: «А ты мне да-а-й, да-а-й!» Желания его всегда были неожиданны, странны. Больше всего он любил ходить на Сенной базар. В начале пятидесятых базар еще сохранял былое величие, колорит. Особенно хорош был Сенной в августе, когда с окрестных станиц и хуторов съезжались сельчане. Базар поражал воображение: лошади, во́лы, повозки с задранными оглоблями, горы арбузов, дынь, тут же баклажаны,

лук, чеснок, зелень, всевозможных сортов яблоки, груши, сливы, виноград. А рядом — рыбные ряды, где шелестели черно-зеленые раки, шелкали круглыми ртами шараны, темной осклизлой массой возвышались гигантские сомы. Паюсную икру продавали слипшимися кусками — все это пахло остро, пряно, немного с тухлинкой. Но особо праздничный запах стоял в рядах, где торговали медом. И продавцы здесь были особые: похожие друг на друга розовощекие чистенькие старички в одинаковых белых фартуках, немногословные и улыбчивые. Пчелы летали, кружились над бидонами с медом, сплетаясь в рои. Над рынком плыл неумолчный гул, гакающий кубанский говор, он мешался с писком, блеянием, мычанием домашней живности. Кричали мальчишки-водоносы: «Кому воды, воды кому холодной. Только набра-а-а!»

Дядя Сережа в этой кутерьме чувствовал себя как рыба в воде. В жеваной клетчатой рубаше с закатанными рукавами, армейских галифе, шлепанцах на босу ногу, с неизменным носовым платком на голове, он выглядел шутом, чем привлекал смешливых станичников. «Дядька, та иди сюда, до мене, чудик!» — кричали они. — «Мадамочка! — с улыбкой обращался дядя Сережа к здоровенной, пудов на восемь, казачке из станицы Пашковская. — Синенькие беру непременно с тобой в придачу». — «Ха-ха! — колыхалась она необъятным телом. — Гля, Клавдя! Ухажер нашевся!» А я сгорал от стыда, тянул дядьку за руку, а он, чтобы меня поддразнить, задирает рубаху и, ко всеобщему удовольствию, звучно хлопал себя по отвисшему бледному животу. Он мог заговорить с кем угодно на улице, пойти в гости к незнакомым людям или привести в дом гостя в самое неудобное время.

Приезжая в отпуск, дядька обязательно привозил мне подарок, и всегда неожиданный. Детекторный радиоприемник, нож с множеством лезвий, фотоаппарат «Фотокор» со сломанным затвором, а как-то привез портативный кинопроектор с единственным фильмом «Ленин в Октябре».

Письма дядя Сережа писал в стихотворной форме, сопровождая рисунками и вырезками из газет и журналов, чаще всего из «Крокодила». Стихи он сочинял чудовищные. «Твой отец совершенно не похож на Сергея, — не раз говорила мне мама. — И внешне и внутренне. Ни за что не поверишь, что братья».

Лишь став взрослым, я начал понимать дядьку. Жизнь

его была небогата событиями, он, скрывшись за маской чудака, умышленно украшал ее выдуманными эпизодами, стараясь отгородиться от действительности, в которой, как я понял, многого не принимал. Дядя Сережа был инженером, специалистом по противопожарному оборудованию.

В марте 1961 года приказом главкома ВМФ я был назначен на модернизированную подводную лодку, стоявшую в Сормове. Вот тогда я полтора месяца прожил в Горьком, ежедневно общаясь с дядькой.

О родословной семьи Носовых сведения довольно скудные. Как-то, уже в начале восьмидесятых годов, во время одного из своих внезапных наездов в Москву, дядя Сережа, округлив серые, уже тронутые склеротической дымкой глаза, сказал:

— А ты ведь кня-я-зь. Знаешь? Прабабка твоя — татарская княжна, правда, из обедневших.

— В самом деле?

— А то-о!

— Чего же раньше не говорил?

— А заче-е-м? Такое родство только навредить могло. Пятно в личном деле: чуждый элемент. Стал бы ты после этого полковником? Э-э? Я во всех анкетах писал: из крестьян.

Сколько раз в снах являлась мне юная красавица княжна, загадочно улыбалась и исчезала. От татарских предков мне достались неукротимая вспыльчивость, широкие скулы, да еще сердце замирает в сладкой тоске, когда я слышу восточную музыку.

ПРОРОЧЕСТВО ИЛИ СТРИЖКА «ПОД НОЛЬ»

Когда происходит перелом в жизни, и вы оказываетесь на гребне судьбы, непременно встретится человек, который безошибочно предскажет то, что произойдет с вами в ближайшие двадцать пять лет. Именно таким человеком стал для меня парикмахер Макс.

Если бы существовали ученые степени среди парикмахеров, Макс, безусловно, получил бы степень доктора парикмахерских наук, а возможно, его избрали бы и в академики. Достаточно было взглянуть на его руки с тонкими чувствительными пальцами, покрытые желтоватым налетом, точно после йода. Руки жили своей особой, одухотворенной жизнью, и я убежден — вложи в них скаль-

пель, кисть или грифель, они сотворили бы чудо. У Макса были руки творца.

Густой серебристый бобрик, высокий эллинский лоб, темные, с гипнотическим блеском глаза и какая-то неторопливая стремительность движений, в которых были и полет, и точность, и, я бы сказал, музыкальность, словно, намазывая щеки клиента, он одновременно дирижировал оркестром, — вот некоторые штрихи к портрету Макса.

На Максе всегда был чистый, накрахмаленный халат. Гласные он произносил в нос, как старый петербуржец, может быть, потому маленькая парикмахерская, с облупленным потолком, с пятнистым, как в бане, зеркалом в тяжелой, выкрашенной бронзовой краской раме, напоминала артистическую уборную.

Прикасаясь надушенными пальцами к розовой лысине клиента — профессора-терапевта, Макс спрашивал:

— Так что же ваш подопечный, дорогой Аркадий Галлактионович? Как его докторская?

— Ха, стрекулист! Из молодых, да ранний, — усмехался профессор, презрительно выпячивая губу. — Автореферат в печать отправил. На предзащите все сидели с открытыми ртами — никто ни шиша не понял... Алгоритмы... компьютеры... Как вы, голубчик, помните... из обычной мухи... знаменитой «муски domestica» выдули несколько кандидатских и одну докторскую... Так и мой Коленька ухватился за новинки. И пошло-поехало... Математика, кибернетика... Сейчас модно. Не то, что мы, старые клиницисты: глаз, палец, ухо — вот и весь арсенал. Да-а, на погост пора, на погост...

— Что это вы погребальные речи завели, уж не от зависти ли?

— От нее, от нее, злодейки. Ничему так не завидую, как молодости.

С доцентом-биохимиком Макс говорил о проблемах тканевого дыхания, о сложных ферментативных системах и о синтезе белка.

Доцент покрывался капельками пота, краснел и все порывался выскочить из кресла.

Макс усаживал его обратно и насмешливо говорил:

— Видите ли, дорогой мой, от ваших оппонентов я отличаюсь тем, что в качестве контрдоводов могу отрезать уши. Представьте себя в аудитории... без ушей. Срам!

Нам только что зачитали приказ о зачислении в Военно-морскую медицинскую академию, и я ощутил себя на

гребне судьбы. Было скользковато и ветрено. И тоскливо от неопределенности. Тогда я еще не знал, что радость может обретать самые неожиданные формы. С гребня виден был старинный парк бывшей Обуховской больницы, серые пирамиды дров, памятник Пирогову, мрачноватые трубы котельной, и где-то посередине, справа от асфальтовой реки, посверкивал огонек парикмахерской.

Новая жизнь начиналась со стрижки «под ноль».

— Прошу вас, дорогой мой, — величественно сказал Макс и указал мне на кресло.

Стрекот машинки совпал с шумом падающей воды... И я уже плыл, унося пророческие слова Макса:

— Умеренно честолюбив... Склонен к самоанализу. Тип нервной системы — художественный. Волос хватит только до факультета усовершенствования врачей...

Передо мной разворачивался гороскоп. Я потрясенно молчал. Панорама судьбы, выписанная скупыми и точными мазками, выглядела несколько плоско: ни взлетов, ни падений. По такой дорожке можно спокойно ехать на трамвае. Легковых автомобилей не предвиделось. Где-то рядом всплыла проблема облысения.

Я посмотрел в зеркало на свой лимонного цвета череп и понял, что все сбудется.

— Следующий, — сказал Макс.

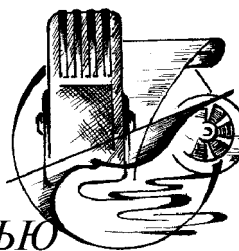
Он умер, как умирают мыслители и художники. Мгновенно, от инфаркта. И парикмахерской той уже нет. Там сейчас, кажется, склад.

Сергей БАБУРИН,
Владимир ЮДИН

НА ОСНОВЕ ВЕКОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Владимир Юдин. Сергей Николаевич, анализ региональных и думских выборов показал, что их организаторы по-прежнему не находят места Русской идее в политической жизни Российской Федерации. Выражая заветные чаяния нашего народа, эта идея продолжает игнорироваться политтехнологами, узурпировавшими саму процедуру демократических выборов. В который уже раз в истории новейшей России мы наблюдаем мнимую борьбу группировок, выражающих интересы от силы 10—15% населения страны. Снова побеждает безликий и аморфный «центризм», справа от которого располагаются давно исчерпавшие свой политический ресурс либералы, а слева — все те же социалисты, один розовой другого...

Сергей Бабурин. Такое преднамеренное «убийство» политики на самом деле чревато непредсказуемыми последствиями. Что будет, если оставшиеся 80% населения России не захотят мириться с заведомо профанной, не отражающей интересов народа и их взглядов Думой? Кому нужны представители, которые никого не представляют? В схожей ситуации пять

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

лет назад кремлевские политтехнологи решились выпустить на сцену национально-патриотическую партию «Родина», понимая, что совсем не представить этот спектр общественного сознания уже невозможно... Между тем, за прошедшие годы сторонников тех патриотических идей, на которых объединялась «Родина», отнюдь не убавилось — совсем наоборот. Национальные силы не только увеличились численно, но возросли качественно и заметно радикализировались.

Таким образом ситуация ставит перед нами задачу создания принципиально иной политической силы, которая смогла бы стать живой альтернативой партиям «политической смерти», вобрав в себя всё лучшее и здоровое, что есть сегодня в национально-патриотическом движении. Такой силой, способной бороться за возрождение подлинно национальных, почвенных, консервативных начал русской жизни, и призван стать «Народный союз». Ни либерализм, который снова собирается быть представлен в парламенте, но не отражает интересов народа, ни маргинальный ультранационализм, который преднамеренно и искаженно раздувается на улице с намерением сделать из него социальное пугало, не несут в себе Русской идеи. Успешной и востребованной сегодня стала бы та идеология, которая включила бы в себя всё положительное содержание национализма и продуманную социальную доктрину. Можно было бы определить ее платформу широко: от национал-консерватизма до социал-консерватизма. «Народный союз» как единственная на сегодня легальная патриотическая партия мог бы объединить сегодня весь лагерь национально-консервативной и социально-консервативной ориентации. Именно этого от него ждут. Кто с надеждой, кто с ужасом.

В.Ю. И на европейском Западе, и в странах Латинской Америки все чаще на высокие властные посты избираются лидеры с четкой национальной ориентацией, носители своих национальных идей. России, думается, также остро необходима партия с ярко выраженной национальной ориентацией, поскольку в политике продолжается денационализация, или, оперируя ставшим уже более привычным словом, — глобализация. Глобализация утверждает ценности, которые делают существование России необязательным. Напротив, суверенная Россия является гарантией существования не только русского народа, но и малых наций. Малые народы мира будут в пер-

вую очередь поглощены глобализацией. Будучи лидером партии «Народный союз», как Вы рассматриваете этот жгуче важный для многонациональной России вопрос?

С.Б. При законодательном равенстве всех народов России необходимо признать особую роль, первенство чести русского народа, создавшего Российскую государственность и защищавшего ее на протяжении столетий. Это первенство, которое, кстати, признается всеми здравомыслящими национальными элитами России, должно выражаться в государственном статусе русского языка, в образовательном стандарте, построенном на основах православной культуры. Остальные народы должны быть оберегаемы государственной властью, в том числе в рамках национально-культурных автономий. Русские — прирожденные государственники, и в своем государственном развитии они создали великую Империю. Эта Империя соединила в едином государственном организме сотни народов на огромной территории. Она каждому из этих народов дала возможность найти свое уникальное место в имперской структуре, приобрести для себя пользу в имперском общежитии.

В.Ю. Вряд ли будет преувеличением сказать: русские — народ священной истории. Русская нация несет ответственность за конечные судьбы Российского государства. Между тем, сегодня она оказалась трагически разделенной. Убывание населения создает угрозу государственности. Исходя из этого, следует ли рассматривать демографический рост нормой общественной жизни, а преодоление разделенности (собрание) русской нации самой насущной задачей?

С.Б. Государственный и цивилизованный суверенитет немислимы без понятия духовной суверенности. Партия «Народный союз» не мыслит будущего России без опоры на православную традицию. Православная Церковь — средоточие истории России, центр духовной и общественной жизни нации. Именно Православие обеспечивает преемственность различных периодов Российской государственности — от Святого Владимира до наших дней. Именно преемственность святости сохраняла наше государство от разрушения и гибели. Россия — это подлинное царство святых: Андрей Боголюбский, Даниил Московский, Александр Невский, Димитрий Донской, Федор Ушаков, Царственные страстотерпцы и многие другие праведные воины, благоверные князья, благочести-

вые цари создавали и сохраняли наше государство. В силу этого очевидного факта мы будем добиваться того, чтобы Православие получило статус государствообразующей религии. Все религии равны перед законом, но не все равны перед историей и культурой.

Исповедание других религий, как и неисконфессиона, не может запрещаться. В то же время должна быть запрещена сектантская деятельность как несущая угрозу психическому здоровью граждан и подрывающая основы государственного суверенитета. Светское общество, светское государство — совсем не то же самое, что государство и общество секулярное — то есть антирелигиозное. Борьба с религией, которая еще продолжается на страницах газет и в кабинетах чиновников, решающих вопросы образования и возвращения церковной собственности, должна быть наконец прекращена. Русской Православной Церкви по праву принадлежит приоритет в воспитании полноценного гражданина страны. Предмет «Основы православной культуры» — необходимая часть российского светского образования. Церковь имеет право на все, чем она владела до незаконной экспроприации революционного времени.

В.Ю. На рубеже 80—90-х годов XX века у России, как известно, было два пути: национальное возрождение или превращение в лишенную суверенитета колонию. Как мне думается, 90-е годы прошли под знаком именно такой колонизации. Какие главные задачи ставит перед собой и обществом партия «Народный союз» в свете острой необходимости национального и социального возрождения России?

С.Б. И задача нашей партии, и задача ответственных политических сил сегодня — сделать ближайшие годы России эпохой общенациональных свершений, временем национального возрождения, решительной борьбы с бедностью и возвращения природных богатств народу. Причиной поражения России в XX веке стала давняя, идущая из прошлого одержимость элит идеями, возникшими на совершенно иной исторической, религиозной и национальной почве. Доктрины французской и американской революций с их «правами человека», «разделением властей» и «гражданским обществом» точно так же не подходят России, как не подходят Голландии идеи великой континентальной Империи. Нынешнее социально-политическое устройство России является крайне неустойчи-

вым. С одной стороны, народ лишен права отстаивать свои интересы. С другой — происходит стагнация и эрозия политических элит. Все это напрямую связано с декоративной партийной системой. Авторитарные методы партстроительства, реализуемые из единого центра, создали в стране идеологический вакуум, из-за чего общество не имеет никаких сдерживающих ценностей, а государство — внятной стратегии развития. Созданная т.н. «партия власти» — «Единая Россия» — только на словах стоит за президента и преемственность власти, а на самом деле защищает сугубо клановые интересы коррумпированного чиновничества. Другие политические партии либо стали игрушками в руках внешних сил, стремящихся с помощью «оранжевых» сценариев взорвать нашу страну, либо занимаются только тем, что «делят гранты». Вся реальная политическая деятельность сосредоточилась в руках нескольких ответственных лидеров, усилий которых, очевидно, недостаточно для такой огромной страны, как Россия. В то же время тысячи других политиков занимают sinecуры, причем в эти декорации вписывают сотни молодых людей, лишая страну достойных кадров.

Мы видим, что эта система из нескольких марионеточных партий во главе с «Единой Россией» не способна эффективно отвечать на реальные запросы людей, что подчас приводит к взрывам народного недовольства, как это было в карельской Кондопоге. Это недовольство напрямую связано с преступным бездействием властей, именующих себя «членами правящей партии», их политической безответственностью. Здесь уже не имеет смысла говорить о защите интересов народа — гораздо уместнее признать полную деградацию вообще всей партийной системы, которая в своем нынешнем виде приносит стране только вред.

В.Ю. Нынче все чаще говорят о необходимости конституционной реформы, которая бы максимально отвечала новым реалиям в стране...

С.Б. России сегодня необходима уже не просто конституционная реформа. Мы стоим перед необходимостью принятия новой Конституции. Конституция должна сберегать социальную солидарность в обществе, мир в России. Надо признать, что Конституция 1993 года, каковую, разумеется, следует строго соблюдать, пока она действует, не только не является совершенной, но во многом прямо не соответствует историческому пути Рос-

сийского государства, основным парадигмам русской культуры и мышления, геополитическим условиям российского «месторазвития». В настоящее время «конституционная реформа» должна заключаться, прежде всего, в приведении основ государственного строя в соответствие с той «тысячелетней русской парадигмой», которая была демонстративно отвергнута сначала сторонниками демократического социализма, а затем либералами.

Следует признать, что уже сейчас конституционная реформа практически идет. Новая система формирования власти в субъектах федерации уже создала предпосылки для «стягивания пространства» и купирования регионального сепаратизма (а он есть и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и на Урале, и даже в Петербурге). Выдвижение же в 2005 году двух кандидатов для утверждения президентом во Владимирской области показало, что была применена та форма выдвижения — обсуждение без голосования, причем обсуждение в трудовых коллективах и общественных организациях, — которая была свойственна не столько советской и петербургской, сколько старомосковской, «земской» эпохе.

В.Ю. Действительно, такое сочетание централизации с «прямой демократией» представляется перспективным. Думается, вся конституционная реформа должна быть инициирована Верховной властью. Ею она, прежде всего, и должна осуществляться. Поэтому, полагаю, еще до пересмотра самих Основ конституционного строя («Первой главы») следует пересмотреть принцип разделения властей, являющийся миной, подложенной под любую конституционную реформу России.

С.Б. Положительный опыт государственного управления прошлого никогда нельзя игнорировать. Может быть, пора задуматься над прямым закреплением положения главы государства как носителя Верховной власти, являющегося Арбитром (выражение Л.А. Тихомирова), стоящим над законодательной, исполнительной и судебной деятельностью (а не властью). Необходимость удлинения срока его полномочий очевидна. А если в дальнейшем осуществить переход от принципа выборности Верховной власти — если власть выборна, она не верховна, а «верховен» избирательный корпус (а на самом деле те, кто им манипулирует) — к принципу преемственности? Не подгоняя итоги под нужный результат, а легально и легитимно. Уходя (или умирая), глава государства официально

назначает своего преемника, который затем утверждается на всенародном референдуме. Стоит подумать.

Укрепление Верховной власти, точнее, ее становление — ибо сегодня формально власть у нас принадлежит «многонациональному российскому народу», а фактически может переходить от одной группы лиц к другой — будет на самом деле подлинным становлением новой России, творчески соединяющим в себе ее Царский, Имперский и Советский периоды с включением тех элементов демократии, которые не противоречат «тысячелетней парадигме».

В ходе конституционной реформы следует отказаться от абстрактной, чисто исторически (в XVIII в.) обусловленной и не соблюдаемой уже и на самом Западе доктрины «прав человека». Сама концепция «человека» в юридическом смысле должна быть пересмотрена. «Человека вообще» не бывает: всякий человек есть прежде всего представитель своей нации, Церкви, общественного сословия. Сами же «права человека» — лишенные какой-либо сакральности и изъятые из Конституции как некая «высшая ценность» — должны будут рассматриваться исключительно в единстве с их обязанностями.

Так, свободу труда следует рассматривать как свободу для труда, а не как свободу от труда. В тех статьях новой Конституции, где будет говориться о правообязанности труда, обязательно должно быть подчеркнуто многообразие его форм, включающее творчество, предпринимательство или мышление. Право на жизнь также должно рассматриваться во всей своей полноте, то есть от зачатия до смерти и, тем самым, став правообязанностью, влечь за собой все соответствующие последствия, включая запрещение абортов с одной стороны, защиту материнства и детства государством — с другой.

В.Ю. А как рассматривается Вами один из ключевых вопросов — вопрос о собственности?

С.Б. Нет никаких принципиальных возражений против свободы всех форм собственности, однако понятие правообязанности неизбежно вводит мотив социальной ответственности собственника, подразумевая под этим обязанность вкладывать в развитие производства, науки, культуры, образования и возможность вмешательства государства в случае отказа от такой ответственности. Вообще в новой Конституции социальный характер государства должен быть обязательно заострен.

В.Ю. «Социал-консерватизм» — так, надо полагать, можно определить политико-правовую идеологию будущей России, согласно Вашему пониманию, если мерить ее в привычной шкале политических идеологий? А какво будущее представительных органов власти?

С.Б. Именно так. Постепенно следует менять и систему представительной демократии и, соответственно, конституционную структуру высших государственных органов (через Конституционное собрание или референдумы). Речь идет о переходе от политического представительства (по принципу той или иной идеологии) к представительству территориально-профессиональному — то есть представительству от российских регионов с одной стороны, профессиональных групп населения — с другой. Либо о соединении всех этих типов представительства воедино. Фактически речь идет о новом формате Земского Собора, где должны быть представители всех значимых видов деятельности, начиная от политиков и бизнесменов и заканчивая крестьянами и учителями. Таким образом будет реализован полный спектр народного представительства и, соответственно, будут представлены все интересы. При необходимости такой переход можно осуществить через механизм полномочного Учредительного Собрания (Общероссийского Земского Собора).

В.Ю. Сергей Николаевич, поборникам гражданских прав и свобод, абсолютизирующим либерально-западные ценности, вряд ли придется по нраву ваши представления о государственном устройстве России...

С.Б. Наш нынешний государственный опыт показал: демократия в России прекрасно работает на уровне местного самоуправления, быть может, в рамках городов и поселков, но в силу огромной территориальной протяженности, сурового климата и постоянной внешней угрозы как с Запада, так и с Востока она не может быть общегосударственным организующим принципом. Социально-представительное государство с сильной и преемственной Верховной властью — такой мы видим будущую Россию. Глава государства должен выступать безусловным национальным лидером. Мы стоим перед задачей восстановления традиционного понимания природы государства как самодержавной власти. Мы хотим, чтобы власть снова стала священна для каждого, а Церковь — свята для всех. Ведь власть — это не привилегия и не инструмент обогащения. Это с л у ж е н и е не за страх, а за совесть.

В.Ю. Россия как основа и гарант существования Восточно-христианской цивилизации на протяжении многих столетий играет ключевую роль в мировой истории, суть которой — выстраивание справедливого мирового порядка. Между тем, вот уже почти два десятилетия наша страна живет в условиях ограниченного государственного суверенитета. Угроза распада страны, повисшая над нашей Родиной в конце 80-х годов прошлого столетия, согласитесь, до сих пор не ликвидирована...

С.Б. Согласен. Внешние и внутренние враги на протяжении XX века дважды осуществляли операцию по расчленению нашей страны: в 1917 и в 1991 годах. После первого разрушения мы оправались и к середине 30-х годов восстановили армию, промышленность и людские ресурсы, затем победили вторгшегося врага и стали сверхдержавой. Историческая Россия восстала под новым именем — СССР — и превратилась в одну из величайших мировых Империй.

В 1991 году удар был нанесен не по коммунизму, а именно по исторической России, по Империи. Сегодня враги России наносят прицельные удары по линиям «спайки» российской нации, стремясь посеять раздор на религиозной и национальной почве и превратить тем самым линии соединения в линии разлома.

Исходя из этого, становится ясно, что сегодня крайне необходимо вернуть России ее роль в истории. Вписывание России в рамки иных геополитических образований неприемлемо. Государство, веками соблюдавшее правильный мировой порядок, должно иметь свой независимый геополитический проект. И одним из первых шагов в этом направлении должна стать консолидация православных стран на базе единой Православной конференции.

Первое десятилетие XXI века особенно четко выявило противоречия эпохи глобализации и общемировых политических тенденций. Мы фактически вступили в эпоху кризиса однополярного мира, основные политические и экономические контуры которого пытаются формировать США с 1991 года. Мы живем во время исторических перемен, когда США и их союзники больше не способны контролировать мировые политические процессы и являться гарантами международной безопасности без нарушения системы международного права. Рост новых мировых держав и ТНК, смещение баланса геополитических сил в стратегически важных регионах мира, деваль-

вация институтов международной безопасности и генезис очагов военно-политических конфликтов, кризис интеграционных политических моделей в Европе и всей системы либерального мультикультурализма больше не позволяют при уровне нынешней вовлеченности России в мировые процессы оставаться в стороне. Россия должна выбирать: либо она осознает себя в качестве Великой Державы и альтернативным центром мирового политического влияния, либо она подчиняется Новому Мировому Порядку, и тогда вся риторика Мюнхена — это не более чем риторика.

В действительности, мюнхенская речь В.В. Путина всего лишь обозначила те реалии и противоречия изменившейся мировой системы, в которых наша страна вынуждена, наконец, переосмысливать свою роль и качество своей внешнеполитической активности. Мы считаем, что если Россия называет себя «великой державой» в своих основных документах, формирующих характер ее внешней политики, то раскрытие содержания и направлений этой политики не может быть сделано в общих и расплывчатых терминах, никак не проясняющих суть внешнеполитических приоритетов и национальных интересов страны.

Признавая фундаментальный характер происходящих перемен во всем мире, Россия по-прежнему настаивает на «равноправных и взаимовыгодных отношениях со всеми странами». Напротив, США, к примеру, очень четко оговаривают, с кем надо вести себя «равноправно», а для кого больше подходят термины «избирательное сотрудничество» и «страны-изгои» (rogue-states), когда российское руководство на официальном уровне все чаще озвучивает идеи «суверенной демократии», то есть особого пути развития, своеобразия русской политической культуры и политических традиций России, когда правительство допускает в ряде случаев возможность ограниченного применения военной силы за пределами РФ, — основной внешнеполитический документ России по-прежнему говорит общим и малопонятным языком «приверженности к ценностям демократического общества».

В условиях, когда проект однополярного мира трещит по швам, Россия не может больше только констатировать его распад и предлагать расплывчатую формулу «однополярного мира». При нынешних ритмах глобальной политики наивно предполагать, что идея «многополярного

мира» реализуется сама собой и просто займет место уходящего однополярного миропорядка. Мы должны предложить всему миру абсолютно четкий и внятный проект альтернативного мироустройства и заявить о своей ведущей роли в его формировании. Россия должна стать одним из гарантов складывающейся многополярности, лидером и аккумулирующим центром своеобразной «конфедерации цивилизаций».

В.Ю. Слушая Вас, Сергей Николаевич, западные политологи антирусской и антироссийской направленности наверняка упрекнут Вас в «имперскости», якобы опасной и враждебной всему цивилизованному миру...

С.Б. Наше государство исторически сложилось как многонациональная держава-империя. Россия самым своим положением обязана себя позиционировать на мировой арене не только как один из «влиятельных центров современного мира», а как растущую мировую державу, чья область национальных интересов может выходить за пределы ее государственных границ. Плачевный опыт инкультурации в Россию «демократических ценностей» и чисто западного примата «демократической государственности» без учета нашего менталитета, многовековых традиций, исконных духовных ориентиров и всего уклада нашей жизни говорит о том, что нам давно пора перестать бояться и стыдиться определять себя как Империю. Мы должны понять и объяснить нашим оппонентам, что Империя — это не форма, это — состояние. Причем состояние, которое всегда было естественным для России. Более того, любая попытка выйти из этого состояния всегда была чревата эрозией всей российской государственности и грозила нашей стране подлинным историческим небытием.

Если Россия стремится быть по-настоящему Великой Державой, то она должна проводить в жизнь по-настоящему имперскую внешнюю политику. Это касается как пространства СНГ, так и тех стран «дальнего зарубежья», которые Россия рассматривает как зону своего влияния. При этом в наиболее важных регионах Россия не должна ограничиваться лишь экономическим или социально-гуманитарным присутствием. У России по-прежнему остаются три стратегических направления внешней политики: реинтеграционное (пространство СНГ), ближнее (пространство Евразии) и дальнее (весь остальной мир). Соответственно этому представлению, Россия формирует свои подходы к осуществлению внешней политики.

В отношениях со странами СНГ Россия обязана заявить о себе как о безусловном геополитическом лидере, который рассматривает пространство стран СНГ в качестве зоны своего естественного влияния и национальных интересов. Мы должны стремиться к такому положению вещей, что без согласия с Россией активность на этом пространстве другого крупного геополитического игрока (США, Евросоюза, Китая и др.) была бы максимально затруднена. Должен быть особо остро поставлен вопрос о допустимости нахождения на территории некоторых стран СНГ американских военных баз, что грубо нарушает принципы членства этих стран в системе коллективной безопасности СНГ.

В европейской части СНГ приоритетными направлениями внешней политики остаются Украина и Белоруссия. России давно пора отказаться от тактики спонтанных мер и обзавестись, наконец, программным видением своей украинской политики. Нам следует понять, что сами по себе методы политического и экономического прессинга на Украину по-прежнему будут оставаться неэффективными, если не будет выработана единая комплексная концепция возвращения России на Украину. Нам необходимо запустить, наконец, механизмы формирования на Украине влиятельного, дружественного России политического «лобби» и в перспективе на Украине «третьей силы», состоящей из блока партий пророссийской направленности.

В.Ю. Но такая протекционистская политика России, без сомнения, будет квалифицироваться на Западе и доморощенными неолибералами как «вмешательство во внутренние дела» самостоятельных, независимых государств...

С.Б. Россию это не должно волновать. При продолжении сегодняшними лидерами Украины курса на включение ее в структуры НАТО и Евросоюза российская политика должна быть энергичной и твердой, включая требования возвращения «знака дружбы и единства» — Крыма и подтверждения российского статуса Севастополя, который де-юре никогда не был передан Украинской ССР. Преступно стесняться максимальной активизации России в Крыму, где поддержка России русским и русскоязычным населением всегда носила естественный характер. Но лучше, если Крым и Севастополь будут соединять Украину и Российскую Федерацию.

В отношении Республики Беларусь внешняя политика Российской Федерации — это политика воссоединения. Сохраняя соответственные экономические преференции для Белоруссии, мы считаем необходимым именно в этот исторический момент завершить процессы формирования союзного государства. Если потребуется, надо обсудить вопросы нового, устраивающего все стороны, формата этой интеграции. Для этого мы предлагаем провести личную встречу лидеров двух государств на высшем уровне, которая должна разрешить все спорные вопросы без влияния «третьих сторон». Историческая Россия — это союзное государство (Империя) великороссов, украинцев, белорусов и единых с ними народов. Это Российский Союз.

В Кавказском регионе Россия должна вести максимально жесткую политику экономических и политических санкций против Грузии и всесторонней поддержки т.н. «непризнанных» республик — Южной Осетии и Абхазии. Грузинскому руководству нужно недвусмысленно дать понять, что любая попытка силового вмешательства в дела этих республик или вхождения Грузии в состав блока НАТО будет означать автоматически признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии и наращивание в регионе сил российских миротворцев. Следующим шагом такого сценария может стать сооружение пограничной зоны отчуждения, строительство линии государственных границ и подготовку вхождения независимых республик, в полном соответствии с международными нормами, в состав РФ. То же самое можно сказать и о ситуации в Приднестровье.

В.Ю. Определяющими в международной политике для России являются отношения с ведущими, экономически развитыми странами так называемого «золотого миллиарда» — США и Евросоюзом. Как, по-вашему, должны складываться с ними наши отношения?

С.Б. За пределами СНГ ряд приоритетов внешней политики России должны быть пересмотрены в связи с изменившимися международными условиями и позициями по восприятию России в мире. Уровень антироссийской истерии и русофобии, обвинения в энергетическом шантаже странами Евросоюза, который путем политического давления принуждает подписать Энергетическую хартию, в корне невыгодную России, заставляют нас в области экономической политики отказаться от приоритетных

отношений с Евросоюзом. На данном историческом этапе России намного выгоднее вести «ассиметричную» политику, договариваясь о выстраивании «персональной экономической политики» взаимовыгодного сотрудничества с каждой страной ЕС по отдельности. Кроме того, довольно перспективной выглядит идея создания под эгидой России содружества влиятельных политических партий европейских стран на базе Православия. В будущем этот союз способен стать одним из параллельных факторов российского влияния в Европе.

Особое значение для России приобретают процессы, происходящие в ряде стран Латинской Америки. В условиях, когда Соединенные Штаты считают зоной своего влияния близлежащие к России страны (Грузию, государство бывшей советской Средней Азии), мы должны в полной мере восстановить и расширить стратегическое партнерство со странами Латинской Америки, в том числе в области энергетики и обороны. Формирование нового «красного пояса» антивашингтонски настроенных режимов Венесуэлы, Боливии, Никарагуа и других стран. При необходимости — включить их официально в члены Организации договора коллективной безопасности. Несмотря на все перемены, наша страна сохранила для многих людей планеты свой положительный «коммунистический» образ, созидательный характер политики и влияние в левокоммунистическом лагере. В интересах России — поддерживать подрыв гегемонии США в латиноамериканском мире, заставляя Вашингтон сворачивать свою активность в Евразии и возвращаться к решению собственных проблем в зоне своего традиционного влияния.

Все эти меры, к которым партия «Народный союз» призывает ответственных деятелей внешнеполитических ведомств, направлены, прежде всего, к тому, чтобы остановить уход России из истории, вернуть российской политике мировое измерение. В последнее время у России наконец появились первые признаки собственного геополитического проекта. Однако нужна организованная политическая сила, которая подняла бы на щит идею чести Державы. Партия «Народный союз» готова стать ею.

В.Ю. Сергей Николаевич, трудно, согласитесь, решать животрепещущие социально-экономические вопросы, строить стратегические внешнеполитические планы без учета острой демографической проблемы, сложившей-

ся нынче в России. Как партия «Народный союз» намерена повлиять на ее благополучный исход?

С.Б. Никакое вмешательство извне для демонтажа нашей цивилизации может не потребоваться, если население России будет сокращаться теми же темпами, что сейчас. Демографическая смерть нации и, как следствие, неизбежная потеря суверенитета, а затем и государственности как таковой — главная угроза сегодняшнего дня.

В настоящее время неуклонно сокращается продолжительность жизни граждан, особенно мужчин. В современной России около 10 миллионов инвалидов, из них почти 600 тысяч детей. Смертность с каждым годом существенно превышает рождаемость, тогда как неуклонно растет число детей, появившихся на свет инвалидами. Согласно последним исследованиям, к 2050 году население России может сократиться почти на треть. Наряду с повышенной смертностью наших граждан вымирание нации происходит и за счет давления на государства извне.

На этом фоне продолжается торговля людьми — детей, оставшихся без родителей, за гроши вывозят в иностранные семьи, продолжается отток талантливых специалистов. Многие девушки по-прежнему стремятся выйти замуж за иностранцев. При этом России принадлежит сомнительная честь быть лидером по искусственному прерыванию беременности — несколько миллионов аборт в год уносят жизни наших неродившихся граждан.

А ведь роль женщины в России всегда оценивалась существенно выше, чем в третьих странах, где сегодня происходит настоящий демографический взрыв. Поэтому сегодняшнее положение женщины в России должно быть изменено — потенциал наиболее активных женщин может быть востребован на благо всего общества в социально-политической сфере. И им должна быть предоставлена всяческая помощь.

Наряду с этим следует ужесточить законодательство в сфере акушерства. Все консультации и центры по работе с будущими матерями и новорожденными должны быть взяты под особый контроль, а руководить и работать в них должны исключительно медицинский персонал и духовенство. Организации, связанные с институтом усыновления, должны быть централизованы и ориентированы на работу прежде всего с гражданами России. Поддержка молодых и многодетных семей должна вестись на уровне правительства. Необходимо сохранить количествен-

ный и качественный состав русской нации, несущей на себе ответственность за судьбу государства. Для этого нужно введение в действие государственной демографической программы. Надо создать условия для демографического созидания и отвергнуть утилизацию смерти, господствующую сейчас во всем мире и проникающую в Россию: запретить убийство младенцев во чреве матери, продажу русских детей за границу, пропаганду однополых отношений; а кроме того, поощрять рождаемость и многодетность, укреплять семью, улучшать медицинскую помощь — вообще сделать нормой демографический рост. Законодательное запрещение абортос должно сочетаться с бесплатным выделением квартир молодым семьям, обязующимся родить от четырех детей и более. Многодетным семьям следует также на льготных условиях выделять землю под строительство домов и ведение сельскохозяйственных работ. Деятельность организаций и фондов «планирования семьи», «валеологии» и т.д. должна быть запрещена. Кроме того, нужно срочно решить проблему детей-сирот и беспризорных.

В.Ю. Партия «Народный союз» позиционирует себя как сила, выступающая за национальное возрождение и социальную правду. Все вышесказанное Вами убедительно это доказывает. Но национальное возрождение страны, известно, невозможно без укрепления духовного и социально-экономического самостояния русских как государствообразующей нации в России. Какова ваша идеология по этому вопросу и тесно связанному с ним вопросу о мигрантах?

С.Б. Десуверенизация страны выражается сегодня и в заселении нашей территории гражданами других государств. Нет нужды подробно останавливаться на фактах вопиющего неуважения к законодательству и интересам коренного населения России, в том числе русских граждан, — всех тех злодеяниях, которые становятся сегодня постоянными признаками т.н. «мигрантов». Факты эти всем известны.

Главное здесь, что транслируемые мигрантами «культура» и правила поведения не только входят в противоречие с УК РФ, но и прямым образом отменяют Конституцию России на отдельных территориях, где живут инородческие общины. Важно не допустить приватизации идеи гражданского общества и развитого местного самоуправления силами, стремящимися к десуверенизации

России. Укрепление земско-общинного измерения местной власти, особенно на уровне уличных и микрорайонных советов и обществ, замена коррумпированного и бездействующего местного чиновничества — условия, которые вправе предъявлять сегодня власти партия, выступающая за национальное возрождение и социальную справедливость.

В.Ю. Экономика, грамотная внешняя политика, народное хозяйство, по понятным причинам, определяют социальное здоровье страны. Не менее важна гуманитарная сфера бытия. Согласитесь, тут на передний план выступает элементарная бедность абсолютного большинства населения России. Как намерен «Народный союз» решать эту архиважную проблему?

С.Б. Народное хозяйство, сильная социальная экономика — это гарантия внутренней стабильности государства и его независимости от внешних сил. Для нас очевиден примат политических задач над экономическими, поэтому ни одна из сугубо экономических целей, будь то «свобода рынка», «укрепление рубля» или даже увеличение ВВП, не может быть самостоятельной ценностью. Государство в разные периоды своего развития, в зависимости от ситуации, может выбирать разные экономические модели, но всегда необходимо, чтобы этот выбор определялся стремлением решить насущные задачи, стоящие перед страной, а не искусственно созданными теоретическими построениями или, тем более, стремлением к личному обогащению представителей правящей элиты.

На фоне стоящих перед Россией задач, многие из которых требуют срочного решения, наши последние экономические достижения выглядят довольно скромно.

Основная проблема в области экономической политики состоит в необходимости в максимально сжатые сроки провести модернизацию нашей промышленности. Износ оборудования на многих российских предприятиях, в том числе и стратегического значения, превышает допустимые нормы, но главная проблема даже не в этом, а в том, что сама структура нашей промышленности выглядит тяжелой и неповоротливой, во многом не отвечающей требованиям сегодняшнего дня. Крайне мал процент предприятий, использующих в своей деятельности инновационные технологии, в то время как наша страна обладает уникальным научно-техническим потенциалом и

многие открытия наших ученых, не находя применения в России, активно используются за рубежом.

В связи с этим очевидно, что требуются как масштабные прямые государственные инвестиции в наукоемкие отрасли промышленности, так и внятная система поощрения подобных инвестиций со стороны частных предпринимателей. Также крайне необходимо активное участие государства в развитии транспортной инфраструктуры России. Огромные размеры нашей страны в сочетании с ее крайне выгодным геоэкономическим положением должны предполагать необходимость существования в России развитой и современной сети путей сообщения. Сейчас ситуация такова, что мы даже не можем начать разработку многих месторождений полезных ископаемых, особенно за Уралом, только из-за того, что нет дорог, по которым их можно было бы вывозить с места добычи. Помимо этого, развитие транспортной сети имеет очевидное военно-стратегическое значение.

Однако также следует помнить о том, что Россия уже сейчас является в некоторых областях — таких, как атомная промышленность, космонавтика, авиастроение, и ряде других одним из мировых лидеров. Кроме того, нам удалось за все эти годы сохранить гигантский потенциал нашего ВПК, позволяющий нашей стране иметь ведущие позиции на мировом рынке вооружений. Поэтому экономическая политика государства должна быть направлена на сохранение и укрепление приоритетов России в этих областях.

Крайне неудачные эксперименты последних лет в области социальной политики, такие, как, например, пресловутая «монетизация льгот», едва не приведшая к массовым волнениям, показала всю безуспешность попыток отойти от традиций патерналистского государства. Государство должно четко и решительно заявить о том, что оно гарантирует помощь и поддержку социально уязвимым слоям населения. Гражданин России должен быть уверен в том, что, когда он не сможет обеспечивать себя сам, своим трудом, государство не оставит его один на один с его проблемами. Система социальных льгот и выплат должна быть прозрачной, максимально исключающей возможность злоупотреблений со стороны чиновников и, что самое важное, понятной тем людям, для которых она существует, независимо от уровня их экономического образования. Поэтому необходимо отказаться от

подхода, когда то или иное социальное новшество вводится только потому, что так принято за рубежом. Любые формы в социальной сфере должны тщательно продумываться и исходить из реальных потребностей людей.

Для России всегда, за исключением советского периода, была свойственна многоукладная экономика. Поэтому, всячески поддерживая и стимулируя частную инициативу, государство должно сохранять свой полный контроль над стратегическими, базовыми для всего хозяйства страны отраслями, такими, как энергетика, добывающая промышленность, авиастроение, военная промышленность и ряд других. В этих отраслях участие иностранного капитала недопустимо, а участие российского отечественного капитала может играть лишь вспомогательную роль. Это не означает всеобщей национализации, но в тех случаях, когда речь идет об основах экономического суверенитета страны, а в конечном счете о ее безопасности и независимости, принцип неприкосновенности частной собственности не может считаться незыблемым. Кроме того, очевидно, что когда речь идет о природных богатствах страны, частное владение ими не может быть безусловным и вечным, речь может идти только об аренде, в которую государство передает то или иное месторождение частным компаниям и действие которой может быть прекращено в любой момент. Но даже в этом случае разработка таких месторождений должна вестись под пристальным государственным контролем. Необходимо законодательно закрепить неотъемлемые права собственности государства на недра.

В.Ю. Однако, позволю себе заметить, не только недра составляют стратегически важную отрасль, которую недопустимо передавать в частное владение. А земля, а леса, а вода — разве они не определяют вечные базовые ценности государства?..

С.Б. Необходимо отменить те положения Земельного, Лесного и Водного Кодексов, которые нарушают суверенитет Российского государства и его исключительного права на распоряжение природными богатствами. В России должен быть создан Крестьянский банк для кредитования на льготных условиях желающих взять землю в аренду для обработки. Многолетняя и безупречная служба государству должна поощряться предоставлением участка земли в собственность.

Существенно важно скорректировать нынешнюю сис-

тему налогообложения, при которой, фактически, и бедные, и богатые слои населения платят одинаковые налоги. Необходимо введение прогрессивной системы налогообложения. Сверхдоходы должны облагаться большими налогами, помимо восстановления принципа социальной справедливости, эта мера позволит освободить от уплаты налогов беднейшие слои населения.

В.Ю. Президент и правительство вроде бы активно борются с коррупцией, в которой погрязло наше общество, а воз, как говорится, и ныне там. Ваше мнение по этому чрезвычайному вопросу — как искоренить коррупционное зло?

С.Б. Высокий уровень коррупции, безусловно, губительно препятствует экономическому развитию. Затраты на взятки и т.н. «откаты» увеличивают себестоимость российской продукции, снижая ее конкурентоспособность как на внутреннем, так и на внешнем рынках. В то же самое время возможность «купить» нужного чиновника дает конкурентные преимущества крупным иностранным компаниям. Особенно больно такая ситуация бьет по предприятиям малого и среднего бизнеса, которые попросту не имеют возможности платить коррумпированным чиновникам столько же, сколько их иностранные конкуренты. В этом вопросе необходимы самые жесткие и последовательные действия государства в сочетании с выстраиванием четких и понятных всем субъектам экономической деятельности правил поведения.

Основой экономической политики государства должен стать «новый протекционизм». Необходимо принять меры для того, чтобы государство вернуло себе ведущее положение во внешней торговле, осуществляя жесткий контроль за экспортом за рубеж стратегических товаров.

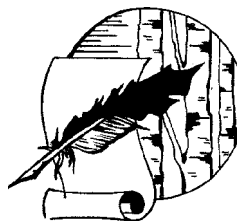
В.Ю. Нисколько не ставя под сомнение важность и актуальность озвученных Вами, Сергей Николаевич, государственных и политических задач, думается, однако, в силу широты и многогранности их не в силах решить в одночасье ни одна, пусть даже самая крупная и авторитетная политическая партия...

С.Б. Для претворения в жизнь насущных задач, необходима мобилизация всего общества. И, прежде всего, тех сил, той ключевой партии, сама роль которых состоит в созидании и защите государства. Большинство граждан, дорожащих Россией, готовых и дальше делить со своей Родиной ее непростой исторический путь, ждут от влас-

ти демонстрации приверженности национальным ценностям — духовным, нравственным, культурным. Русский почвенный консерватизм сегодня — это единственная национальная идеология, способная отстоять суверенитет, укрепить духовность, улучшить условия труда и повысить благосостояние человека труда, осуществить прорыв к построению общества Справедливости и Порядка. Консервативные ценности — предмет консенсуса государства, общества, Русской Православной Церкви и традиционных конфессий. «Народный союз» ставит перед собой цель защиты Русской цивилизации от новых потрясений, предлагая свой путь модернизации нашей страны на основе ее вековых традиций.

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН

ИНОЮ ДОРОГОЙ...

* * *

Гражданственность исходит из любви.
Когда я пел о ясном поднебесье,
о море, звездах и о русском лесе, —
в моей груди звенели соловьи.

Гражданственность исходит из любви.
Сибирь и Север я познал в работе,
душа сливалась со страной на взлете,
кипели жизнь и страсть в моей крови.

Гражданственность исходит из любви.
И я стоял на русских баррикадах,
когда народ ввергали в бездну ада
и телесвора выла: «Бей, дави!»

Гражданственность исходит из любви.
Нет, мы в борьбе своей не проиграли,
хоть отступали и друзей теряли, —
грядет победа в праведной нови.

Гражданственность исходит из любви.
Да, без любви любое дело — тщетно,
слова — мертвы, молитва — безответна,
каких святых на помощь ни зови.
Гражданственность исходит из любви.

* * *

Грусть свою до донышка
я испил давно.
Мартовское солнышко
брызнуло в окно.

Уж душа не чаяла
взмыть под небеса,
а гляжу — оттаяла,
осветлив глаза.

Долго ли угрюмости
надо мной кружить?
Мне опять, как в юности,
захотелось жить.

* * *

Я дожил до весны,
до тепла, до травы, до листвы.
Снова птицы поют
надо мной в пробудившемся парке.
Устремляется взгляд
в глубину золотой синевы,
и ласкается май —
озорной, ослепительно яркий.

Жизнь еще не прошла.
Белый свет наполняет глаза.
Сердцу дорого всё,
что цветет, зеленеет и дышит.
Даже города гул
и железных машин голоса,
омертвев, отошли,
их мой слух отрешенный не слышит.

Тополей аромат
над ожившей аллеей висит.
Тянет ветви ко мне
молодое кленовое племя.
Бузина зацвела.
И вот-вот соловей засвистит.
И забудет душа
боль свою на какое-то время...

В НЕВИДИМОЙ ДАЛИ

Всё пережил, переживу и это —
пустую радость мелких подлецов.

Весна в лицо мне веет из рассвета
дыханьем первых городских цветов.

Я знал страшной удары и утраты,
больнее были горечь и печаль.
Полночных гроз бодрящие раскаты
влекут меня в невидимую даль.

Из той дали мне светит, не стихая,
звезда мечты, зовет из тайны той...
Лишь ей одной душа моя живая
принадлежит в погибели земной.

Судьбой не дорожил я в жизни этой.
От многих, стиснув зубы, уходил.
В душе, огнем звезды моей согретой,
всегда хватало смелости и сил.

Смирясь еще с одним переживаньем,
пойду навстречу ласковой весне.
Как прежде, с каждым новым испытаньем
звезда мечты сияет ярче мне.

* * *

За то, что дорогой иною
иду я, терпенье храня,
за всё, пережитое мною,
они ненавидят меня.

Безумство злорадного мщенья
их мелкие души сожгло.
Не будет мне в жизни прощенья
за подлое их ремесло.

Дорогой своей одинокой
и дальше по свету пойду,
в российской печали глубокой,
быть может, не пропаду.

Судьбу разделю равноправно
с бедой и тоской пополам.
Да только ни Бога ни правды
на торжище лжи не отдам.

* * *

Летний вечер, и свист соловья,
и ко всенощной звон колокольный.

Осторожная радость моя
встрепенулась улыбкой невольной.

В темном парке — прохлада и тишь,
птичий щебет и зов соловьиный.
Тут всегда отрешено молчишь
на скамье под ветвистой рябиной.

Звон вечерний и трель соловья
слух лелеют, как райское пенье.
Только тут одинокость моя
обретает и смысл и значение.

И сидишь, и молчишь, не дыша,
и в глазах замирает улыбка.
Только тут отторгает душа
то, что в жизни ущербно и зыбко.

* * *

Желтый месяц в синем летнем небе,
тишина, застывшая в глазах...
Я сегодня пил, а вроде не пил —
звездный блеск блуждает в небесах.

Под вселенским бесконечным светом
просквозила жизнь моя, как миг.
Только все ж успел я стать поэтом,
в этом мире что-то я постиг.

Пусть к концу подходят жизни сроки,
нет причины мне жалеть о том,
ведь сияет месяц одинокий
над моим распахнутым окном...

* * *

Мне лето дарит солнечные дни,
травы, цветов и леса ароматы
и над рекой безумные закаты,
картинам фантастическим сродни.

Я ухожу в природу от людей,
от мерзких звуков, грохота и брани,
здесь после всех эстрадных завываний
душе спокойней, легче и светлей.

Плывут развалы белых облаков,
и теплый ветер нежно гладит щеки,
и на опушке леса дуб высокий
мне шепчет тайны прожитых веков.

Я разлюбил осенних листьев грусть,
и я хочу с зимой навек проститься.
К живым деревьям и к поющим птицам
однажды я уйду и не вернусь.

В РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ

Вместо речки — ручеек,
продан детства дом.
И в окошке огонек
скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот,
и не тот забор,
пес рычащий у ворот
и недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
и гонял гусей?
Здесь ли высмотрел мечту
жизни всей своей?

Ухожу, и боль тоски
сердце бередит,
словно вслед из-под руки
бабушка глядит...

* * *

В конце июля птицы не поют —
у них птенцы растут, им не до пенья.
Прошла пора душистого цветенья —
леса плоды природы раздают.
В природе крепок нравственный закон —
теченье жизни продолжать и холить.
Но человек сумел себе позволить
в пустой игре поставить жизнь на кон.
И день за днем безумная игра
идет за право беспредельной власти.

В сердцах кипят убийственные страсти.
А во дворах играет детвора.
Весь мир игра способна разметать,
и только шаг до полного крушения...

В конце июля птицам не до пенья —
птенцы у них готовятся летать.

КРОВЬ ДЕТЕЙ

Власти бодро шагают вперед,
пожирая безмолвный народ.
Им Россия нужна как товар,
чтобы личный копился навар,
чтоб ее побыстрее распродать
и как можно побольше урвать.

Умирает большая страна,
в рабство мерзким властям отдана.
Власти весело смотрят вперед,
истребляя ненужный народ.
И на лацканах этих властей —
кровь замученных русских детей...

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Давно не нужный никому,
по иномарочной столице
измятый бомж бредет во тьму,
не глядя на чужие лица.
А у него — сума пуста
и никакой другой одежды.
Но, потерявший все надежды,
живет он помощью Христа.

В стране, где кровь течет рекой
и слово правды — под прицелом,
удел неведомо какой
нас ждет на этом свете белом.
Смолкают смелые уста,
смыкаются героев вежды...
Когда разбиты все надежды,
одна надежда — на Христа.

В БОГОРОДСКЕ...

Напылили кругом, накопили...
С. Есенин

Хакамады, гайдары, чубайсы, грефы... —
словно дьявол прислал нам свою родню.
Прилепить бы им на спину масти трефы
и хотя бы на месяц послать в Чечню.

Накопили смрадные эти бесы,
миллионы безмозглых свели с ума.
Сколько их, облепивших родные веси!
Сколько всяческого дерьма!

Володарский, Урицкий, Загорский, Бродский...
Мы избавим от них страну.
И поставят мне памятник в Богородске
вместо памятника Ногину...*

Людмила ТУРОВСКАЯ

РОДИНА В СЕРДЦЕ

НОЧЬ В МОСКВЕ

Россия. Ночь. Печальный тихий снег...
И фонари. И новая аптека.
Конец пути. Январь. Начало века.
Безбожный город бодрствует во сне...

Куда ни кинь прямой, пытливый взгляд —
Бездумной жизни яркие картины.
В огнях рекламных — банки, магазины,
Кривые ленты шустрых автострад.

Сбежав от долга, мыслей и забот,
Стяжая кайф заморского формата,

* Автор родился в г. Ногинске Московской обл. Этому городу уже около трехсот лет, и до 1924 года он назывался Богородском. Город был переименован в знак памяти известного революционера В.П. Ногина.

В полночных клубах сытого Арбата
Резвится племя неучей-господ.

Лихая жизнь — гламурное кино...
Над бездной бед — суровых и реальных —
Здесь правды нет. Лишь — морок виртуальный...
Стриптиз. Отели. Бары. Казино.

Скользит сквозь вечность XXI век.
Где отыскать живого человека?
Январский холод. Памятник. Аптека.
Россия. Ночь. Печальный тихий снег...

КРАЖА

У народа украли Мечту.
Вероломно. Чудовищно. Подло.
Налетела бесовская кодла
И швырнула его... В пустоту.

И теперь он, родимый, без рук
К обескровленной тянется цели...
И в холодной больничной постели
Одичалости лечит недуг...

РОССИЙСКИЙ БОМЖ

Был смысл. И преданность. И вера.
Была семья. И теплый дом.
Он был советским пионером,
И вот российским стал бомжом.

К отцу на Волгу мчался в «скором».
Спешил на свой родной завод.
И вот ночует под забором.
И у помойки водку пьет.

Его страшат гнилые ночи,
Пустой не радует рассвет.
Спроси его — чего он хочет?
Мычанье темное — в ответ.

Встает... Как будто бы из гроба.
По-рабы смотрит. И — молчит.

И вновь меж муторных сугробов
Судьбу-злодейку волочит.

Ушел, на землю сплюнув нервно.
Ему — «в печенках» эта жизнь!
Он был советским инженером.
И *твердо* верил в коммунизм.

* * *

Последнее солнце.
Последний песок.
Родные — зеленые — воды...
Корабль наш печален.
А путь наш далек —
К немыслимым землям свободы...

Прощай, Атлантида!
Наш доблестный дом,
Где жили мы дружно и дерзко.
Один остается — летучий фантом,
Сверкающий песнями детства.

Такая планида.
Такие дела...
Колючие, горькие волны!
Не думали, братцы, мы с вами вчера,
Что с жизнью прощаться так больно!

Вот берег исчез.
Не найти и следа...
Торжественно скрылся из вида...
И только большая, глухая вода —
Где прежде цвела Атлантида.

Тоска не отступит,
Не стихнет печаль.
Соленым, им некуда деться.
Уходят атланты в глубинную даль,
Держа свою родину — в сердце!
Держа свою Родину в сердце...

Людмила ЩИПАХИНА

СТОЙКОСТЬ

* * *

Пустынно и страшно в округе.
И гибнет великий народ.
Просите прощенья, ворюги,
За каждый пропавший завод.

Просите прощенья, гады,
За злые соблазны реклам.
За все пестициды и яды,
Которые сыплете нам.

С землей разорвавшие узы,
Растаяв, как зыбкий туман,
Просите прощенья, трусы,
За ваш молчаливый обман.

Льстецы, хитрецы, аферисты,
Держатели банков и банд,
Просите прощенья, артисты,
За проданный вами талант.

Пришедшие к нам ниоткуда,
Дорогу забывшие в Храм,
Просите прощенья, Иуды,
За телеоплаченный срам.

За взрывы, поджоги, снаряды:
За аспидных дней торжество.
Просите... А, впрочем, не надо,
Господь не простит никого.

* * *

На перекрестке узком,
У берега реки,
Дерутся русский — с русским.
Мелькают кулаки.

За морем-океаном
Смеются мудрецы.

Сошлись Иван с Иваном,
Как бешеные псы.

А по телеэкрану
Разносится позор.
Кричит Иван — Ивану:
«Подлец, предатель, вор!»

Страна бедой объята.
Последний луч погас...
Опомнитесь, ребята,
Не зря стравили вас.

И скроют вас бурьяны,
И проклянут века
За то, что вы, Иваны,
Валяли дурака.

ВМЕСТО ЛИСТОВКИ

Нам еще придется лихо!
Не сидеть по избам тихо...
Нам нужны: земля и воля,
И достаток по труду.
Натерпелись мы немало.
Знаем, чье вонзилось жало,
Кто принес на наши судьбы
Нестерпимую беду.
Дети проданной эпохи,
Соберем святые крохи
На алтарь сопротивления
И всеобщего котла.
Дух единый, дух бунтарский
Видит нынешний Пожарский.
И пускай сгорит от гнева
Мразь заморская дотла.
Мы вернем свой мир огромный —
Наши шахты, наши домны.
То, что наше — будет наше,
А не всё наоборот.
Через беды, через грозы
Пусть заря осушит слезы,
И на Тихом океане
Пусть закончится поход.

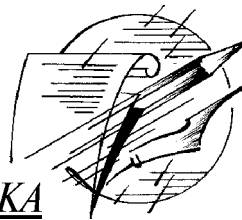
ПРОЕКТ РОССИЯ

***От редакции.** Эта анонимная, но получившая широкий резонанс публицистическая работа представляет интерес подробным анализом самых разных систем власти. Для нас она важна еще одним объяснением и подтверждением преступной природы демократии как таковой. И хотя наш журнал на протяжении всех последних семнадцати лет бесстрашно вскрывал демократические язвы, поразившие современное человечество, будет не лишним еще раз показать гибельность этой системы всеобщего обмана и ограбления.*

Какая форма существования наиболее приемлема для России? Кто должен стоять во главе государства? Что такое национальная элита? Какая власть будет иметь непрекращаемый авторитет для народа и по какому пути страна должна двигаться к своему процветанию? На эти насущные для нас вопросы пытаются ответить неизвестные авторы данной работы, публикуемой нами в сокращении.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА

Религиозный человек воспринимал себя, бесконечный Космос и Высшие силы как единое целое. Он не чувствовал одиночества и страха, потому что не оставался один на один с этими силами. Церковь объединяла индивидов в общество, и люди вместе стояли перед Богом. Религиозный страх имелся, но он не переходил границ, не превращался в фобию. Так было до тех пор, пока протестантизм не назвал Церковь лишним посредником, превратив человека в индивидуалиста, оставив его один на один перед лицом Высшей Силы.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Холодный страх наполнил все существо человека. Ушло ощущение безопасности. Раздавленный величием Бесконечности, человек из богоподобной личности, устраивая свою судьбу, превращается в винтик, от которого ничего не зависит. Казалось, это должно породить апатию, но новое понимание денег дает обратный эффект. Человек, испытывая потребность спрятаться от «лишних» мыслей, с головой погружается в труд ради богатства, что согласуется с протестантской теорией богоизбранности.

Если раньше язычество накладывалось на преклонение перед Природой, то теперь оно совмещается со стремлением покорить Природу. Языческий образ мысли, лишенный своих богов, усиливает прогресс. Христианские ограничения ломаются, возникает потребность обосновать этот слом в теории. Философы Нового времени за несколько последовательных шагов решают поставленную задачу.

Первый шаг: христианство заменяется деизмом — учением об отсутствующем Боге-Творце, создавшем мир и оставившем его на произвол судьбы.

Второй шаг: деизм заменяют пантеизмом, отрицающим Бога как личность и сводящим Его к безличностной природе, Богу-природе.

Третий шаг: пантеизм заменяется атеизмом — отрицанием Бога в принципе. «Сказал безумец в сердце своем *«нет Бога»* (Пс. 13.1). С этого момента человечество берет курс на последний акт трагедии — переход от атеизма к сатанизму. «Золотой телец» признается высшей силой, которая предлагает награду за службу в виде того или иного удовольствия. Наступает культ человеческого разума. Декарт пишет, что может признать существующим только то, в существовании чего не сомневается. То есть область метафизической веры и Откровения отрицается как единственно возможный фундамент, поскольку в существовании Бога можно усомниться. Нельзя усомниться только в существовании нашего Я, ведь само сомнение доказывает существование сомнения, а значит, и сомневающегося. «Сомневаюсь, следовательно, существую», что сегодня известно как «мыслю, следовательно, существую» (cogito ergo sum).

Развитие этой теории приводит к тому, что мир сужается до области, воспринимаемой пятью человеческими чувствами. Все, что наши чувства не могут зафиксировать, объявляется дикостью, пережитком и мракобесием.

Просвещенное человечество уподобляется дикарю, отрицающему радиацию только на том основании, что он ее не видит и не слышит. Земная логика выталкивает христианство из жизни народа. Когда высшим ориентиром становится материальная выгода, логика подсказывает, что, с точки зрения сиюминутной выгоды, грабеж слабых результативнее их защиты. Так вступает в действие знаменитый тезис «человек человеку — волк».

Трудовая одержимость, выполняя роль локомотива, окончательно перетаскивает общество из религиозной эпохи в светскую (тоже, по сути, религиозную, но в «перевернутом» варианте). Меняется мировоззренческая платформа. Вчера человек жил *для Бога*, сегодня стал жить *для себя*. В центре новой социальной модели теперь расположен не Бог, а человек. Рождается лозунг «*Все во имя человека, все для блага человека*». За его внешней привлекательностью прячется другая мысль: «*Все во имя плоти человека*», которая при еще более точном прочтении оказывается «*все для плотских желаний*», где Я умалывается. Душа в нарождающемся новом обществе не принимается в расчет. Культ разума вытесняет из жизни все иррациональное, и начинается эволюция наоборот.

Атеистические ножницы отрезают человека от Бога. Знакомая Вселенная превращается в огромную черную бездну, которую никакой атеизм не в силах ни убрать, ни объять. Став чужой, она давит сильнее, чем прежде. Белый свет сменяется черным космосом. Эти цифры, расстояния, объемы, которых человек не может даже вообразить, разрывают сознание. Без религии космос становится страшным, холодным и непонятным. Человек боится этих мыслей. *Женщины не знают, кого любить, мужчины не знают, чему служить*. Люди прячут внутреннюю растерянность за рутинной ежедневных действий, личными и материальными успехами, смешанными с сиюминутными удовольствиями. Мысли о Вечном потребительским обществом ставятся под запрет. Постепенно человек превращается в вещь, существующую в искусственно созданном мире-механизме и выполняющую функцию большой... или очень большой, или очень маленькой, но всегда шестеренки, для которой вопроса о смысле жизни не существует.

Смена протестантизма атеизмом не изменила главного — человек подсознательно продолжает чувствовать себя ничтожеством, от которого ничего не зависит. Страх перед

холодным и немилосердным протестантским Богом, обрекающим на муки невинных людей, сменяется атеистическим страхом перед гигантской Тайной, постигнуть которую, согласно той же логике, невозможно, потому что конечное не может вместить бесконечное. Атеист может считать себя центром вселенной, но это не меняет сути дела. Отныне космос для него бесконечно гигантский непонятный механизм, на который он никогда не сможет повлиять, потому что конечное не может влиять на бесконечное. Нет ни души, ни духа, только слепая игра стихии, стремящаяся к абсолютному покою — смерти. Атеизм, назвавший человека случайным скоплением молекул, убил последний шанс на гармонию с Космосом. Молчание и бесконечность гигантских пространств подчеркивают ничтожность и бессмысленность человеческого существования. Громкие заявления о покорении природы стихают. Акцент переносится на совершенствование утюгов и телефонов.

Оптимистическая вера атеистов в свои неограниченные возможности разбилась о действительность. Очень скоро выяснилось, что ни человек, ни группа людей не могут противостоять новому божеству по имени Рынок. Если члены нового общества нарушат закон Рынка, они упадут. Миллионы таких же даже не перешагнут их. По закону Рынка упавших просто затопчут. И это страшно, потому что это не по-человечески. Здесь предчувствие ада.

Человек, чтобы не быть раздавленным, вынужден выполнять законы Рынка так же тщательно, как некогда выполнял законы Бога. Величие Рынка стало настолько огромно, что люди лишились уверенности в себе. Все признали, что никто на планете не в состоянии управлять поведением Рынка. Протестантизм, упразднив священство и оставив человека один на один с Богом, сменился атеизмом, поставившим человека лицом к лицу с Рынком. Поменялось божество, но суть осталась той же — абсолютная зависимость от непонятной могущественной силы, перед которой человек вынужден преклоняться. Разница только в том, что одна сила требовала быть человеком, а вторая — животным. Рынок заставил человека искать в экономике ответы на все вопросы точно так же, как недавно человек искал ответы в Откровении.

Рождающаяся цивилизация, несмотря на преемственность мировоззрения древних, была принципиально новой. Рим и Греция, как бы логичны они ни были, возво-

дили нерациональные, с точки зрения логики, храмы целому пантеону богов, в том числе и алтарь неведомому Богу. Светская цивилизация ничего, кроме храмов Рынку, не возводила. Банки, торговые центры, супермаркеты и биржи изначально были не просто зданиями. Они являлись культовыми сооружениями, храмами, призванными своим величием подавить и ослепить индивида.

Разрушение христианской морали шло такими темпами, что обществу грозил хаос. И тогда отцы-основатели озадачиваются созданием нового фундамента. Они берут что-то от протестантизма, что-то от язычества, что-то от философии древних, в частности Протагора (человек есть мера всех вещей), смешивают все это с атеизмом, и из такой гремучей смеси рожают парадоксальную теорию гуманизма. Провозглашаются различные права и свободы, изначально предназначенные не для всех, а только для «первосортных» за счет эксплуатации «низкосортных», на которых блага гуманизма не распространяются.

«Белая и пушистая» теория гуманизма, со всеми его правами и равенствами, на практике представляет обман чистейшей воды. Дело не столько в расистских амбициях, сколько в элементарных расчетах. Уровень жизни, на который претендует западноевропейец, даже теоретически нельзя обеспечить остальному населению планеты. Ресурса не хватит, чтобы всем шести миллиардам дать западный уровень жизни. Население США, составляющее около 5% населения планеты, потребляет 40% земных ресурсов. Если такой уровень потребления обеспечить еще 5%, это составит 80% ресурсов. А если еще 2,5%, то ресурсы окажутся использованными на 100%. Принимая в расчет, что рыночная экономика призвана обеспечить высокий уровень потребления, не надо забывать, что и существовать она может только при неуклонном росте потребления, иначе умрет. С учетом этого обстоятельства картина становится вовсе безрадостная. Но даже если цифра в 12,5% не будет расти, что делать оставшимся 87,5%? Жить на марсианские ресурсы? Если все жители планеты, обработанные пропагандой либеральной демократии, устремятся к жизни на уровне западных стандартов, они должны будут эксплуатировать планету и себе подобных западными темпами. Но такое даже теоретически невозможно, что показано выше. И в США это прекрасно понимают. Мы тоже должны наконец-то понять,

что вся эта либеральная теория предназначена исключительно для создания условий, благоприятствующих ограблению других народов и стран. Далее мы скажем, как Англия ловко распространяла теорию Адама Смита, сама пользуясь принципами, противоположными этой теории (протекционизм). К сегодняшнему дню эти теории окрепли, усовершенствовались и представляют огромную опасность для всего человечества.

Вот вам и весь гуманизм, лукавое учение, родившееся из протестантизма. Красивые слова про свободу и равенство изначально предполагали неравенство, разделяя людей на избранных и отверженных, потому что сделать всех избранными невозможно даже в теории.

Сегодня теория гуманизма ведет мир к катастрофе. Если ничего не делать, будет много крови. Если пытаться выйти из-под ее давления, без крови тоже не обойтись. В любом случае будет кровавый вариант. Сегодня пять миллиардов людей оказались просто лишними. Они не нужны даже в качестве рабов, потому что в век технического прогресса столько «обслуги» не требуется. Пока же подчеркнем, что ситуация носит чисто сатанинский характер. Князь мира сего входит в каждый дом, и люди принимают его. Далее брат встанет на брата, отец на сына.

Сегодня развернута активная кампания по окончательному решению проблемы «лишних людей». Имеются научные технологии «гуманного» уничтожения людей. Достигается это посредством блокирования жизненно важных узлов, в частности, морали и т.п. Сегодня в общество внедряются модели поведения, активизирующие механизм самоуничтожения. Потребительская культура только внешне кажется беззаботной и веселой. За блестящим фасадом идут страшные процессы. Большинство просто не видит, как сжимается гигантская пружина. Всему есть предел, скоро процесс пойдет в обратную сторону. Пружина разожмется. В первую очередь достанется тем, кто сегодня уверен, что все, о чем здесь пишется, не его ума дело. Тем, кто думает, что жизнь можно прожить словно кактус, просто наслаждаясь солнышком, ни о чем таком не размышляя, достанется больше всего.

Сейчас многие очевидные факты «замыливаются», но гуманисты иллюзий по поводу равенства как не имели, так и не имеют. Раньше они в один и тот же год со спокойной совестью принимали Билль о правах человека и

правила торговли рабами. Потому что рабы гражданами не являлись.

В скобках заметим, что в своем логическом развитии теория гуманизма привела к фашизму. Европейское общество осудило Гитлера не за то, что он делал, а за то, что он говорил. Европейцы веками эксплуатировали индусов и негров, но называли это просветительской миссией и освобождением угнетенных. Гитлер хотел заняться тем же самым, и если бы обставил свое желание красивыми словами, его причислили бы к великим завоевателям и просветителям. Но он обозначил свои намерения открытым текстом, и «просвещенные» его осудили.

В октябре 1943 года Гиммлер заявил в Позене группе высокопоставленных эсэсовцев: *«Наш моральный долг перед народом — уничтожить людей, которые жаждали уничтожить нас. Большинство из вас знают, что означает видеть груды из ста трупов, или пятисот, или тысячи. Пройти через все это и все-таки — за несколькими исключениями — остаться порядочными людьми — вот что закалило нас. Это славная страница нашей истории, которая никогда не была и не будет написана другими. Глядя на трупы евреев, начинаешь осознавать величие нашей благородной работы»*. Эти программные слова свидетельствуют о феномене Запада, породившем в середине XX века в центре цивилизованной Европы огромное количество зверей в человеческом обличье. За мгновенный по меркам истории срок мирные бюргеры стали лютыми волками. На ровном месте подобные вещи не случаются, у каждой такой истории есть свои предпосылки. Предпосылкой фашизма стали четыре века «просвещения», когда африканцы, индейцы и прочие люди, отличные от европейцев, были причислены ко второму (третьему) сорту. Сотни миллионов «низкосортных» были замучены на каторжных работах, выковыывая благополучие Запада. Единственная их вина в том, что они были иные и слабее.

Когда-то давно, в IV веке до Рождества Христова, предок французов, кельтский вождь Бренна опустошил Италию и разрушил Рим. Непобедимых римлян заставил платить дань. Когда они взвешивали золото, полагающееся в уплату, Бренна кинул в чашу с гирями свой огромный меч. В ответ на протесты римлян он произнес: «Горе побежденным!» (Vat victis). Сегодня народы Европы, России, Азии и т.д. побеждают сами себя. Горе побежденным!

На костях слабых рождается теория гражданского общества и конкуренции. Суть ее в том, что экономически успешная часть общества спланируется в отдельный класс граждан, в гражданское общество, цель которого — защищаться от ограбленных. Государственная машина начинает видеть свою функцию в подавлении слабых. Разделение происходит по экономическому признаку. Если христианская теория естественным состоянием общества объявляет любовь, то новая теория объявляет естественным состоянием *войну всех против всех* (конкуренция). Члены одного общества должны воевать друг с другом точно так же, как раньше воевали с врагами. Сильный должен строить свое благо на беде слабого. Или ешь ты, или едят тебя. Разница лишь в том, что новая форма людоедства должна быть цивилизованной, в рамках закона, определенного государством. Убивать можно, но по закону. Убей конкурента, разори его, раздави, но по закону, и гражданское общество тебя возвысит. Гражданское правительство понимало главной задачей закона охрану конкуренции. По определению основателя политэкономии Адама Смита, такое государство *«неизбежно становится защитой богатых против бедных»*.

С тех пор положение усугубилось еще больше. Если раньше благословлялось стяжательство только за счет «низкосортных», теперь благословляется любое стяжательство. Чтобы удержаться в касте избранных, уже недостаточно быть просто своим, «первосортным». Расслабишься, тебя съедят твои же «первосортные» друзья. Чтобы этого не произошло, требуется никому не верить, не иметь никаких принципов и всю жизнь служить одному богу — деньгам. Именно служить, потому что в определенный момент деньги перестают влиять на благосостояние. Уровень жизни очень богатых людей не зависит от того, продолжают они работать или нет. Но они работают, потому что если остановятся, то не просто выпадут из элиты, а будут уничтожены. Своими же.

Львиная доля людского общения начинает строиться вокруг прибыли. Если от общения с вами нет прибыли, оно воспринимается как бессмысленное. Нравственно только то, что прибыльно. Умно только то, что прибыльно. Если ты умный, приведи доказательство, покажи деньги. Эти «истины» вдалбливаются в кровь и плоть нового общества. Ничего личного, ничего святого, только бизнес — лозунг финансовой элиты.

Кстати, финансовая элита служит именно деньгам. Отдавая им все свое время и силы, она ничего не получает взамен. Реального увеличения благ не происходит, меняются только виртуальные цифры. Учитывая, что финансовый успех обратно пропорционален наличию морали, элита гражданского общества формируется из самых внеморальных людей (это термин финансиста-миллиардера Сороса, предложившего вывести бизнес за скобки морали, то есть узаконить его аморальность). Аналогичные высказывания есть и у других миллиардеров. Трамп во всеуслышание заявляет, что христианские принципы несовместимы с бизнесом. И богатеет. *«Они считают жизнь нашу забавою и житие прибыльною торговлею, ибо говорят, что должно же откуда-либо извлекать прибыль, хотя бы и из зла»* (Прем. 15:12).

Для оправдания социального расслоения рождается теория социал-дарвинизма. Теперь общество объявляется не единой семьей, где сильные заботятся о слабых, а джунглями, где выживает сильнейший и *«горе побежденным»*. Принцип, по которому строились отношения между государствами (конкуренция, завоевание) никогда не переносился на отношения между личностями внутри государства. Впервые такие отношения начинают культивироваться в новом типе общества, называющего себя, словно в насмешку над здравым смыслом, гуманным. Человек объявляется животным, находящимся на более высокой стадии развития относительно других животных. Высокоразвитые животные подразделяются по тому же принципу, что и обычные, — по породе. Если раньше аристократизм понимался как свойство духа, то теперь аристократов начинают определять породой, как лошадей. Верхушка, «отрезанная» от народа, утратившая веру, опускается на уровень обывательских стремлений. Начинается процесс гниения. И снова как по писаному в Библии: *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет»* (Мф. 12:25).

Во всем мире работает гигантская мозгопромывочная машина, оглупляющая людей до предела. Пропаганда активно убеждает широкие массы, что все происходящее есть естественный ход и порядок вещей, который надо терпеть, потому что он естественный. Масса, понимая жизнь как единственную возможность получить удовольствие, хочет получить его быстрее. Рождается массовая

преступность. Никакие полицейские меры не в силах остановить ее рост, потому что исчезает главный полицейский — религия, будившая совесть в каждом человеке.

Западное общество попало под власть закона, выведенного не из Откровения, а из той самой логики, посредством которой можно доказать, что черное это белое. Если у древних над законом стояла сила, осуществлявшая над обществом человеческую власть, то с началом описанных процессов верховная власть теряет свою человеческую составляющую, свой авторитет. Разрушенная теорией Монтескье на три части, исполнительную, законодательную и судебную, власть переходит из рук человека в руки закона. Миром правит новый правитель. Закон. Звонкая фраза «власть закона» на практике означает власть юристов. В конечном итоге власть узурпирует тот, кто платит юристам, то есть капитал. Последствия власти капитала ужасны, что понимают практически все крупные мыслители. Критика Запада родилась не в Китае и не в Африке, а на Западе. Э. Хантингтон, философ и политик, в «Столкновении цивилизаций» прямо пишет: *«Запад — единственная из цивилизаций, которая оказала... разрушающий эффект на все остальные цивилизации...»*

НОВАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА

Религиозная страсть к богатству, скромность и строгие моральные правила плюс рабы в лице «отверженных» и «человекообразных», все это стимулирует экономику, и, в свою очередь, приводит к тому, что протестантская модель экономического развития государства явила миру превосходящую военную силу. Все монархи поставлены Историей перед выбором: или вас завоюют экономически развитые соседи, или развивайте госхозяйство и содержите соответствующую армию, что возможно только через отказ от религии — главного препятствия на пути развития экономики. В противном случае оккупация сильными соседями обеспечена. Выбирайте: или оккупация или разрушение религии — фундамента монархии. Оба варианта одинаково смертельны.

Религия — единственное оправдание власти монарха — позиционирует его власть как власть от Бога. Если общество утрачивает веру, монарх в глазах народной массы превращается в диктатора, насильника и обманщика, а монархии — в тиранию, самую неустойчивую социальную

конструкцию из всех возможных, обреченную рухнуть в силу естественных противоречий.

Мир делится на два типа общества. Один тип рушит свои традиции и веру, получая взамен экономическую и военную мощь. Другой тип сохраняет веру и традицию, за что лишается светской мощи. Этот мир делится между западными странами. Образовываются две системы жизни. Великая река человечества разделяется на два потока, текущих каждый в своем направлении.

Европейские монархи первыми сочли меньшим злом утрату религии. Вера была принесена в жертву прогрессу. Взамен получена военная мощь. Мир оказался во власти Европы. Страны, сохранившие свою веру, культуру и традиции, попали в зависимость. Запад на длительное время становится «князем мира». Здесь прослеживается древний сюжет: продай душу и получи мир.

Новая реальность порождает вопрос: на каком основании монархи являются правителями, если Бога нет? Получалось, они узурпировали власть. Осознание, что живешь под властью насильника, рождает соответствующие тенденции. Возникает новое мировоззрение, которое начинает борьбу за справедливость, понимаемую в логике атеизма.

Ни одна монархия не могла противостоять этой тенденции. По всему миру прокатилась волна революций против самодержавия. Под высокими словами о борьбе за свободу и права одним королям рубят головы, других монархов лишают власти, превращая в своеобразную историческую достопримечательность.

Когда История поставила вопрос ребром — либо мощь, либо вера, — все традиционные цивилизации или изменили форму государственности, или сошли с мировой арены. Исключений оказалось два: Израиль, не имевший на этот момент своей территории вообще, и Россия, обладавшая самой большой территорией в мире.

В новом мире возникает новый вопрос: откуда должна браться власть? Все прекрасно понимают, что теория анархизма, отрицавшая власть, равно как и утопии Кампанеллы, Мора и их последователей, на практике невозможны, потому что ведут к ослаблению конструкции в целом. Общество нуждается в легитимной власти, связывающей его в единый организм. Но откуда она возьмется в новых условиях? Чем новые правители оправдывают свое

право на власть? Вопрос серьезный. Если раньше власть производилась от Бога и оправдывалась Богом, то есть монарх считался представителем Бога на земле, то в атеистическом обществе такое объяснение было неприемлемым. Диктатура, то есть власть насильника над жертвой, тоже не годилась. В атеистическом обществе диктатура становится особенно неустойчивой. Если раньше новоиспеченная диктатура в поисках оправдания обретенной власти стремилась превратиться в монархию, то в атеистическом обществе подобное превращение оказывалось невозможным. Потому что Бога нет и все можно.

В лучшем случае агония конструкции начнется со смертью диктатора, в худшем — во время его правления. Ничего не оставалось, как позаимствовать у древних институт демократии. Согласно этим догматам, источником власти должен быть непосредственно народ. Он же является ее оправданием и основанием.

Отцы-основатели либеральной демократии стремились создать идеальное общество. Они учли, насколько возможно, все слабые места прошлых демократий. В частности, реализовали теорию разделения властей, чтобы рассредоточить власть и избежать ее узурпации. Далее, ограничили срок правления выборной власти, потому что бессрочное правление автоматически ведет к диктатуре. Чтобы предусмотреть и нейтрализовать все опасности, целая плеяда умнейших людей честно трудилась над теорией либеральной демократии.

И все же творцы новой государственной конструкции не смогли преодолеть главного препятствия. Краеугольным камнем всякой демократии являются выборы. Народ должен выбирать власть. Сознательно выбирать, а не угадывать или выполнять чужую волю. Выбирать — значит, из множества определять лучшее. Демократия из красивой теории могла стать реальностью только при условии, что народ *делает осознанный выбор*. И вот на этом, казалось бы, понятном и простом пункте демократы свернули себе шею. Чтобы четко понять, почему это произошло и почему не могло быть иначе, рассмотрим современную теорию демократии.

В демократической теории утверждается, что власть не захватывается силой. И не дается от Бога. Власть выбирается самим народом. Народ, понимаемый как источник и оправдание власти, выбирает самых достойных, которым

доверяет власть. Чтобы демократия не переросла в диктатуру, власть доверяется на фиксированное время, по истечении которого передается следующему избраннику. Если избранник не справляется, народ избирает другого. В этом суть демократии.

На первый взгляд все разумно. Но есть одно большое «НО». Дело в том, что для совершения сознательного выбора нужны знания. Не шапочные и частичные, а глубокие знания. Призыв «выбирать сердцем» свидетельствует о том, что организаторы выборов признают отсутствие знаний у народа. Без знаний выбор невозможен. Вы не выберете лекарство, если не имеете соответствующих знаний. По красоте упаковки выбор невозможен, потому что это будет выбор упаковки, а не лекарства. Так же невозможно «сердцем» определить лучший научный труд из двух представленных, если нет соответствующих знаний. Если каким-то образом человека, не имеющего соответствующих знаний, побудить к выбору, он будет выбирать не труд, а обложку; не лекарство, а упаковку. Солдаты не могут выбирать военачальников именно из-за нехватки знаний. Если устроить всеобщие выборы, к власти придут краснобаи, умеющие манипулировать солдатскими желаниями.

Опыт истории подтверждает, что в крупных коллективах демократия в принципе невозможна. Несоответствие между демократией в теории и демократией на практике замечено давно. По этому поводу написаны тысячи книг, не известных досужей публике (избирателям). Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» пишет, что для больших государств единственной формой правления может быть только монархия.

Круг замкнулся: *у народа нет знаний; без знаний нет выбора; без выбора нет демократии.* Во Франции, России или США нет никакой демократии. Миф о демократических выборах в этих странах — сознательная ложь. Вы вольны выбирать, какой рукой стрелять, правой или левой, а вот куда стрелять, определяете не вы, и даже не президент. Все определяет система. Кандидаты всех партий ничем не отличаются друг от друга. Все отличия, во-первых, второстепенны, а во-вторых, смехотворны. Одни заявляют, что понизят налоги на 0,5%, а вторые обещают сделать то же самое на 0,4%. Если вы назовете это выбором, можно завидовать силе вашего воображения.

Превышение критической массы общества трансформирует демократические принципы в принципиально иную систему, не имеющую ничего общего с демократической теорией. Власть, доступная для всех, привлекает самые разные силы. И капитал в первую очередь, потому что власть — кратчайший путь к прибыли. Чтобы ее получить, нужно соблазнить как можно больше избирателей. Поскольку кампания соблазнения требует больших средств, борьба за власть возможна исключительно между представителями капитала.

Попытка разорвать заколдованный круг через систему выбора выборщиков (то есть сначала народ выбирает самых достойных, а они, в свою очередь, выбирают власть) тоже ни к чему не привела. На практике все свелось к возникновению группировок и их борьбе за кормушку, портфели и прочие лакомства власти.

Мыслители эпохи Просвещения искали выход, но, увы, не нашли. Отцы-основатели надеялись обойти эту ловушку посредством образования, полагая, что если народу дать знания, он сможет сам, без манипулирования, выбрать лучших. Прошли века, но мир ни на йоту не приблизился к осуществлению этой мечты. Практика показала: дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Во-первых, не все одинаково способны к обучению. Во-вторых, невозможно всех посадить за учебную скамью. В-третьих, многие просто не захотят учиться. В-четвертых, помимо теоретических знаний нужны практические. Сложно даже представить, как народ может получить такую практику. Тем более что многие из этих знаний составляют государственную тайну. Людей можно научить считать-писать, научить химии и земледелию, медицине и строительству, музыке и спорту. Но невежество в том смысле, в каком оно здесь понимается, эти знания не устранят. Образованные точно так же идут «выбирать», как и необразованные, даже не задумываясь, что они выбирают. Следовательно, образование проблемы не снимает и в этом смысле ничего не дает. Но если даже допустить фантастическое, допустить, что всему народу каким-то чудом дали знания, это ничего не изменит. Выбор все равно невозможен. Каждый будет трактовать ситуацию с личных позиций, на его выбор будут влиять тысячи обстоятельств, не имеющих к выбору власти никакого отношения.

Демократия оказалась ловушкой, а демократы превра-

тились в демагогов, спекулирующих на эмоциях и непонимании простых людей. Прекрасно сознавая, что никакого выбора люди сделать не могут, они все равно побуждают их выбирать. Немногие демократы, которых можно назвать честными, по сути *«слепые вожди слепых... а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»* (Мф. 15:14). Другие — или просто неумные, или умные, но ни разу в жизни не задумывавшиеся над основами демократии, принимая ее основные постулаты на веру. Кормятся от «священной коровы» демократии, как правило, циничные жулики-простолюдины, не способные верить ни во что, кроме денег.

Проблема налицо, и никем не отрицается. Но вместо ее решения начинается приспособление под проблему. Оперируя привитыми шаблонами, демократы упорно твердят, что все беды из-за плохих «деталей» государственного механизма, то есть из-за плохих чиновников и казнокрадов. Если плохих чиновников поменять на хороших, ситуация исправится. Народ с радостью подхватывает эти «ценные советы» и вновь идет выбирать «честных». Но с каждым выбором ситуация не только не улучшается, а, напротив, ухудшается. После каждого выбора растут коррупция, безнравственность. На государственные учреждения впору вешать прејскурант на взятки. Но люди так тотально поглупели, что не могут связать зависимость выборов и своих несчастий в одну цепочку и сделать выводы.

У простых людей создается впечатление, что плохие кандидаты не дают выбраться хорошим. Лидеры всех партий заявляют: мол, народ потому живет плохо, что выборы нечестные. В итоге интеллектуальная и эмоциональная энергия народа направляется по ложному пути. Охота на ведьм отвлекает внимание от принципиального порока демократической конструкции. Никто не хочет замечать, что реальные выборы невозможны в больших коллективах.

Самая большая ошибка в том, что люди видят главное зло не в системе, генерирующей жуликов и казнокрадов, а в самих жуликах и казнокрадах, то есть в продуктах системы. Мало кто способен задуматься, что это творения системы. Если убрать одних казнокрадов, система породит других, точно таких же. Если конструкция дефектна по сути, бессмысленно менять детали. Даже если

все детали ущербной системы заменить золотыми, механизм все равно работать не будет.

Люди словно ослепли. Никто не видит, что во всех демократиях проблемы похожи друг на друга, как близнецы. Во всех «свободных» странах падают рождаемость и нравственность, растет смертность, наркомания и прочие пороки. Очевидно, что причину надо искать не в качестве чиновников, а в качестве конструкции, но люди, как заколдованные, ходят по кругу пустых лозунгов. Обществу положили под компас топор, и теперь оно плывет в опасном направлении. Подняться на высоту, с которой можно оценить верность направления, могут единицы. Основная масса не может задаться такими вопросами. Простые люди стремятся к счастью в заданных рамках. В основе их основных желаний всегда будет лежать стремление встроиться в систему. Простой человек не может задаться вопросом, чему его ребенка учит школа. Своим родительским долгом он считает понуждение ребенка хорошо учиться, то есть полностью доверяет системе, будучи уверенным, что школа научит ребенка хорошему, то есть принесет ему благо. Преподаватели, простые люди, тоже не могут оценить систему. Они просто следуют ее предписаниям. Полная незащитность народа против системы очевидна. Какой бы плохой школа ни была, мамы и папы будут заставлять детей получать хорошие оценки за учебу. Что в итоге делает из ребенка школа, они не понимают, и понимать не могут. Потому что относительно такого масштаба — сами дети.

Сами себе люди никогда не задают рамок. Их задает или религия, или рынок. За сохранностью рамок следит Отец или Рынок. Когда Отца нет, Рынок высвобождает страсти, и они, ничем не ограниченные, начинают разрушительную работу. Самых умных и энергичных Рынок превращает в паразитов (да-да, именно превращает, то есть в этом виновата система, а не люди).

СУТЬ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ

Что представляет собой система, замаскированная либеральной риторикой? На каких реальных, а не декларируемых принципах она основана? Чтобы ответить на вопрос, нужно освободиться от словесных нагромождений, которыми демократия облеплена, словно театральная тумба афишами. Сорвите с нее яркие плакаты, и вам откро-

ется неприглядная истина. Вы увидите, что «избиратели» играют роль китайских болванчиков, которых надо ткнуть пальцем, чтобы они дружно закивали в нужную сторону, выполняя чужую волю. На сегодня **выборы власти по факту являются выборами рекламных роликов**. *«Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху»* (2 Тим. 4:3).

Традиционная власть управляет народом через принуждение и убеждение. Власть, именующая себя демократической — через манипуляцию сознанием и соблазнение. Чтобы понять, что такое манипуляция, скажем о ней пару слов. Политическая манипуляция — это когда под видом демократии (власти народа) народ грабят. Психическое воздействие производится втайне от жертвы. Цели манипулятора скрыты, потому что результат, которого он добивается, не бывает полезен жертве, а предполагаемый ущерб всегда скрывается. Факт манипуляции не должен быть замечен объектом манипуляции. Когда попытка манипуляции открывается, и разоблачение становится вероятным, акция обычно свертывается. Иначе обнаруженная попытка наносит манипулятору значительный ущерб. Разоблачение самого факта манипуляции не должно вести к выяснению дальних намерений. Для этого внимание почтенной публики переключают на какое-то яркое событие. Простейшим примером успешной манипуляции служит реклама. Соблазняя на все лады, она побуждает вас расстаться с деньгами.

Технологии, обеспечивающие манипуляцию, эффективно работают, когда народные массы приведены в аморфное и беспринципное состояние. Демократические правительства вынуждены формировать людям потребительское и эгоистичное сознание, чтобы поддерживать систему манипуляций. Власть в таком обществе получает не тот, кому Бог дал ум понимать ситуацию, и сердце, способное любить весь народ, а тот, кто организовал наиболее яркое, интересное и соблазнительное шоу. При демократии никто из соискателей власти не стремится обратить свой электорат «в свою веру», потому что нет у них никакой веры. Потому что они сами такие же инструменты в игре, масштаб которой лежит за рамками их восприятия. Все эти кандидаты, как дети, повторяющие «волшебные слова» про свободомыслие, не понимают, что это не более чем поза, фраза. В действительности мысль,

свободная от принципов и четких ориентиров, всегда есть инструмент в чужих руках, работающий против общества. Цели всех людей, именуемых сегодня политиками, лежат в той же плоскости, что у самого примитивного обывателя. Они стремятся во власть исключительно потому, что видят в ней средство достижения своих целей. Красивые слова, на которые они так щедры во время выборных кампаний, — всего-навсего ширма. На практике демократия сводится к борьбе финансовых группировок за власть. Остальное — риторика, призванная дурачить обывателей. Побеждает тот, чьи обещания выглядят правдоподобнее и естественнее. Чтобы победить в такого рода соревновании, надо, во-первых, иметь финансовый и административный ресурсы, а во-вторых, исходить не из реальных возможностей, а из желаний народа. Раз народ хочет всего и сразу, значит, победит тот, кто сможет внушить народу, что он даст ему все и сразу. Разумеется, ни о каком выполнении предвыборных обещаний априори не может быть и речи. Народ здесь выступает в качестве бесплатной массовки, призванной придать захвату власти видимость законности.

Современные кандидаты удивительно похожи на ловеласа, соблазняющего девушку, который обещает жениться, изначально и не помышляя о свадьбе. Ну а второй раз, как известно, проще соблазнить, терять-то нечего.

Соискатели власти, подстраиваясь под массу, погрузились в махровый популизм, грабя народ от имени народа. На практике вместо демократии получилась крайне хрупкая система, живущая исключительно за счет гигантского военного превосходства. Сегодня, когда военный паритет начинает восстанавливаться за счет прогресса и удешевления технологий. Западу, чтобы выдержать натиск традиционных цивилизаций, потребуется восстановить утраченные ребра жесткости, коими являются религия и традиция. Для этого атомизированную массу эгоистов надо снова превратить в членов общества, — единый народ. Необходимо остановить падение нравственности, возродить понятие чести, преодолеть эгоизм и равнодушие. Достичь такого результата возможно только через возврат религии в качестве главного ориентира.

Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» пишет, что демократия возможна в обществе, состоящем из богов. Обратите внимание, даже не из святых, а именно из богов.

Но человечеству до состояния святости далеко. Помимо святости требуется еще способность выбирать власть. Не гадать или выполнять чужую волю, а именно выбирать.

На практике демократия превратилась в фарс и утопию. Иллюзия растаяла в реальности, как снежная баба весной. Столкнувшись с невозможностью построить свободное общество, о котором грезили отцы-основатели, демократы стали создавать общество иллюзии. Ради этого пожертвовали религией, традицией и культурой. Это позволило сохранить видимость демократии и контроль над массой. Правительства всех демократий обречены идти популистским путем, подстраиваясь под уровень обывательского понимания. Чтобы находить такой уровень управления достаточным, нужно самому быть обывателем, испытывающим состояние счастья не оттого, что заботишься о своем народе, а от возможности решать за его счет свои ничтожные проблемы.

ЧУДОВИЩА

В ключевые точки западного общества буквально заколочены гвозди. В одну руку вбит Рынок. В другую руку — временная власть. Одна нога прибита Атеизмом. Другая нога пригвождена Похотями. Свободное действие при таких условиях невозможно. Если бы власть была постоянной, имелась бы теоретическая возможность вернуться *«на круги своя»*. Но при системе, провозглашающей постоянную смену власти обязательным условием, власть всегда будет принадлежать Рынку.

Если каждые четыре дня менять хозяина машины, фабрики или кафе, ни от автомобиля, ни от фабрики, ни от кафе ничего не останется. Чтобы воспитать человека, нужно минимум 20 лет. Воспитание урывками будет означать отсутствие воспитания.

Проводя параллели и соблюдая пропорции, мы видим, что для любой страны четыре года — то же самое, что для кафе четыре дня. Воспитание человека, равно как и воспитание народа, это почти поколение. В мире нет ни одного примера успешного ведения хозяйства без хозяина, воспитания без воспитателя. США просуществовали более двух веков только потому, что никогда не имели той демократии, о которой говорят. У них всегда была постоянная власть. Менялась только крошечная верхушка айсберга. Подводная часть оставалась неизменной.

Наша планета уподобилась кораблю, сбившемуся с курса и с увеличивающейся пробоиной в днище. Если так пойдет дальше, самые глобальные катастрофы покажутся человечеству детским лепетом перед надвигающейся проблемой. Власть временщиков выполняет функцию раковой опухоли. Однажды опухоль убьет донора. Но самое страшное то, что никому до этого нет дела. И в первую очередь так называемым публичным политикам, забывшим все каналы власти точно так же, как черви забивают больной организм.

Ситуация объясняется временным характером власти. При демократии власть прежде всего стремится сохранить не общество, а себя. Охватывать масштаб происходящих процессов при демократии всегда некогда и некому. Так как сохранение власти на практике означает манипуляцию сознанием, демократии всего мира не занимаются ничем иным, кроме как манипуляцией. Все светские правительства представляют собой запутавшихся и ничего не понимающих людей. Только так можно объяснить, почему правители позволяют «свободным» СМИ крошить сознание их народа в муку. Они купились на красивые слова про «свободу и равенство», и в итоге ослепли. Превратились из власти в администраторов процесса, сути которого не понимают и не желают понимать.

На смену железным цепям пришли кандалы сознания. Новая разновидность тоталитаризма превращает современных людей в загипнотизированных рабов. Разорвать такие цепи самостоятельно народ не может даже теоретически. Но он может равняться на потенциальную элиту, которая поступает сообразно высоким целям и тем самым заслуживает народное доверие.

В демократии изначально заложено два механизма самоуничтожения. Первый — во власть приходят не ради устройства блага общества, а ради возможности это самое общество грабить. Второй — фиксированный срок правления возводит человеческий эгоизм в квадрат. Система культивирует беспощадного хищника-эгоиста, методично уничтожающего жизненно важные узлы общества. Кажется, нелогично ради сиюминутного удовольствия уничтожать ключевые узлы корабельного механизма, если сам плывешь на этом корабле, но в действиях раковых клеток не следует искать логики. Пожирая систему жизнеобеспечения, они не думают о смысле своих действий. Чтобы заглянуть в будущее и увидеть, к чему

все идет, нужно думать в масштабе планеты. На это способно очень ограниченное число людей, которых демократическая система не культивирует, а уничтожает или понуждает работать на усиление процесса разрушения, что возможно при условии тотального непонимания ситуации. Улучшить демократию нельзя в принципе.

КУЛЬТ ГЛУПОСТИ

Непонимание ситуации ускоряет разрушение. Легче утопить корабль, когда не знаешь, что на нем дети. Знание реальной ситуации отрезвило бы многих, но знания нет. Судя по слаженности и последовательности действий, можно заключить, что есть силы, прекрасно понимающие характер происходящего. Указанные процессы набирают обороты, но во Франции, Испании, России и других странах никто им не противится. Корни бездействия правительств всех стран кроются в непонимании. Корни античеловеческих процессов — в метафизике. Нельзя осмыслить метафизические процессы через сиюминутное материальное мышление. Формально миром правят люди со спящим разумом. Реально над процессами стоят совсем другие силы. И они античеловеческие.

Демократия на практике превращается в большее зло даже по сравнению с фашизмом. Ее особая опасность в том, что страшный хищник носит добрую личину. Честных борцов за демократию оправдывает их неведение, *«ибо не ведают, что творят»*. Они упорно закрывают глаза на действительность, существуя как во сне. Фашизм хотя бы открыто заявлял о своих намерениях, и у людей была возможность защищаться. Демократия скрывает свою сущность за нагромождением красивых и пустых слов с оттенком научности. Демократия не говорит открыто: *«Или ешь ты, или едят тебя»*, не говорит: *«Грабь слабого!»* Вместо этого она вещает о равных правах и о конкуренции. Демократия не говорит в лоб, что *«человек человеку волк»*, она говорит о неотъемлемых правах личности. Не откровенничает о запланированном растлении молодежи, как о средстве снижения рождаемости в рамках борьбы с перенаселением. Вместо этого ратует за сексуальную грамотность и права ребенка. Демократия — это самый настоящий волк в овечьей шкуре, питающийся беззащитными младенцами.

Догматы демократии, оправдывающие и легализующие социальный каннибализм, открыто осуждались многими

западными учеными. Но оглушенная широкая масса предпочитает получать информацию из клипов и лозунгов, специально созданных, чтобы вложить в сознание не истинные, а ложные установки, провоцирующие животный тип поведения. Труды ученых масса не читает и читать не будет. Честные люди, кричащие об опасности, по факту доносят свои мысли только до тех, кто и так все знает. Чтобы донести эти мысли до широких масс, нужно не книги писать, а обращаться к иному, более доступному способу подачи мысли. Массе нужны сериалы, шоу, мультипликация, но никак не книги. Но до тех пор, пока фабрики по производству этой продукции находятся в руках Рынка, они будут начинать сознание античеловеческой начинкой.

В атмосфере царит ЗЛО. И виноваты в этом не люди. Человек подобен бутылке, он носит в себе то, что в него «налили». Никто не в состоянии противостоять профессионально организованному напору. Большинство интуитивно чувствует зло, но не осмысливает ситуацию. Демократия прячется от серьезных вопросов за социальным наркотиком — массовой культурой. Оболваненной массе все кажется понятным и приятным. Если воздействие наркотика остановить, обнажится страшная реальность. И демократия тут же рухнет. Чтобы этого не произошло, шумовой поток ни на минуту не оставляет человека. Реклама, эстрада и телевидение внедряют в наше подсознание бесконечные бренды и слоганы, несущие определенную установку. Они сопровождают нас везде, спрятаться от них невозможно. Ненавязчиво, но круглосуточно, масскультура держит людей в состоянии прострации. Всегда, как минимум, слышна незатейливая мелодия, а перед глазами маячит реклама. Информации, рассчитанной на сознательное восприятие, там нуль, все бьет на подсознание, на активацию и поддержание животного начала. Любопытно отметить, что Гитлер предписывал создание именно такой ситуации на оккупированных территориях. Он писал: *«Рабы рейха должны быть лишены всякого образования и высокого искусства. С них достаточно знать алфавит, чтобы читать наши указы, простенькой мелодии и удовлетворения физиологических потребностей»*. Сегодня мы видим, что все мечты самого кровавого тирана сбылись в полном объеме. Самое опасное и неприятное здесь то, что мы сами оплачиваем свое оболванивание, покупая музыкальный диск или билет на фильм. Нам кажется, что никто не заставляет нас включать ту или иную передачу.

Но это только кажется. Еще как заставляют. Только мы не замечаем, потому что делается это незаметно.

И самое убийственное в их логике, что есть статистика, согласно которой народ действительно все это сам смотрит, читает, покупает и пьет. Никто не заставляет. Кажется, вот оно, проявление воли. Но ценители демократических свобод скромно забывают упомянуть о рекламном эффекте, который раньше назывался проще и понятней — соблазном. Сейчас его активно используют в рекламных речевках и слоганах. Любая реклама пестрит словами «искушение», «грех», «страсть». Тот, о ком не принято упоминать к ночи, материализуется на наших глазах.

У человека есть естественные желания, данные от рождения, и есть созданные. Например, хоть сейчас, хоть сто лет назад мужчина совершенно конкретным образом отреагирует на женские прелести. А вот музыка столетней давности вызовет другие эмоции, нежели современная. Человеку кажется, это потому, что именно эта музыка ему нравится, что он сам делает выбор. На самом деле, это сформированный вкус, навязанный извне. Как упоминалось ранее, кто формирует вкусы, тот определяет направления потоков социальной энергии. Судя по сегодняшнему направлению, сила, культивирующая вкусы, имеет глубоко античеловеческое начало.

Современная система превращает людей в существ, у которых в принципе не может быть высоких целей. Из народа делают массу, толпу, стадо. В такой атмосфере даже сильная личность становится амёбой с двумя мыслями: где взять денег и как их потратить. Народ подчиняется пороку, требуя одного — хлеба и зрелищ. На этом фоне множатся сексуальные и наркоманские революции. Кажется, вот оно, счастье, все можно и все свободны...

Кто-то скажет, возможно, так и есть. Зачем людям запрещать, зачем навязывать эту точку зрения, если им нравится жизнь, которой они живут. Такой подход имел бы право на существование, если бы охватывал всю жизнь, а не вырванную из нее минуту. Уколовшемуся наркоману какое-то время тоже хорошо, но если взять ситуацию в целом, а не миг «кайфа», мы увидим ломку и скорую смерть. Наркомания в масштабе суток — это рай. В масштабе года — ад. Аналогично и с демократией — сиюминутный взгляд оценивает ее как лучшую модель общества. В долгосрочном масштабе демократическая модель оказывается мясорубкой человечества.

Мир изменился. Экономические выкладки Смита и Риккардо, Маркса и Кейнса давно неприменимы к современному состоянию экономики. Философские выкладки, развитые без идеи Бога, увели человечество далеко в сторону. Никто не осмысливает происходящее в соответствующем масштабе (или такие исследования засекречены). Все сведено к сиюминутному приспособлению под новых идолов — Транснациональные Корпорации (ТНК). Они развиваются по своим неведомым законам. Судя по манерам, это необычайно кровожадные, опасные и лукавые монстры, суть которых — холодное стремление к прибыли. Перефразируя Ницше, *это самые холодные чудовища из всех холодных чудовищ*. Они питаются здоровьем и жизнью людей, обманом и соблазном превращая их в рабов. Как Прокруст, они отрубают у человека духовность, превращая его в сверхпотребителя. Ради своих целей эти существа готовы на любые жертвы, вплоть до гибели человечества. Их конечные цели невозможно просчитать, но ясно, что главная цель здесь не прибыль. Неведомые гигантские силы стремятся к своей неведомой цели, направляя человечество к смерти.

Рынок, словно ветхозаветный змей, не заставляет, а соблазняет, без кнута и концлагеря. Он заковывает сознание в кандалы, блокируя внутреннюю свободу. Из мыслительных процессов устраняется проблема Добра и Зла. Все сводится к рациональным критериям эффективности и рентабельности. Утрачивается способность поместить тот или иной факт в жесткую систему координат. Нет ни принципов, ни стандартов. Большинство чувствует — происходит что-то не то, но, не умея дать ясную оценку ситуации, вынуждено на все закрывать глаза, изобретая оправдания своему равнодушию. Человек становится бессмысленным животным, не имеющим понятия о главном — куда он идет, откуда и зачем. Утрачивается связь времен. Незнание прошлого, непонимание настоящего и неясность будущего ведут человечество в пропасть. Если ничего не изменится, падение наступит скоро, и оно будет ужасающим.

Картина была бы менее страшная, если бы мы ошибались, называя Рынок живой самостоятельной субстанцией, но ужас в том, что это реальность. ТНК, формирующие Рынок, на самом деле, без каких бы то ни было аллегорий, живые существа. Ими никто не управляет. У них есть гигантские аналитические центры, которые выполняют функции мозга. Они вычисляют тысячи позиций, определяя максимальную прибыль. Затем вычисляют, что,

где и как нужно сделать, чтобы получить эту прибыль. Специальная система жестко следит за выполнением поставленной задачи. Допуски не превышают десятых, а то и сотых долей процента. Если на любом из участков менеджеры не выдают запланированный результат, система мгновенно это отслеживает и ставит новых руководителей. При таком образом поставленной системе человек уже не управляет, а лишь обслуживает ее, не в состоянии свернуть с заданного курса.

Направление движения общества сегодня определяется Рынком. Человечество находится во власти Рынка. Ни один человек, ни одна команда и ни одно государство не может помешать деятельности ТНК. Гигантские суммы пробивают любой закон, продавливают любое правительство. Ради прибыли хищнически истребляются ресурсы, загрязняется планета, культивируется потребительское мировоззрение. И это только одна сторона медали. С другой стороны, нарастают бездуховность, эгоизм и равнодушие. Демократии превращают население в плебеев, которые *«как бессловесные животные, водимые природою, рожденные на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своем истребятся»* (2 Пет. 2:12).

Правительство в условиях демократии может только приспособливаться. Любую силу, идущую против Рынка, система объявляет экстремистской и устраняет.

Нарастание негатива идет настолько быстро, что это заметно на человеческом уровне. Мы *видим*, как меняется мир. На наших глазах разыгрывается величайшая трагедия, смысл которой большинству не заметен. Ясно только одно: сила, выраженная в Рынке, стремится уничтожить мир. Чтобы защититься от нее, нужны люди, понимающие суть происходящих процессов и готовые действовать сообразно своему пониманию *«Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиной»* (1 Ин. 3:18).

Для достижения абсолютной власти Рынок дробит все человеческие и социальные институты. Рушится семья, община, племя, нация. Рушатся ключевые узлы государства. По некоторым расчетам, в скором времени вместо сегодняшних двухсот государств появится более восьмисот. Расшифровать заинтересованность ТНК в процессе раздробления несложно. Чем больше раздробленность, тем меньше способности к сопротивлению (теория веника и прутьев). Человеческие ячейки (семья, дружба) разрушаются подменой системы ценностей. Разрушение государств,

в первую очередь, достигается через уничижение морали и нравственности, во-вторых, через ослабление образовательных, силовых и производственных сфер. Такой комплекс мер позволяет держать общество в распыленном состоянии. В структурированном обществе демократия невозможна. Ей нужен хаос и отсутствие сильных людей.

Как не вспомнить здесь, о чем взывал к народу Заратустра у Ницше: *«Горе! Приближается время, когда человек не пустит более стрелы желания своего выше человека, и тетива лука его разучится дрожать. Горе! Приближается время, когда человек не родит больше звезды. Горе! Приближается время самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя. «Что такое любовь? Что такое творчество? Устремление? Что такое звезда?» — так вопрошает последний человек, и моргает при этом. Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его порода неистребима, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех. «Счастье найдено нами», — говорят последние люди и при этом моргают. От времени до времени немного яду: это вызывает приятные сны. Они еще трудятся, ибо труд — развлечение. Но они заботятся, чтобы развлечение не утомляло их. Не будет более ни бедных, ни богатых: то и другое слишком хлопотно. И кто захотел бы еще управлять? И кто повиноваться? То и другое слишком хлопотно. Нет пастыря, одно лишь стадо! Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи: но здоровье — выше всего».*

Любые попытки «последнего человека» сплотиться тут же подавляются системой. Нет, не физически, это слишком архаично. Сегодня изобретено огромное количество вариантов подавления личности без грубого насилия. Из вас сделают посмешище, приклеят отрицательный ярлык, не имеющий ничего общего с реальностью, запустят самую немыслимую провокацию. Вас казнят информационно, и этого будет достаточно, чтобы все отвернулись от вас и от ваших мыслей. Потому что массе не свойственно думать, составлять собственное мнение. Массы всегда подражает. Управляет массой тот, кто создает ей объекты подражания. Надо ли говорить, что это не светское правительство. Оно само состоит из людей, подражающих шаблонам, которые создавало не оно.

Когда первый этап — политика раздробления — будет завершен, начнется второй этап — политика уничтоже-

ния государственных границ и семьи как института. Если все пойдет по плану, однажды мир превратится в единый Рынок. Ценность человека будет определяться исключительно его покупательной способностью. Возникнет абсолютно потребительское общество. По своей сути оно будет напоминать перевернутую финансовую пирамиду, способную существовать только при постоянном росте экономики. Это означает постоянный рост промышленности и соответствующий рост потребления.

Изъян модели в том, что необходимость этого роста никак не связана с потребностями человека. Рост потребления должен продолжаться даже после того, как человек полностью удовлетворен. В противном случае продукция, выпускаемая промышленностью, не найдет сбыта, что обрушит экономику, и следом рухнет вся конструкция. Именно поэтому рождаются целые науки, создающие новые потребности, совершенно не нужные человеку. На наших глазах предметом продажи становится то, что никогда этим не являлось. Малейший спад потребительской активности волнует демократические правительства сильнее всего на свете. Если активность падает, ее начинают искусственно стимулировать. В ход идут все возможные технологии. «Свободную массу в прямом смысле принуждают делать покупки. Сложившейся система неважно, что вы будете делать с покупкой. Идеально, если выкинете на помойку, не распечатывая, и тут же купите новую, с которой поступите аналогичным образом. Разумеется, эти действия лишены смысла, но только при таком подходе гарантировано равновесие между сбытом продукции и ростом производства.

Растущие скорости и объемы превращают человека в нечто вроде трубы, сквозь которую все быстрее и быстрее пролетает поток большей частью ненужных товаров. Пока непонятно, какова предельная пропускная способность человека как трубы, но то, что она конечна, не вызывает сомнений. Когда потребительская активность не будет соответствовать производственной, экономика рухнет. Следом рухнет государственная конструкция.

Запад, по словам Хайдеггера, это мышеловка, в которой произошла полная утрата смысла бытия. И мышеловка такого типа, что из нее невозможно вырваться, она при этом выворачивается наружу, и ты снова оказываешься внутри.

Продолжение следует

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

Глава 7. СМЕНА ЭЛИТЫ — УСЛОВИЕ ВЫЖИВАНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИИ

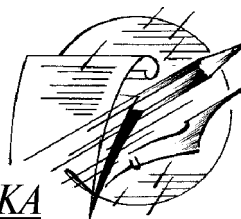
Одна из самых модных тем в СМИ наших дней — необходимость смены элит. Прокремлевское молодежное движение «Наши» выработало очень верный девиз — **сменить «поколение пораженцев»!** Телевизионный журналист Михаил Леонтьев призывал: «*Старую элиту* (которая существовала последние 15 лет) — *на помойку!*» («АиФ», 2004. №17). Но что это за старая элита, чем она не устраивает страну, какой должна быть элита новая и, главное, откуда она вдруг возьмется, — разброс мнений об этом весьма широк. Попробуем разобраться в этом запутанном вопросе.

Всегда ли элита — это лучшие люди?

Человеческое общество так устроено, что реально управляет в нем всегда некое меньшинство, которое име-

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

нуется элитой. Слово это, в переводе с французского, означает «лучшее, отборное». Поэтому в строгом смысле слова элитой общества нужно было бы называть тех, кого считают **святыми** (в религиозном или светском смысле), то есть идеальных людей.

Всем нам хочется, чтобы элита представляла собой собрание лучших людей. Еще Сократ в Древней Греции учил: *«Управлять могут только те люди, которые думают о благе всего полиса, а не о своем личном благе»*. В наши дни легендарный «творец сингапурского чуда», превративший эту крохотную бывшую колонию в одно из самых развитых и благополучных государств мира, Ли Куан Ю говорит: *«Великие лидеры жертвуют собой ради своей страны и никогда не пользуются своим положением ради собственной выгоды»*. Но не всегда так бывает в действительности.

Так же нам хочется, чтобы наша страна занимала достойное место, была лучшей в ряду других. Еще в древности говорили: *«Для полного счастья необходимо иметь славное Отечество»*. А славное Отечество невозможно без достойных руководителей страны, и когда это условие не соблюдается, тогда и возникает то чувство неудовлетворенности, которое в «Горе от ума» выразил Александр Андреевич Чацкий: *«Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?»*

Но на практике под элитой понимают политическую элиту — узкий круг лиц, принимающих важные для страны решения, хотя к элите относят и тех, на кого обыватель смотрит, разинув рот, — всяких там «звезд».

Совокупность этих элит в советское время именовалась партийно-хозяйственным активом. Вот этот партхозактив и правил в СССР (как и в любой другой стране, только под другим названием — вроде «500 семейств»).

Мыслители Запада (Х.Ортега-и-Гассет, Р.Михельс, К.Манхейм, Дж.Бернхейм, Й.Шумпетер) создали различные теории элит — политической, технологической, административной, военной, научной, культурной, уравнивающих друг друга и якобы предотвращающих установление тоталитаризма. Наиболее известна теория итальянского экономиста и социолога Вильфредо Парето (1848—1923), согласно которой элита проходит те же стадии, что и человеческий организм. Она зарождается, проходит период детства, юности, зрелости и старости и в конце концов, исчерпав свои созидательные способности, умирает. Но умирает не сама, не своей смертью, а

свергается новой претендующей на власть прослойкой общества — контрэлитой. Почему?

Вообще-то элита призвана соблюдать государственный интерес, отчасти совпадающий с общенародным. Но в силу себялюбивой человеческой природы она не забывает и свои собственные, корпоративные интересы. В сильном государстве элита, хотя и обеспечивает себе уровень благосостояния более высокий, чем у остальных граждан, но «не зарывается», опасаясь потерять и то, что имеет. Еще городничий в гоголевском ревизоре умерял аппетиты подчиненного рвача окриком: *«Не по чину берешь!»* А при Сталине, например, министр, уличенный в казнокрадстве, мог не только мгновенно слететь со своего поста, но и лишиться головы. А в слабом государстве вроде современной России элита почти открыто разворовывает общенародное достояние, за более лакомый кусок которого борются разные ее группировки (кланы) часто используя компромат, а то и просто нанимая убийцу для устранения соперника.

По теории Парето, при образовании государства у власти оказываются наиболее энергичные и предприимчивые (или, как принято сейчас говорить, «пассионарные») личности. (Замечу, тот же Парето установил так называемый принцип 80/20, гласивший: 80 процентов работы выполняется 20 процентами сотрудников; 80 процентов богатства оказывается в распоряжении 20 процентов членов общества и т.д.). Но проходит время, «пассионарии» уходят из жизни, им наследуют их дети, чаще всего воспитанные в роскоши и безделье, а потому ленивые и безынициативные. Политика страны становится вялой, государство загнивает. А в «низах», среди обездоленных, есть «пассионарии», образующие контрэлиту. Они обличают выродившуюся элиту и призывают народ свергнуть «прогнивший режим».

Социально активная часть народа поднимается на революцию. Если она завершилась успехом, ее вожди и активисты образуют новую элиту. Народ загоняется обратно в стойло, но все же и ему что-то достается из социальных благ, и так обеспечивается прогресс общества. Положение пролетария лучше доли крепостного, которого могли в любой момент выпороть на конюшне, и тем более лучше удела раба, которого могли просто убить.

Новая элита начинает энергичные преобразования. Но у них тоже подрастают дети, которым они хотели бы пе-

редать и богатство и власть. Новая элита уже во втором поколении также вырождается, в «низах образуется новый слой «пассионариев», и в стране опять складывается революционная ситуация. Поэтому исторический процесс и оказывается циклическим, за периодами устойчивой власти следуют периоды социальных взрывов.

Процесс такой «ротации элит» Парето именовал революцией. Однако в действительности далеко не всякую смену элит можно назвать революцией. Бывает, что она означает контрреволюцию, если к власти приходят те, кто тянет страну не вперед, по пути прогресса, а назад, в прошлое. Такое мы наблюдали у себя дома после разрушения СССР.

Это — схема, в действительности ход исторического процесса более сложен. В разных странах он проходит различно, как по-разному понимается и то, кого считать элитой.

В Англии, например, элита — это джентльмены. (Там даже на общественных туалетах есть вывески: «Вход мужчинам и женщинам — бесплатно, джентльменам и леди — за один пенни».) Джентльмен не имеет права бояться, страх за свою жизнь является для него позором, и при первом же проявлении страха его вычеркивают из элиты. Джентльмен не меняет честь на жизнь! И уж тем более — на деньги. Это — главный признак английской элиты. Джентльмен волен заниматься любым делом, но когда речь идет о судьбе Англии, то он обязан быть в строю и спокойно встретить смерть, если это потребуется. Особенность Англии — еще и в том, что аристократия там сумела привить идеал джентльмена всему народу.

А каковы особенности процесса смены элит в истории России?

Вот какой гимн новым «элитариям» ельцинской эпохи, выходцам из среды предпринимателей, пропел бывший премьер-министр РФ Сергей Кириенко. По его словам, на общественную арену выходят те новые предприниматели, которые демонстрируют энергию развития и готовность к риску, без чего прогресс общества невозможен. *«Предпринимательство — это Творчество, Созидание Будущего, Того, Чего Еще Нет. Это — самая динамичная и современная часть общества, главный общественный класс, люди дальновидные и вообще самые лучшие. Горбачев, Ельцин, Гайдар, Чубайс 10 лет разрушали старую систему, но итогом разрушения стало созидание. Пока шла эта револю-*

ция, новое поколение не выходило на общественную арену. А теперь оно само может стать идеей для всей страны, ибо воплощает русскую народную мечту о свободном творчестве. Это — государственники, не стремящиеся во власть, но и не оппозиция, они — посредники между настоящим и будущим, либералы не по воззрениям, а по образу жизни, и как прагматики, исповедуют западные ценности, но отстаивают не западные интересы, а российские. Их девиз: «Мы хотим гордиться своей страной, это наша страна, и мы никому ее не отдадим». При диком кадровом дефиците в стране людей во власть надо брать только из этого нового «служивого сословия». Президенту больше не на кого опереться, его главный враг — сопротивление, саботаж и па-ника старых элит».

Увы, облик самого Сергея Владиленовича как представителя этого нового «класса-гегемона», не раз рисовавшийся в печати, далек от идеала. Его (как и названных им других «элитариев») биография — это сплошная цепь весьма неблагоприятных поступков. Один только дефолт 1998 года, устроенный этим «киндерсюрпризом», обошелся стране в 10 миллиардов долларов — именно на столько вырос внешний долг России за пять месяцев его премьерства, и эти громадные деньги пошли не на развитие экономики — они достались в основном спекулянтам на российских ценных бумагах. Идеал этого «нового предпринимателя» — рантье, живущий стрижкой купонов.

Их даже капиталистами и предпринимателями нельзя назвать (те все-таки, по определению, стараются преумножить капитал, развивать производство), им больше подходит определение Щедрина — «пенкосниматели нараспашку». Если они — современные патриоты России, то кто же тогда шелупонь, шантрапа и прохиндеи? А поскольку главное оружие нынешних новых российских либералов — это демагогия, их сообщество и следует именовать либерально-демагогической партией.

Ну, а вообще-то возможно патристически настроенное предпринимательство? Мне уже приходилось писать о том, что покойный академик Николай Моисеев с горечью отмечал: мировой финансовый капитал создал «насос» (политолог Сергей Кургинян называет его «пылесосом»), перекачивающий природные ресурсы, деньги и умы России на Запад. А я давно ставлю задачу: превратить этот «пылесос» в «компрессор», который качал бы ресурсы Запада в Россию.

Когда в России появились первые совместные предприятия (СП) с участием иностранного капитала, в них, как правило, наши ученые и инженеры работали за зарплату американского официанта в кафе, хотя для россиян это были большие деньги. А плоды их труда и собственность на новые разработки доставались иностранцам. Я тогда предложил создавать СП иного рода, например, на территории США, в которых трудились бы американцы, а российская сторона давала бы идеи. Многим это показалось фантастикой, а позднее известный экономист В.Лисичкин, побывав в США, убедился, что там есть множество предприятий, мощности которых слабо загружены, и они заинтересованы в подобном сотрудничестве. И занимавшийся тогда предпринимательством Сергей Кугушев рассказывал:

«Только первая волна «новых русских» употребила наворованные капиталы на покупку вилл и яхт за рубежом. Дельцы второй волны возвращали деньги в Россию под видом иностранных инвестиций (например, значительные — относительно — капиталы в российскую экономику вкладывают кипрские фирмы, между тем у этой маленькой республики вообще таких свободных средств нет, это — деньги, вывезенные из России). Это те, кто «любят русскую культуру, но не любят Россию» (вроде братьев Черных, скупивших российские алюминиевые заводы). А третью волну образовали предприниматели, понявшие, что нужно учиться современному бизнесу ради служения своей Родине — России».

Кугушев убежден, что русские в массе своей — умнее и способнее американцев, и потому если соединить русские «ноу-хау» (новые идеи в производстве) с профессиональным знанием механизма западной экономики, то все мировые ресурсы могут быть поставлены на службу нашей стране. Пока в России власть делает все, чтобы затруднить бизнес: лучше создать компанию, например, на Багамских островах, маркетинговая структура которой будет в Калифорнии, а производство — в России. Замкнутых индустриальных цепочек мы быстро создать не можем, у нас развиты добыча и первичная переработка сырья, а на месте машиностроения — дыра, для его возрождения требуются 500 миллиардов долларов, которых у нас нет. Но, поскольку мы умеем думать лучше других, у нас есть возможность превратить США в наш финансовый, а остальной мир — в технологический придаток.

Начинать нужно с нескольких венчурных проектов (так называются рискованные предприятия, прибыль от которых может быть астрономически большой).

Успех одного-двух таких проектов позволяет финансировать 10 других. А идеи, для реализации которых нужны лишь деньги, причем по мировым масштабам совсем небольшие, у нас пруд пруди. Вот «насос» и заработает в обратном направлении, будет качать ресурсы в Россию.

Сейчас Кугушев регулярно пишет статьи в газете «Завтра», но почему-то так и не рассказал, как обстоят дела с реализацией этой его патриотической идеи.

В отличие от Запада, где элиты хлопочут о том, чтобы государство не забрало себе слишком много власти, у нас «сливкам общества» приходится мириться с тем, что интересы государства — это стержень всей политики. Далее, в России на Земские Соборы посылали «лучших людей», отбирая их как по роду, так и по заслугам, причем им за это ничего не платили, и они должны были все время работы Собора (а это бывали месяцы и даже годы) проживать в столице за свой счет.

Если с этой точки зрения подойти к оценке как той элиты, которая сформировалась в постсоветской России, так и той, за которую ратует Кириенко, то тут надо однозначно сказать: это хапуги, ни разу не показавшие примера бескорыстного служения стране и народу, и если их называть «сливками общества», то только прокисшими, причем еще до прихода во власть.

Воспитание элиты, или Что делать с прокисшими «сливками общества»

Но вот президентом России стал Владимир Путин. Насколько изменилась элита российского общества в ходе уже проведенных преобразований и что она будет представлять собой завтра?

Бывший пресс-секретарь Ельцина Павел Вошанов утверждает, что та элита, которая сложилась в России ко времени вступления Путина в должность президента, всем своим видом демонстрируя свою верноподданность, на деле ни за что не смиритесь с потерей своих привилегий и будет всячески саботировать его меры, и потому он неизбежно должен будет смести ее и заменить новой, созданной для проведения его политики. В пользу такого предположения говорят и теория, и историческая практика.

Если с этой точки зрения посмотреть на историю России, то в ней можно увидеть явные указания на такого рода процессы, — не стану разбирать все эти стадии, а ограничусь двумя примерами.

Иван Грозный, став царем, столкнулся с яростным сопротивлением бояр, не желавших расставаться со своими привилегиями, со своей «самостийностью». И он вынужден был создать себе социальную опору для борьбы за укрепление государства — в лице дворянства, и карательный орган в виде опричнины. Грозный, хотя и рубил боярам головы направо и налево, в целом сыграл с боярством «вничью». Но его дело завершил Петр I, который, не особо усердствуя в казнях, приравнял бояр к дворянам и вместо всяких кравчих, стольников и постельничих учредил звания генерал-фельдцейхмейстеров и генерал-адмиралов, так что последний боярин умер никем не замеченной смертью уже в царствование Елизаветы Петровны. Дворянство оставалось правящим сословием вплоть до свержения самодержавия, и если на заре своего исторического существования оно было служивым сословием и опорой государства, то к концу оказалось подверженным физическому и моральному вырождению. Хотя в России усиливалось влияние промышленников, финансистов, купечества, высшего чиновничества, новая «надсословная» элита до революции не успела сложиться.

В советское время процесс смены элит порой принимал также драматические формы. Элита «старых большевиков-интернационалистов», активно поработавшая при разрушении старого строя, оказалась неспособной на дело построения могучего индустриального государства. Сталин создавал новую элиту — номенклатуру, в основном зачисляя в нее выдвиженцев из «низов». Если первое поколение номенклатурных «элитариев» служило стране не за страх, а за совесть (правда, это достигалось не без участия страха), то уже второе старалось перенять привычки прежних «благородных». Пестуя эту элиту, вождь одновременно и ненавидел ее. Часто сталкиваясь со стремлением «элитариев» отделиться от народных масс и добиться привилегий, он говорил: *«Каста проклятая!»* Эта каста стремилась сохранить нажитое и передать своим детям, для чего практиковали браки (чаще всего оказывающиеся неудачными) только между «своими». Приток энергичных деятелей из низов приостановился, и номенклатура окостенела, постепенно вырождаясь. А в последние

годы Советской власти именно эта окостеневшая элита превратилась в рассадник антисоветских настроений и прямого вредительства.

Следует сказать и еще об одной особенности «ротации элит». Она часто проходит в обстановке кровавой борьбы. Позднейшие поколения подчас удивляются: для чего нужно было расстреливать дворян, интеллигентов, офицеров, репрессировать их малолетних детей? А между тем очевидно, что остатки прежней элиты сохраняли чувство своего превосходства над «хамами», как деликатно именovali «благородные» свою прислугу, или «чумазыми», которых презирал чеховский «печенег». А «хамы» и «чумазы» платили им такой же ненавистью. Среди моих знакомых есть немало членов Собрания потомков российского дворянства, но они называют эту свою тусовку не иначе как Дворянское собрание, хотя дворян в России, как известно, с 1917 года не существует. А кое-кто из них даже выступает публично, в печати, доказывая, что только «благородные» могут понимать культуру и создавать культурные ценности. Реваншизм бывших «господ» и ненависть «бывших никем и ставших всем» делают невозможным их «мирное сосуществование».

Элита постсоветской России складывалась из наиболее оборотистых представителей прежней номенклатуры, «демократических» деятелей и предпринимателей, по большей части имевших опыт работы в «теневой экономике», и, естественно, с изрядной примесью криминалитета. Она с самого начала показала свой эгоистический и антинациональный характер и все почти 20 лет своего правления была занята борьбой всех против всех за овладение собственностью и передел ее, за сферы влияния. Так что любой новый руководитель страны, если он всерьез думает об интересах государства, вынужден будет от нее избавляться.

Нынешняя элита России — это в основном преступники

Наиболее четко эту мысль выразил профессор Михаил Делягин: элита России ведет себя так, будто она выиграла «холодную войну», потому что она действительно ее выиграла. Она *«добилась личного благосостояния не просто на костях народа, а за счет разрушения страны. Бизнес-элита поднялась за счет присвоения того, что было создано при Советской власти, политическая элита — за счет про-*

даже геополитических завоеваний СССР нашим стратегическим конкурентам ...

Нынешняя элита абсолютно безразлична к России... К развитию, модернизации общества и повышению его конкурентоспособности она органически не способна. Такая элита неминуемо «пойдет под снос». Вопрос лишь в том, когда и какой ценой» («Родная газета». 2003. №25). Делягин признает, что Путин заменил часть элиты, но кадрами не лучше прежних.

Разве элита не эгоистична, если в стране, где большая часть населения живет в нищете, сенатор Фархад Ахмедов выплачивает себе в качестве президента «Нортгаза» зарплату в 40 миллионов долларов в год? («АиФ». 2006. №4).

Элита и не хочет уменьшения разрыва в доходах с остальным народом. Богатый чувствует свою избранность, пока вокруг него бедные, а если все будут примерно равно обеспеченными, то чем же он будет отличаться от «быдла»? Поэтому нереально предположение журналиста Дмитрия Калюжного: «Если бы депутаты Госдумы лечились в районных поликлиниках, учили своих детей в обычных школах, жили бы в рядовых, а не в специально для них построенных домах... Если бы ездили они не в спецавтомобилях со спецпропусками и мигалками, а в метро, да подышали бы тамошними миазмами, да подхватили бы чесотку, посидев там, где только что спал бомж, они быстро поняли бы народные интересы и работающего, и бездомного, и пенсионера» («ЛГ». 2003. №52). По словам политолога Александра Тарасова, «интеллигенция» 90-х годов превратилась в преимущественно паразитический слой... псевдоинтеллигенты не хотят никого просвещать и освободить, они **экономически не заинтересованы** в чужом просвещении и освобождении: каждый просвещенный и освобожденный, с их точки зрения, — экономический конкурент» («Россия». 2001. №21).

«Элитарии» — воры и предатели? Попробуйте иначе ответить на вопрос Тараса Онищенко: «Какой стране служит человек, переместивший капиталы в западные банки? Той, которую он обворовал, или той, которой он доверил деньги и свое будущее? Естественно, второй. А кому конкретно он служит в западных странах? Прежде всего тем, от кого зависит режим благоприятствования его сомнительным капиталам и сохранение тайны его финансовых операций. То есть в первую очередь западным спецслужбам. Это антигосударственники, их можно обозначить как

партию воров и государственной измены. («Подмосковье». 2001. №4. Здесь и далее выделено мной. — М.А.)

А вот что говорит генерал Юрий Иванович Дроздов, легендарный руководитель управления нелегальной разведки ПГУ КГБ: *«Вспомните доклад Объединенного комитета начальников штабов о военной политике Америки, появившийся в 1992 году, где говорится об обязательствах российской стороны по деформированию Вооруженных сил и специальных служб. Не поэтому ли все наши службы уже были по несколько раз реформированы?.. Депутаты Госдумы имеют свой бизнес или счета в банках за границей, вследствие чего часто демонстрируют неспособность сопротивляться политике других стран... У нынешней элиты все интересы за рубежом»* («Русский национальный журнал». 2007. №6. С. 60—61).

Что же делать с такой элитой? Профессор Сергей Карамурза сетует: все были замараны, и на всех есть компромат. И он советует верховной власти честно сказать народу примерно следующее: *«Да, мы все замараны, против каждого из нас есть компромат. Вместе с тем только мы имеем сейчас возможность начать процесс очищения, и, когда нас будут судить за прошлые грехи, учтите, что вызов паразитам, высасывающим соки из страны, первыми бросили именно мы»*. И людям, начавшим борьбу, в итоге простили бы многие их прегрешения и ошибки («ЛГ». 2005. № 39—40).

В последние годы некоторые наши «элитарии» были за границей арестованы, России пришлось вывозить их из тюрьмы. Как пишет журналист Владимир Винников, *«выяснилось, что с ними будут разговаривать тоном, отличным от приказа и окрика, только до тех пор, пока за их спиной стоит суверенная Россия... никакого безоблачного «сырьевого настоящего» у них уже нет»* («ЛГ». 2007. №22). Но, кажется, и это никого из «элитариев» не образумило. Да, остается только смести их.

Зато о самой глубинной сущности этой задачи писал более 170 лет назад Александр Пушкин. Послушаем нашего светлого гения.

Уроки Пушкина, или Каким надо стать русскому человеку

Великие исторические события и деятели подобны звездам переменной яркости. Они светят ровным светом сквозь века, но вдруг в определенные моменты вспыхи-

вают с небывалой силой, давая целым народам возможность разобраться во мраке окружающей действительности. И когда мы чтим их память, отодвигаются на второй план даже самые «горячие» события текущей политической жизни. Так, День Великой Победы мы каждый год отмечаем как единственный праздник, объединяющий всех нас, независимо от политических взглядов, уровня культуры или вероисповедания. А ежегодно 6 июня всех нас так же объединяют торжества по случаю очередной годовщины со дня рождения нашей путеводной звезды, Пушкина, о котором давно сказано коротко и ясно: «Пушкин — это наше все».

Ну, а после того, как отшумят пушкинские торжества, настает пора всем нам вместе задуматься над тем, кем же стал для нас Пушкин, какое место занял он в нашей жизни в это переломное для России время. Мой ответ на эти вопросы будет кратким: Пушкин — это не только сладкозвучный «небом избранный певец», но и учитель, посланный России судьбой, который порой преподает нам прямые уроки для назидания на примерах воплощений добра и зла, а чаще высказывает лишь «намек, добрым молодцам урок».

Каждый самобытный поэт — это философ, потому что он создает свой, неповторимый образ мира. Пушкин же — философ вдвойне: он раскрыл нам нашу сокровенную внутреннюю природу и оставил предостережения, смысл которых мы только сейчас начинаем осознавать. В рамках данного исследования можно остановиться лишь на современном смысле двух-трех его вершинных произведений.

Обратимся к «Капитанской дочке», к ее положительным героям, что очень важно для нашего времени. Отец и сын Гриневы, капитан Миронов и его жена, да и сама капитанская дочка — это люди с твердым сознанием долга. Этим людей можно обмануть, обжечь, можно воспользоваться в корыстных целях их простодушием, но **их нельзя сломить**. Капитан Миронов мог бы купить жизнь, признав (как Швабрин) Пугачева великим государем, но он, оставаясь верным долгу и стоя у виселицы, твердо отвечает: «*Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!*» Петр Гринев легко мог бы оправдаться перед следственной комиссией, призвав в свидетельницы Марию Миронову, но самая мысль о том, что эта бесконечно дорогая ему девушка может быть втянута в судебное раз-

бирательство, показалась ему настолько ужасной, что он предпочел бы любой приговор такому бесчестью. И можно не сомневаться: если бы Маше не удалось добиться его оправдания (что легко могло бы случиться, не встретив она государыню), Петр и самую казнь смертную принял бы так же мужественно.

Почему это так важно подчеркнуть именно сегодня? Потому что корень всех нынешних бед России — не столько в нынешнем общественном строе и конкретных лицах у кормила власти, даже не столько в распределении собственности и стихии всеохватывающего воровства, сколько в отсутствии у большинства русских людей наших дней **политической воли и нравственного стержня в характере**. Сегодня достаточно было бы иметь два десятка таких людей, как Петр Гринев, объединенных идеей служения России, чтобы изменить ситуацию без каких-то сверхъестественных усилий и потрясений. Но их нет, этих Гриневых, или же они есть, но разбросаны, живут в разных местах, не зная друг о друге, и скорбят поодиночке о бедственном положении страны. Вспомним, почему кучка большевиков смогла взять власть в Октябре 1917 года, хотя им противостояла вся государственная машина недавней могущественной империи? Только потому, что она была сплочена единой волей и пониманием единственно возможного пути захвата власти, тогда как их политические противники со всей армией и репрессивным аппаратом были безыдейны и деморализованы.

Это — пример урока Пушкина на положительных образах (я говорю о Гриневе). А теперь — пример обратного свойства, поясняемый на образах «Пиковой дамы», вещи философской, мировоззренческой, глубоко полемической. В чем же ее смысл?

Одним из важнейших откровений христианства (а Пушкин был христианин, хотя и невысоко ставил тогдашнюю Российскую Православную Церковь как земную, человеческую организацию, а не Богочеловеческий организм, не Тело Христово) является концепция личностного Бога. Бог — это Личность, живая, со своими пристрастиями и предпочтениями (при этом совершенно справедливая и всеблагая). И это Существо повелевает миром. Впрочем, и человек может стать Его соправителем — надо только подружиться с Ним. (Ведь Христос в последний вечер Своей земной жизни, на Тайной вечери назвал Своих учеников уже не рабами, а друзьями (Ин. 14:14). Но что-

бы стать другом Бога, нужно Его полюбить. А это не просто — Бог ревнив и требует любви полной: *«Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии разве Мене»* (кроме Меня). Для христианина Господь и Бог наш Иисус Христос — это высшее воплощение красоты, благородства и святости, и Он принимает только такую всеохватывающую любовь: *«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня»* (Мф. 10:37—38). Такая любовь не всякому дана, иногда, чтобы обрести ее, нужен нравственный подвиг. А у человечества всегда есть соблазн добиться своего без таких усилий, например, отыскать «сверхзаконы природы», конечные, «объективные», которым и подчиняется мир. А следовательно, и Бог. Греки, например, поступали просто: они за сверхзакон принимали Рок, которому были вынуждены подчиняться и сами боги вплоть до Зевса (что с такой сверхчеловеческой силой выражено в знаменитом хоре из «Антигоны» Софокла). Но и фетишизация научного, «сциентистского» мировоззрения тоже приводит к такому уклону: для одних ученых мир — это «волновая функция», для других — программа, которую надо прочесть. А в конечном счете получается богоборчество.

Вот чем занимается Германн, задавшись целью отыскать «три карты»! Он внутренне всегда был уверен в том, что есть какой-то магический шифр, который может открыть тайну мироздания. И вроде бы этот шифр он получает. Но проигрывается. Почему?

Несмотря на огромную работу по осмыслению своего провала, сделанную им в «17-м номере Обуховской больницы», причина этого так и осталась для него непонятной. Куда хуже, что она оказалась непонятной и для пушкинистов (Ходасевич, например, считал, что Германн просто «обдернулся» и все тут — с кем не бывает!)

А между тем ответ ясен: последнее условие было ловушкой, которую Германн не заметил: «ты должен жениться на Лизавете Ивановне». Жениться? Что ж, ради трех карт можно пойти и на такое! Но ему и на миг не пришло в голову, что для женитьбы нужно согласие двоих. Но Лизавета Ивановна никогда не даст согласия: ее вынесли без чувств с похорон графини после того, как она окончательно увидела суть души Германна (*«Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого!»*) и, как в триллере, осознала ту пропасть, у края которой находилась.

Германн не понял, что миром управляет свободная воля — свободная воля людей так же, как и Бога. Нет и не может быть никаких «трех карт»: если бы они были, подлость оставалась бы ненаказанной, а противостоящая рациональности добродетель — не вознагражденной.

Пушкин предвидел многие коллизии современного мира, корни которых кроются в этом неосознанном богоборчестве ученых, политиков, высоколобых интеллектуалов. Это богоборчество проявилось, например, в фетишизации генетики, которая якобы нашла свои «четыре карты» — аминокислоты, из которых состоит ДНК. И вот-вот генетика вроде бы даст ответы на все вопросы, хотя не может даже членораздельно объяснить, как это из совершенно одинаковых клеток получают многоклеточные организмы, в которых клетки строго специализированы. А дальше «евгеника», наука о выведении породы «лучших людей», клонирование человека и другие потуги на переустройство мира по собственному разумению.

Другим проявлением «сциентистского богоборчества» стала гонка вооружений с «урановыми рудниками» и полигонами (и никто из ее устроителей, наверное, не вспомнил пушкинское стихотворение «Анчар»). А что ожидает мир, если его судьбы будут решать «цивилизованные германн», можно видеть на примере проведенной НАТО «гуманитарной акции» в Югославии.

Но, пожалуй, самым ярким проявлением богоборчества в общественных науках и в политической жизни стала позиция российских либералов, которые, исходя из корыстного собственного интереса и желания навязать свою волю мирозданию, решили повернуть ход истории и построить в нашей стране капиталистическое общество по западному образцу. У них объявились свои «три карты» — «свобода личности», «права человека» и «гражданское общество». И как Германн, не получив от старухи-графини желанный ему ответ о тайне трех карт, направляет на нее пистолет, так и либералы, не встретив сочувствия в народе, показали, что готовы «переломить через колено» непонимающую их страну. Хочу кратко пояснить эту мысль, поскольку идея либералов стала основой политики ельцинской, да пока еще в значительной степени и нынешней России.

Дружба с Богом вообще несовместима с эгоизмом и паразитизмом, а капиталистическое общество, так желанное либералам, — это воплощение того и другого. Корен-

ная ошибка либералов и всех прочих антисоветчиков заключается в непонимании ими того, что **74 года Советского периода нашей истории — это не какой-то непонятный зигзаг мирового процесса, а всемирно-исторический поворот, происшедший не без воли Бога**, хотя осуществлявшие эту революцию русские люди могли считать себя безбожниками. Здесь ярко проявилась жизненность евангельской притчи о двух сыновьях, как рассказал ее Сам Христос:

«А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца?» (Мф. 21:28—31).

Либералы убеждены в том, что «нормально» лишь такое общество, где царит традиция «священной и неприкосновенной частной собственности», и только они поэтому могут быть «хозяевами жизни», хотя им совершенно чужды понятия правды и справедливости. А монархисты, мечтающие о возврате к еще более далекому прошлому, тоже о правде не заботились, но вдобавок еще носили нательные крестики и выстаивали молебны, а потому были уверены в своей «богоизбранности». Словом, и те и другие, как второй сын из притчи, сказали Господу: «иду», — и не пошли. А простые русские люди, осознавшие несправедливость прежних порядков, не поднимая на щит заповедь Божию, восстали против них и водворили правду, как ее понимали, и этого их всемирно-исторического завоевания никому надолго не отнять. Вот почему нынешний либеральный курс обречен, его не спасут никакие комбинации и махинации. Он осужден народом, историей и Богом. «Либеральные ценности» даже обсуждать нет смысла — они уже труп.

Правда, и противники либералов, назвавшие себя коммунопатриотами, — это тоже германны, только на свой лад. У них есть свои «три карты»: красное знамя, портрет Сталина и колбаса за два двадцать. Их ошибка — в том, что они считают, будто достаточно вступить в партию патриотов, как человек уже становится патриотом и может направлять развитие страны к «счастливым временам застоя», тогда как подлинный патриотизм непременно требует подвига, деятельного участия в решении тех задач, которые история поставила перед страной. А история требует, чтобы Россия из страны индустриальной

эпохи превратилась в страну эпохи информационной (парадокс в том, что нам, из-за губительного курса либералов, приходится пройти через фазу почти доиндустриальной эпохи). При этом история идет только вперед — и никогда вспять, даже тогда, когда, по-видимому, делает такой зигзаг.

Словом, германнов всякого рода у нас ныне хоть пруд пруди, и, увы, они своими манипуляциями с «тремя картами» увлекают очень многих наших легковых соотечественников. Значит, очередной урок Пушкина очевиден: русским людям нужно перестать быть слишком доверчивыми, воспитывать себя в духе ответственности за свои слова и дела и строго спрашивать со своих вождей в случае серьезных поражений. А ныне ведь привычна такая картина: либералы уверяли, что стоит отпустить цены, те возрастут в два-три раза, зато «развернется конкуренция» между товаропроизводителями, товары станут дешевле, а на каждый ваучер россияне получают по две «Волги». Но цены выросли в 10 000 раз, затем поднялись еще выше, ваучеры обернулись пустыми бумажками. И никто за этот обман не понес наказания. В свою очередь, «народно-патриотические» вожди уверяют, что победа близка — стоит лишь выиграть президентские выборы. Выборы проиграны — не беда: вот объявим президенту импичмент. Импичмент провалился — и снова словоблудие насчет грядущей победы, а безответственные вожди остаются все те же.

Чтобы противостоять германнам с их пороками, надо вырабатывать ту особенность русского менталитета, которую Пушкин определил как *«веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»* (или, как говорил В.О.Ключевский, *«самый дорогой дар природы — веселый, насмешливый и добрый ум»*). И тогда новоявленных германнов будут убивать смехом.

Наконец, два слова о бесконечно дорогом всем нам «Евгении Онегине». Рассказывают, будто как-то раз Анна Ахматова и Фаина Раневская решили пофантазировать, как бы выглядел конфликт Ленского и Онегина в их «неромантическое» время. Раневская разыграла сценку, в которой Ленский порывался набить морду Онегину, затем они помирились и шли выпивать. Считавшаяся солидным исследователем Пушкина Ахматова от души смеялась; ей и не пришло в голову, что пафос пушкинского эпизода ссоры двух друзей как раз в том, что Пушкин был бы рад,

даже если бы она разрешилась столь комичным образом. Ведь он рассказал о покалеченной иностранной модой молодежи (да-да, у нас, под влиянием опять-таки оперы Чайковского, Онегина представляют зрелым мужем, тогда как на самом деле он такой же пацан, как и Ленский), об англомане и германофиле, которые, под влиянием модных представлений о чести, начали стреляться по первому пустяковому поводу. И, главное, Пушкин говорит нам о необходимости избавиться от эгоизма, от взгляда на людей только как на средство для достижения наших целей: *«Все предрассудки истребя,/ Мы почитаем всех нулями,/ А единицами — себя./ Мы все глядим в Наполеоны;/ Двуногих тварей миллионы/ Для нас орудие одно...»* Но великая цель не может быть достигнута, если в народе не возобладают люди самоотверженного склада.

Но Пушкин — это не поэт философов. Он выявил, проявил глубины национального подсознания, неосознанного русского мировоззрения, которое давно бы уже дало миру свои ответы на многие вопросы нашего времени, если бы оно было не так засорено чужеземным влиянием, если бы оно было проявлено до конца. Как и всякий другой национальный гений, Пушкин явился «магическим кристаллом», в котором в концентрированном виде изобразился породивший его народ. И этот образ оказался родным и узнаваемым. (*«И долго буду тем любезен я народу...»*)

Услышим же призывы Пушкина, усвоим его уроки, в них — залог успехов в нашем служении России.

Ну, а не повлияет ли на тип новых «элитариев» сам характер наступающей новой эпохи?

Еще один повод для оптимизма

Ни власть, ни лидеры политических партий, претендующих на руководство страной в это непростое для нее время, даже не пытались ответить на вопрос «что день грядущий нам готовит?». А ведь эпоха, в которой мы живем, кончилась. И если продолжать жить ее представлениями, которые господствуют в умах современной политической элиты, то наша страна только лет через пятьдесят достигнет доперестроечного уровня, иначе говоря, обречена на роль колонии. Понятно, почему со всех сторон мы только и слышим об угрозе распада России, перехода ее осколков под контроль НАТО и другие подобные

страшилки. В действительности наше будущее отнюдь не такое страшное, а при некоторых условиях может оказаться и завидным.

Напомню несколько мыслей не модного сейчас Карла Маркса. Практически на всей планете существуют классовое общество и эксплуатация человека человеком; история движется в силу назревания и разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями; класс, прогрессивный на одном историческом этапе, становится реакционным на другом. Вот и поразмыслим, что же произошло с обществом, с производительными силами и производственными отношениями и, наконец, с классами в течение ушедшего в небытие XX века?

Те, кто, как я, воспитан в советском духе, помнят: в нем ведущей силой общества считался рабочий класс. О гегемонии пролетариата трубили идеологи, на эту идею работало искусство. И в фильмах, например, о рабочих, берущих власть в ходе Октябрьской революции и отстаивающих ее в Гражданской войне, все было достаточно убедительно (вспомним хотя бы трилогию о Максиме). А вот уже с начала 50-х годов кино о пролетарских доблестях (вроде хроники жизни рабочей династии Журбиных) становится тягуче-скучным: искусство в плену идеологии способно лишь на неестественные творения.

Но почему этот перелом произошел именно в начале 50-х? Потому что именно тогда началась современная научно-техническая революция, и хотя по-прежнему было важно, сколько та или иная страна выплавляет чугуна и стали, ее место в мире все более стало зависеть от развития науки и наукоемких технологий. А значит, уже не рабочий класс становился гегемоном, а научно-техническая интеллигенция. Рабочий класс, как и вообще индустриальная эпоха, оказались как бы ступенями ракеты: отработали свое при ее запуске — и все, их историческая миссия на этом закончилась, и обижаться тут не на кого. Труд сталевара, шофера и уборщицы по-прежнему необходим, всякий нужный обществу труд почетен, но есть занятия, так сказать, рядовые, а есть престижные, устремленные в будущее, и с этим ничего не поделаешь, так устроена и так распорядилась жизнь. Ведь и в ту пору, когда воспевали труд рабочего, никто не ставил фильма о работниках Госплана, а без этих плановиков и выплавленная сталь, и собранные автомобили могли оказаться

не нужными потребителям. Да уважающий себя труженик и не горит желанием непременно оказаться в центре общественного внимания.

В принципе, изменение роли рабочего класса предвидел и сам Маркс, он писал, что наука все более становится непосредственной производительной силой. Но он остался в пределах индустриальной эры, а его «ученики» так и не осознали, что мир вступил в эру постиндустриальную. Осмыслить этот новый этап должен был XX съезд КПСС, но реакционные силы сумели повернуть его в русло разоблачения культа личности Сталина. И СССР вступил в новый этап соревнования двух систем идейно разоруженным, так что его поражение (как принято считать) в «холодной войне» оказалось предрешенным. (Другая точка зрения, что Россия не проиграла «холодную войну», рассматривается далее.)

Трудно сказать, изменилось ли бы положение, если бы тогда теория общественного развития оказалась у нас на высоте. Ведь СССР только что совершил беспрецедентный рывок, проведя индустриализацию, затем одержал историческую победу в Великой Отечественной войне, что потребовало невиданных материальных и человеческих жертв, — и тут же, с ходу включаться в процесс «постиндустриализации», опять с неимоверным напряжением сил? Но уж, во всяком случае, того идейного маразма, который захлестывает нас сегодня, мы при наличии правильной теории смогли бы избежать.

И все же, если индустриальная эпоха миновала, то каков же характер наступающей новой цивилизации? Скажу кратко: это — информационная цивилизация, она не просто городская (какой была цивилизация индустриальная), а цивилизация супергородов-мегаполисов «передовых» стран, к тому же «стремящаяся к виртуальности». Попробуем разобраться, что это значит.

Впервые термин «информационное общество» был применен к США, когда в составе их валового национального продукта стоимость предоставленных за год услуг превысила стоимость произведенных товаров. Но по-настоящему в информационное общество США превратились тогда, когда и в сфере услуг основной вклад стали вносить не парикмахеры или починщики обуви, а адвокаты и финансисты. Ясно, что такое общество может существовать лишь тогда, когда необходимые ему товары производят другие. Производство, особенно экологически

грязное, выносятся в слаборазвитые страны. Нефть для США поставляют арабские страны и Россия, каучук — Индонезия, металлы — страны Латинской Америки и та же Россия... В принципе, американцы сегодня могут вообще не работать, а лишь печатать доллары и покупать на них необходимые им товары. Значит, информационное общество — это, кроме всего прочего, неоколониализм. Горбчатся работники в слаборазвитых странах, получающие за свой труд гроши, а в мегаполисах США размещаются офисы транснациональных корпораций, управляющих финансовыми потоками в своих интересах и пользующихся всеми плодами труда других. Вот во что выливается «владение информацией».

«Кто владеет информацией, тот владеет миром». Эта доказал еще Натан Ротшильд, который раньше других узнал в Лондоне об исходе битвы при Ватерлоо, но постарался внушить держателям государственных ценных бумаг, что англичане потерпели поражение. Все бросились продавать эти бумаги, и агенты Ротшильда скупили их за бесценок, сделав его держателем почти всего государственного долга Англии. А разве солидные состояния олигархствующих политиков вроде Чубайса и политиканствующих олигархов типа Березовского и Потанина «заработаны» не благодаря доступу к закрытой для других коммерческой и политической информации? Но за этими видимыми чертами информационного общества скрывается нечто более глубокое.

Современный мегаполис — это море жилых домов-высоток, миллионы жителей, миллионы ячеек-квартир, куда подведены свет, газ, вода; это миллионы автомобилей, рабочие места, магазины... И весь этот механизм жизнеобеспечения должен работать так же надежно, как кровеносная система организма. Нетрудно представить, что будет с москвичами, если вдруг в магазины перестанут подвозить продовольствие. Так что тут уже надо говорить не о механизме снабжения, а о **рукотворной оболочке цивилизации**, окутывающей человечество.

Наш великий летчик Валерий Чкалов после перелета через Северный полюс в Америку, на вопрос одного корреспондента, богат ли он, ответил замечательной фразой: «У меня 180 миллионов». — «Чего — рублей или долларов?» — «Людей (180 миллионов — это тогдашнее население СССР. — М.А.). Они работают на меня, а я — на них». Вообще-то вся цивилизация незримо держится на этом принципе.

Человек получает блага от цивилизации, если он **встроен** в нее.

Когда-то я писал о **виртуальности** как идеале, к которому стремится цивилизация. А в конце XX столетия **виртуальность получила права реальности**. Это можно проиллюстрировать таким примером. Человечество всегда стремилось зафиксировать себя, свои деяния: в глиняных табличках, свитках, пергаментных тетрадках... Но фиксация жизни безнадежно отставала от самой жизни, была ее крайне грубым отражением. Представьте себе: идет битва, «смешались в кучу кони, люди...» — такое напряжение сил, кипение страстей!.. А от всего этого богатства остается запись летописца: «*В лето... поби Ярослав Изяслава*». И все, нет ни ржання коней, ни стога раненых.

Все изменилось, когда появились видеокамеры и цифровая запись изображения. Ткни пальцем в кнопку — и автоматика зафиксирует тебя почти в натуральном виде. Компьютер, подсоединенный к Интернету, может забросить твоё видео во Всемирную Сеть, где оно будет путешествовать, как космический мусор в пространстве, пока не «сгорит в атмосфере».

Один оригинал с помощью видеокамеры вел прямой репортаж для пользователей Интернета о процессе собственного умирания. Возможно, в Сети осталось много копий этого сюжета. Согласитесь, это уже не обрывочная запись летописца. И все это культурное пространство, которое раньше было лишь избыточным довеском к истории, теперь обрело статус тени человечества. Тень эта растет и скоро грозит стать выше самого человека. Современное производство невозможно без все ускоряющегося обмена данными через раскинувшиеся электронные сети.

Но культурная тень человечества не просто разрослась. Если прежде культурные пласты были лишь пассивным слепком с живого человечества, то современная электронная культура уже начинает быть активной: впервые «второе я» человечества начинает потихоньку осознавать себя.

Тень человечества получилась мыслящей.

Бунт машин? Захват ими власти? Главное все-таки в том, что человек как бы сам идет навстречу своей отставке: он уже не только не может обойтись без техники, но и потерял квалификацию: во многих отраслях он уже просто не сможет вручную управлять теми процессами, ко-

торыми управляет компьютер. Пока что человек считает, что принятие решений осталось в его компетенции. Но процессы стали так быстротечны, что волей-неволей приходится и здесь дело перекладывать на плечи техники. Похоже, что фантасты, размышлявшие о возможности «бунта машин», просто (в силу своей оторванности от жизни) не посмотрели в корень: в процесс производства...

Так что, победят машины людей или нет? Наш великий поэт Гавриил Державин выразил существо человека гениальной формулой: «Я — раб, я — царь, я — червь, я — Бог». Какая часть этой формулы оправдается в новом тысячелетии? Человек — царь, он даже может с помощью созданной им техники уничтожить все живое на Земле. Но он же — и раб этой техники, без которой уже не может организовать ни свой труд, ни свой быт. Человечество создало себе виртуального двойника, воспроизвело себя в мире электронных коммуникаций. И с этим двойником оно вынуждено теперь работать на пару.

Таковы новые взаимоотношения человека с техникой. А как в этой новой виртуально-реальной ситуации будут складываться отношения между людьми, классами, народами?

Говорят: Россия (а мир — тем более) исчерпала лимит на революции. Нет, «призрак коммунизма» вновь встает из могилы. Если первая половина XX столетия прошла под лозунгом «*Больше социализма!*» (через социализм в той или иной степени прошли почти все страны), то вторая (и первое десятилетие нового века) стала эпохой либерализма, наступления принципа свободного предпринимательства. Однако и эта полоса истории заканчивается.

Коллективистское сознание похоронил персональный компьютер. Индивидуалистическое сознание похоронят мощные сетевые серверы.

Казалось бы, в индустриальном обществе производственные отношения стабилизировались, конфликты между трудом и капиталом сглажены. И вот это хрупкое равновесие оказалось нарушенным в новооткрытой информационной сфере. А ведь нынешняя степень обобществления информационного производства находится где-то на уровне средневековой мануфактуры. Появление крупных компьютерных производств с развитой специализацией труда фактически будет означать пролетаризацию мелких собственников, превращение класса мелких производителей в пролетариев умственного труда. В прошлом

веке известный русский критик Дмитрий Писарев дал замечательно точное определение этому новому классу: «мыслящий пролетариат». Или, выражаясь по-научному, — *когнитариат* (от латинского *cognitio* — знание).

Наступающая эпоха — это стадия реванша коллективистских принципов. А значит, для либеральной идеи и впрямь наступил Конец Истории.

Если промышленное разделение труда в мире давно установилось, то информационное разделение труда еще не сложилось. Мы живем в уникальное время: Всемирная Сеть представляет собой настоящий виртуальный Клондайк, где каждый может свободно рыть себе богатство. Теоретически в мировом информационном пространстве пока что все равны. Но на деле все иначе, и виртуальный информационный империализм отнюдь не виртуален в жизни. Он выключает из истории целые мировые регионы, превращая их в колонии.

Поэтому когнитариат сейчас вновь потерял отечество, а не только теряет средства производства. Труженики Всемирной Сети противостоят складывающимся корпорациям ее владельцев как единое целое — электронная связь сделала границы и расстояния прозрачными для общения. Интернационал когнитариев не выдумка, это уже существующая реальность, и это — преддверие Мировой Когнитарской Революции.

В эпоху перенаселенности Земли и экологического кризиса даже само существование цивилизации на стихийно-либеральной основе, при сохранении частной собственности на средства производства и прежде всего на знания, невозможно. Только вырвав управление мировым хозяйством из рук кучки собственников и переведя его на плановую основу в интересах большинства трудящихся, можно решить главные глобальные проблемы человечества. Направленные новым Гераклом потоки вод очистят современные авгиевы конюшни. Каждый шаг человечества к пропасти повышает значение опыта советского планирования, ибо время не ждет. Так что тем, кто поспешил похоронить нашу страну, я скажу: **век России — еще впереди!** Россия больше всех выиграет от когнитарской революции потому, что, во-первых, та станет продолжением Великого Октября, а во-вторых, наши народы обладают замечательным творческим потенциалом. Поэтому жизнь в России обязательно станет прекрасной, и каждый из нас может стать кузнецом своего счастья.

А недавно появился еще один повод для размышлений о влиянии нового технологического уклада на характер будущей элиты России.

Реален ли «бунт миллионеров против миллиардеров»?

По мнению Игоря Вотанова («Завтра». 2007. №23), главная борьба в России разворачивается между олигархами-миллиардерами и бизнесменами-миллионерами:

«Тот ущербный антропологический тип, который сформировала российская экономика сырьевого паразитирования, не способен ни на какое реальное дело. Это «ловкая и сообразительная обезьяна на трубе», обученная работе с краником и калькулятором...

Дядя Сэм диктует своим «одомашненным приматам»... Закройте базы на Кубе и во Вьетнаме. Замочите в тихоокеанском «Туалете» орбитальный комплекс «Мир». «Отреформируйте», наконец, науку — так, чтобы о ней лет 20 — 30 ничего слышно не было. Обустройте на территории своей Федерации полтора десятка миллионов китайцев — так, чтобы к 2010 году их количество составило 8 процентов населения РФ... Общий знаменатель всех этих условий — максимально полный «слив» остатков имперского потенциала России и решение накопившихся между Западом и Китаем проблем за счет РФ». И «обезьяны» все эти команды выполняют.

А «в классе миллионеров нет такого космополитизма, такой зависимости от Запада и такой «завернутости» на мировую элиту... Свои капиталы этот класс наращивает преимущественно внутри РФ за счет внутреннего рынка. Никакие даровые природные ресурсы в существенных количествах он на Запад не гонит. К операциям с бюджетными распилами и приватизационными «загогулинами» в шальное ельцинское время он допущен не был...» Это «относительно» производительный класс предпринимателей, работающих в стиле «а-ля selfmade» и ориентирующихся, в общем и целом, на Россию. Он заинтересован в развитии, диверсификации и технологизации внутренней экономики, в развивающемся и стабильно растущем внутреннем рынке, то есть в повышении покупательной способности людей и увеличении населения.

И. Вотанов даже усмотрел «аналогию с противостоянием двух революционных политических кланов России начала XX века — «ленинской» и «сталинской» гвардиями. Ле-

нинская гвардия сделала революцию и всерьез вознамерилась «почтить на лаврах», живя в Кремле и разъезжая в пульмановских вагонах. Прошло какое-то время, и люди этой генерации утратили способность к осмысленному ответу на вопрос «зачем жить?» Зачем была сделана революция — чтобы произвести новый класс «красных дворян»?.. Вопрос «зачем жить?» был заменен вопросом «как жить?» И на этот вопрос был дан ответ — не вслух, конечно... «победителям» по статусу положено жить удобно, комфортно, сыто и с пошлой роскошью. Товарищ Троцкий разъезжал по стране в царских вагонах и едал из царской посуды.

В промежутках между 1921 и 1933 годами, собираясь на свои «исторические» съезды и пленумы, «победители» сотрясали стены громом аплодисментов и лозунгов. «Мы сделали революцию! Мы победили!»

Но «всякая революция пожирает своих детей». Пришел 1934 год, и сталинские «молодые кадры» в лице Постышева, Варейкиса, Кирова и ряда других товарищей объяснили «победителям» на XVII съезде ВКП(б), что последние сделали «не то и не так». Победителей судили, «красные» судили «красных», «большевики» судили «большевиков», «верные ленинцы» судили «верных ленинцев». И «победители» кончили там же, где и множество их предшественников — на дыбе. А потом на дыбу поволокли и вторую генерацию «победителей». Словом, был запущен конвейер. И работал он до тех пор, пока, путем отбора и выбраковки, не были обнаружены кадры, которые были в состоянии — на уровне своего понимания истории — дать ответ на вопрос «зачем жить?» Это поколение «клялось» теми же «богами», что и ранняя «ленинская гвардия»... Но наряду с этим оно имело и созидательную программу, на которую «ленинцы» троцкистского призыва оказались неспособны. Такой программой стал «Большой модернизационный проект», который определил развитие и России, и всего мира на десятилетия вперед.

Нынешняя ситуация очень похожа. Ельцинско-гайдаровская революция породила класс необольшевиков-неотроцкистов, захвативших в свои руки командные и наиболее прибыльные отрасли экономики и смешавших со своим революционным дерьмом все остальное... вопрос «для чего жить?» они вновь подменяют вопросом «как жить?», причем с куда большим размахом. Для чего были совершены «перестройка», «демократическая революция», «реформа» — чтобы расчленив страну и опустить ее в «третий мир»? Все у класса «победителей» превратилось в свою противополож-

ность — «престройка» в «катастройку», демократическая революция — в олигархическую диктатуру, реформа, понимаемая в своем классическом значении как синоним улучшения и модернизации, — в умирание, архаизацию и деградацию. На волне этой же революции «поднялась» и генерация «продуктивистов»... Но... объективно положение «миллионеров» в «экосистеме» РФ принципиально отлично от того, что занимает клика «миллиардеров». Большинство представителей этого класса накрепко пристегнуто своими корнями к экономике страны. Деваться этому классу некуда — только «тонуть» вместе с зареформированной Эрэфией. А двигаться вперед он может, лишь «перешагнув через труп» класса «паразитариев».

Картину И.Вотанов нарисовал красивую, только она весьма далека от действительности. Его «миллионеры-продуктивисты» (выражаясь привычным нам языком, мелкая буржуазия) — не меньшие «паразитарии», чем «миллиардеры-олигархи». Им не достались месторождения нефти и газа, но они сумели стать компрадорами, работая и на внутреннем рынке. По телевидению рекламируют разные сорта производимого в России пива с русскими названиями. А хозяева этих пивоваренных заводов — иностранцы, как и кондитерских фабрик, и многих других предприятий.

Малый и средний бизнес у нас процветает преимущественно в сфере торговли. А чем торгуют эти бизнесмены? В основном импортом. То есть крупные монополии завозят иностранный товар в Россию, а чтобы не тратиться на создание здесь розничной сети, привлекают торговцев помельче. А в отношении жестокости и бесчеловечности «миллионеры» подчас могут дать сто очков вперед «миллиардерам». Вот сюжет, показанный по телевидению: один миллионер в Саратове купил дом вместе с жильцами, которых выбросил на улицу. И суд признал его правоту, судебные приставы помогли провести выселение жильцов. Сама женщина-пристав говорит, что по-человечески ей жаль пострадавших, но она — человек подневольный («мы — орган принуждения»). А миллионер никаких сантиментов не проявил. Так что мы имеем дело с обычным явлением: хищник поменьше хочет урвать кусок из-под носа хищника побольше.

В предыдущих главах говорилось, что ЮКОС и ЛУКОЙЛ строят в Заполярье жилье и Дворцы культуры для своих работников. А заставляют рабочих трудиться по 12 часов

и жить в бараках, спать на нарах, месяцами не выплачивают зарплату — миллионеры. Умиляться ими и рассматривать их как прогрессивную силу нет оснований.

Зато у И.Вотанова есть мысль, с которой нельзя не согласиться:

«Смена элит неизбежна, причем неизбежна она не только в смысле замены «паразитов» на «продуктивистов»... но и в более широком смысле смены поколений и технологий. Приближается очередная технологическая революция, сравнимая по своей эпохальности с возникновением фабричного капиталистического производства в Англии, «эпохой стали» в Америке и Германии, и периодом космоса, авиации и ракетостроения в СССР и США — время радикальной смены технологических и, видимо, экономических укладов... эта революция похоронит большую часть старых «элит», сделавших свой капитал на эксплуатации недр. Грядет время, когда материалы с заданными свойствами можно будет получать в лаборатории при помощи нанотехнологий».

Да, в эту новую эпоху не войдут старые «элиты» — ни нынешние миллиардеры, ни сегодняшние миллионеры. Им нет места в мире наступающей когнитарской революции.

Где взять национальную элиту?

Дискуссия о новой элите России прошла и на страницах «Литературной газеты». Культуролог Игорь Яковенко сетовал: *«Исконно хозяевами страны были Рюриковичи. Затем — Романовы. Последний так и записал в опросном листе: «Хозяин земли русской». За ним хозяином стала советская партийно-государственная элита. Теперь страна принадлежит нынешней элите. Народу никогда ничего не принадлежало».*

А что представлял собой этот народ? *«Начиная с XVIII века в России сосуществуют два сектора общества: модернизированный и традиционный. Это — два космоса, две культуры, между которыми пропасть...»*

Человек модернизированный адекватен современному миру. Он понимает, как устроено государство, как устроена современная экономика, понимает природу политических процессов... он способен включиться в эти сущности и использовать их для реализации своих интересов.

Человек традиционный в принципе не способен ко всему этому... Для такого человека патерналистская власть естественная и единственно возможная...

*Наше общество состоит из трех больших групп. Модернизированный сектор разделяется на людей **эгоистическо-асоциальной ориентации и социально ориентированных**... Первые... решают собственные проблемы и своего будущего с Россией не связывают.*

Вторые создают нацию и государство...

Третью группу составляют частично или минимально модернизированные. Эти дезориентированы, пассивны, разобщены, не способны к борьбе за свои интересы...

А в это время «конкретные пацаны пилят бабки». Времени у них не так много. Через 10—15 лет ситуация взорвется. Социально ориентированные силы... попытаются создать (и создадут) в России гражданское общество.

А это означает конец спокойной распиловки.

Поэтому та часть элиты, которая включена в процесс распиловки, громит своих противников и направляет на них традиционалистскую часть общества. И это у них прекрасно получается.

*При всем презрении к чиновнику-коррупционеру народ видит в чиновнике **своего**. А как же иначе? Чиновник требует от народа оставаться в привычном подъяремном состоянии и обещает: я тебя не обижу. А социально ориентированные силы, воплощающие позитивную историческую перспективу, требуют от него гражданской инициативности. То есть — быть готовым совершать поступки, преодолевать себя, двигаться.*

От того, кто победит в этом противостоянии, зависит будущее России. Если «конкретные пацаны» одержат стратегическую победу, они распилят все, что поддается вывозу, и свалят за пять минут до того, как ситуация грохнет. Тогда-то и наступит реальность, из которой начало 90-х покажется цветочками. Причем советского наследия, которое можно было проедасть годами, и нефтедолларовой финансовой подушки уже не будет» («ЛГ». 2007. №19).

*В спор с И.Яковенко вступил историк и ведущий программы «Кто мы?» на телеканале «Культура» Феликс Разумовский. По его мнению, «комиссары рублевско-успенского призыва», идеологом которых выступает И. Яковенко, развернули в России строительство очередного **Котлована**, с той только разницей, что теперь это не коммунистическая, а капиталистическая стройка... Новым передовым классом объявлены люди «модернизированные». Все материальные ресурсы России — в их полном распоряжении... Остальным, как говорится, просьба не беспокоиться.*

Остальные — это так называемые традиционные. Им нет места на этом празднике жизни... все традиционные люди — обречены... эти «традиционные» бесполезно коптят небо и только путаются под ногами у «модернизированных».

Ф.Разумовский признает необходимость реформ, «но только не ценой России, а во благо России... Всем нашим горе-реформаторам всегда мешала историческая Россия и ее традиционный мир. Что только они не предпринимали, чтобы как-то избыть Россию... «быть готовым... преодолеть себя» — это их любимый клич. Яковенко тут не первый и не последний. На самом деле с этой самоубийственной задачей мы почти что справились. XX столетие было тут особенно плодотворным... Национальная культура подверглась чудовищным извращениям и подменам. Именно это загнало нас в исторический тупик...

Кризис идентичности или кризис беспочвенности — вот диагноз нашей болезни...

Нет и не может быть абстрактной «модернизации», «модернизации вообще». В противном случае она оборачивается денационализацией... Подобная «модернизация» изначально бесчеловечная... Реформы не должны быть проклятием России. Если они... вызывают деградацию русского мира и превращают большую часть населения страны в изгоев мифического нового прекрасного мира, подобные реформы должны быть отвергнуты на стадии проекта. Самопознание, изучение России, понимание русского мира является первым и важнейшим условием любой модернизации... Тем не менее национального проекта модернизации страны у нас нет до сих пор», а респектабельные партийцы из «Единой России» «не владеют национальной проблематикой, ибо реальная историческая Россия им решительно неведома. Для «национализации будущего» потребна национальная элита ...

Последняя русская модернизация многократно усугубила дефицит личности, которая буквально растворилась в безликой массе, соблазненной и помешанной на капиталистическом изобилии. В этой ситуации отстаивать общенациональные интересы просто некому. Массе в отличие от народа не способна к самостоятельности и историческому творчеству. Массе не может выделить лучших, она выносит на поверхность циничных и ловких, то есть «модернизированных» («ЛГ». 2007. № 22—23).

Словом, ловко отделал Ф.Разумовский И.Яковенко! Только вот полемики-то у них не получилось, а вышел обычный обмен мнениями «пикейных жилетов», безнадежных архаистов.

Для И.Яковенко — «Россия *вчистую* проиграла весь XX век», для Ф.Разумовского — в XX веке «русский мир был разрушен практически до основания». А ведь и для далеких потомков XX век будет началом эры покорения человечеством космоса. Забудут они имена руководителей государств и даже великих писателей, а имя Юрия Гагарина навеки вошло в мировую историю. Но ведь Гагарин не сам по себе — взял и полетел в космос. Его послала туда Страна Советов, ставшая почти на полстолетия лидером мирового развития, на тот момент величайшая, передовая держава на планете. Выходит, **это была эпоха величайшего взлета России и русского человека.** И нужно быть абсолютно слепым и глухим, чтобы этого не заметить. «Кипит народ минувших дней», — сказал бы по поводу этого спора архаистов «наше все». А Дмитрий Писарев добавил бы: «Стороны были достойны друг друга и одинаково смешны для беспристрастного наблюдателя».

Оба они пекутся о благе России, которой нет. Великая Россия — СССР развалена совместными усилиями либералов-«модернизаторов» и коммунопатриотов в союзе с внешними врагами страны. Все 90-е годы Россия оставалась колонией Запада. Ф.Разумовский, правда, оговаривается: то время «едва не обернулось для нее потерей суверенитета», но в том-то и дело, что слова «едва не» здесь совершенно излишни. Правительство Ельцина было самой настоящей колониальной администрацией. Оценку тогдашним чиновникам (и руководителям страны) недавно дал Владимир Путин: нужно было бы сажать в тюрьму тех, например, кто проталкивал колониальные соглашения о разделе продукции, по которым наша страна фактически бесплатно и навечно отдавала свои природные ресурсы иностранцам (а решения об этом принимались на самом высоком уровне). Хотя Путин прилагает некоторые усилия по преодолению наследия ельцинского правления, ему мало что удастся сделать, потому что либеральный экономический блок правительства проводит прежнюю политику, а почти вся правящая элита поражена коррупцией и саботирует его начинания. И еще неизвестно, чем это обернется после смены фигур на посту главы государства. Но эта особая тема.

Ни И.Яковенко, ни Ф.Разумовский не поняли характера нашей эпохи. Это не то время, когда можно «модернизировать» страну. Если страна остается колонией, бессмысленно говорить о ее модернизации или о «создании

в современной России эффективной экономики». Не дадут колонизаторы осуществить никаких созидательных программ. Не для того они разрушали СССР, чтобы на его месте возникла могущественная Россия. Да и вообще модернизацию страну нельзя проводить так, будто перед нами чистый лист бумаги, на котором мы можем чертить, что нам заблагорассудится. Иными словами, **наши дни — это не время мирного созидания по обдуманному плану, а эпоха национально-освободительной борьбы, когда нужно спасать страну от неминуемой гибели. И еще неизвестно, чем эта борьба обернется.** (Наши «полемисты, думается, даже не поймут такой постановки вопроса: «Что спасать? От кого?») А такая работа не делается в белых перчатках. Тут придется вычищать много грязи, и, вероятно, еще раз оправдаются слова поэта: «...дело прочно, когда под ним струится кровь». (Как свидетельствует история, чаще всего новая элита победителей отправляла побежденную элиту на плаху.)

Ф.Разумовский утверждает, что для России непригодны ни либеральные, ни деспотические проекты модернизации. К деспотическим он относит и опричнину Ивана Грозного, и советский период. А какие же еще проекты модернизации существуют в природе? Оказывается, это реформы, нацеленные на *«воспитание общества ответственных граждан»*. И в качестве самого масштабного и успешного национального проекта приводятся реформы Екатерины II.

Видимо, надо было долго думать, чтобы привести такой пример. Любой здравомыслящий человек скажет, что как раз реформы Екатерины создали в России класс совершенно безответственных граждан. Она подтвердила и ввела в действие указ Петра III «О вольности дворянской», по которому дворяне освобождались от обязательной службы, но сохраняли за собой землю и крепостных (которые им за службу и давались). На эту вопиющую несправедливость народ ответил такой войной («пугачевщиной»), которая потрясла самые устои государства. И крепостное право именно в ту пору достигло пика своей несправедливости и жестокости. Хороши условия для воспитания национальной элиты! Впрочем, понятно, почему нашим интеллигентам так по душе «екатерининское время»: ведь именно в среде освобожденного от службы дворянства и зародилась российская интеллигенция.

Беда современной России, по Ф.Разумовскому, в том, что мы не знаем исторической России. Не знали ее ком-

мунисты, не знали либералы-«модернизаторы». Знание это хранили первая русская эмиграция и отдельные островки в советском обществе вроде Пушкинского Дома. Только уж больно короткая получается у нашего историка историческая Россия. Ведь он исключает из нее не только 74-летний советский период, но и эпоху Московского государства, особенно Ивана Грозного с его опричниной. И получается историческая Россия в точно очерченных границах времени: 1613—1917 годы, время правления европеизаторов Романовых! Маловато для целой русской цивилизации. И насчет гайдаров и прочих «модернизаторов» тут допускается ошибка. Они творили свои черные дела не от незнания истории, а выполняя заказ своих зарубежных хозяев. А уж хозяева-то постарались Россию узнать — сотни исследовательских центров ее изучали, чтобы выявить ее уязвимые места.

В действительности периодизация истории России проста: сначала это эпоха Московского государства, когда русский народ, которому приходилось отстаивать свою независимость в непрерывных войнах, нашел себя в православном самодержавии — тоталитарном строе «осажденной крепости», принужденной жить, как говорил Д.И. Менделеев, «бытом военного времени». «Православное самодержавие» — это мировоззрение русского народа, выраженное в религиозных терминах. По выражению известного русского религиозного мыслителя, *«выше этих высот и шире этих широт национально-религиозное и религиозно-национальное сознание по существу никогда не подымалось»* (Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. М., 1991, с. 37).

Второй период — это правление Романовых, всеми силами стремившихся ввести Россию в шеренгу «цивилизованных европейских наций». Вот когда «русский мир был почти полностью разрушен.

Наконец, третий период — советская эпоха, которая явилась отрицанием романовского курса на европеизацию и возобновлением на новой основе исконно русского тоталитарного строя. Это была вершина развития русской цивилизации. Нашим «властителям дум» эта эпоха ненавистна потому, что тогда власть пыталась заставить интеллигенцию, «свободных художников», служить народу. (Ни Пушкина, ни Льва Толстого интеллигентами не назовешь.)

Нынешнее состояние России — это попытка либералов-«модернизаторов» вернуть из прошлого второй период, а

такие поползновения архаистов обречены на неудачу. А властителям, которые были приведены в Кремль интеллигенцией (вспомним ее 500-тысячные митинги в поддержку Ельцина), она оказалась совсем не нужна. И слава богу! В XX веке дважды интеллигенция была у власти в России: Временное правительство за несколько месяцев развалило Россию, и потребовались Октябрь и Гражданская война, чтобы снова собрать страну. Так называемое «самое образованное в мире» правительство Ленина добилося того же результата (по разрушению страны) еще быстрее, и потребовался Сталин, чтобы покончить с этим хаосом.

Нынешний «дикий капитализм» (который вовсе и не капитализм, а узаконенное воровство) — громадный шаг назад от советского строя. Так что его певец И.Яковенко — миннезингер вчерашнего дня, а Ф.Разумовский, живущий по сей день в «век Екатерины», — трубадур монархии, дня позавчерашнего. Я эти «два века ссорить не хочу», пусть они спорят между собой до хрипоты, к заботам наших дней это не имеет никакого отношения.

Но ведь СССР действительно рухнул, как и утверждают И.Яковенко и Ф.Разумовский. Факт краха СССР нельзя отрицать, но выводы из него делаются некорректные. Ведь цивилизации, как и люди, умирают по разным причинам. Скажем, одни уходят из жизни, потому что исчерпали свой жизненный ресурс, другие оказались жертвами убийц. Русская советская цивилизация показала наивысшую в истории эффективность, когда за десять лет (1929—1939) разоренная и неграмотная страна превратилась во вторую индустриальную державу мира и авангард мировой культуры, а затем одержала победу над самой страшной военной машиной гитлеровской Германии (фактически — объединенной Европы). В дальнейшем она обещала создание таких высочайших технологий, которые обесценили бы, сделали бы старьем технику Запада. Чтобы остановить это движение СССР вперед, против него и сплотились все темные силы мира. Советская цивилизация всего лишь переживала кризис, но именно в это время интеллигенция, лидеры которой шли на поводу у внешних врагов, нанесла подлый удар по своей стране и народу. Значит, советская цивилизация не окончилась крахом, а была остановлена в своем развитии предателями и убийцами. Какой бы ни была будущая русская цивилизация, она не может не быть продолжением и развитием своего предыдущего высшего этапа — советской цивилизации.

Но, — возражают антисоветчики, — ведь эти достижения оплачены слишком дорогой ценой, миллионами человеческих жизней! Да, жертв было много, желательно, чтобы их было меньше (не надо забывать, что убивали людей и белые, и красные, и сталинисты, и троцкисты). Но страна и народ были спасены. А когда народ находит себя, устанавливает свой строй и отстаивает свою обретенную независимость, то он за ценой не постоит.

Ф.Разумовский часто в своих телевизионных передачах вспоминает Бога. Значит, он должен бы знать, что мы представляем собой общество «падшего» человека. Люди живут стаями-государствами, в отношениях между ними много звериного, спорные вопросы они предпочитают решать силовым путем — от бытовой ссоры, переходящей в драку, до мировых войн. Желать, чтобы в таких обществах смена строя проходила без жертв — значит жить в мире иллюзий. А в революциях всегда больше виноват правящий класс, державшийся за свои устаревшие привилегии и не проводивший назревших реформ.

Ф.Разумовский прав в том, что либералы-«модернизаторы» не могут образовать необходимую России национальную элиту, они для этого *«элементарно профнепригодны»*. Но и почвенники-антисоветчики также не смогут стать элитой России именно потому, что не понимают и не принимают советского периода.

Сама идея о выращивании национальной элиты в лицеях и пансионатах порочна. Национальная элита России сложится не в процессе чтений и размышлений, а в ходе жестокой национально-освободительной борьбы, которая только еще начинается. И составят ее люди дела, но не прагматики, люди мысли, но не разговоров на темы культуры. Смешно даже подумать, что ее идеологами, наставниками руководителей государства могли бы стать, как полагал Ф.Разумовский, академики Дмитрий Лихачев и Александр Панченко (для полноты компании здесь не хватает только Васисуалия Лоханкина).

Еще одна особенность России — она при своих неисчислимых богатствах и необыкновенной одаренности народа время от времени сильно отставала от стран Запада в технологическом отношении. И когда такое отставание становилось критическим, опасным для самого существования государства, являлся волевой руководитель, вызывал к жизни новую элиту, которая брала народ за шкирку и тянула его к намеченной цели («светлому будущему»). Вот где причина «деспотических режимов», а не там, где

их видит Ф.Разумовский, не в зверских наклонностях вождей. Кажется, Бертран Рассел даже задавался вопросом: а можно ли иначе управлять героями Достоевского? Русские люди, конечно, не герои Достоевского, но они и совсем не такие, какими их представляют себе либеральные и почвенные архаисты.

Закончу эту главу несколькими цитатами из только что вышедшей (на момент написания) книги Юрия Лужкова «Россия 2050 в системе глобального капитализма» (М. 2007. С. 9, 13, 44, 45, 119).

«Без видения и понимания стратегической перспективы развития современного мира рассчитывать на успех в глобальной конкуренции не приходится. А такого видения России 1990-х и даже начала 2000-х годов остро не хватало. Мы смотрели в настоящее и прошлое, надеясь найти там магические рецепты «догоняющего развития». А смотреть надо в будущее — и России, и мира...»

Наши сегодняшние взаимосвязанные действия в области внешней и внутренней политики должны быть, во-первых, максимально подчинены цели достижения Россией необходимого и оптимального для нее положения в «завтрашнем дне» развития человечества. А во-вторых, — по возможности ориентированы на управление тенденциями мирового развития, то есть изменение прогнозируемых сегодня характеристик «мира будущего» в нужном нам направлении...

Россия в силу своих исторических, геополитических и социокультурных особенностей объективно не может быть интегрирована в слабеющую «глобальную коалицию», называемую Запад...

Россия — ведущая держава евроазиатского пространства, обладающая значительной возможностью влияния на мировую систему...

*Выход России на оптимальный сценарий развития до 2050 года определяющим образом зависит от способности переосмыслить в глобальном контексте новые требования, предъявляемые временем к государству и обществу. **Перейти от стратегии стабилизации страны к решению задач качественного модернизационного развития.***

Юрий Михайлович не сказал, что этот новый курс невозможен без установления контроля государства над частной собственностью*. Не говорит он прямо и о необхо-

* Это и понятно. Сам-то Лужков стал заправским помещиком XIX века, скупившим (за бесценок) в свою частную собственность леса, озера и бывшие советские санатории. Трудно найти более циничного демагога, нежели этот «градоначальник». — Ред.

димости смены правящей элиты (его официальное положение этого не позволяет). Но в свете той критики, какой он подверг ее в своей книге, этот вывод напрашивается сам собой.

Итак, смена элиты — условие сохранения и развития России. Но она произойдет в борьбе, и главное здесь — не поколения, а личности.

Другое условие — это наличие мощных Вооруженных сил, способных дать отпор любым попыткам внешних недругов поживиться за счет России. Попробуем разобраться и в этой непростой теме, ставшей в последние годы предметом острых дискуссий.

Продолжение следует

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

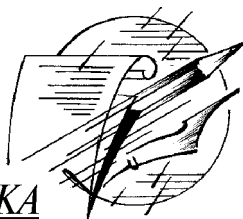
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Укрепление антирусских сил. — Разгул преступности. — Требование сионистов закрыть русские газеты. — Специалисты научного коммунизма становятся комиссарами перестройки. — Государственный переворот 1991 года. — Победа ставленников мировой «закулисы». — Проведение Общественного трибунала над Горбачевым

Жить становилось все тяжелее. Антирусские силы, захватившие многие рычаги власти, вместе со старой партийной номенклатурой были увлечены расхищением национального достояния и не думали о поддержании порядка в стране. Выпущенные из тюрем по распоряжению президента Ельцина уголовники безоговорочно поддержали «демократов». По разгулу преступности Москва как будто вернулась в 1917—1918 годы — убийства, грабежи, изнасилования. Демократы вместе с уголовниками рыскали по московским улицам в поисках наживы. По ночам в городе раздавались выстрелы. Мэром Москвы стал нечистый на руку Г. Попов, а его заместителем — уличенный

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

во взяточничестве Станкевич. Демократические отцы города приняли курс на установление отношений с мафией и уголовниками. Один из идеологов «воровской демократии» Н. Шмелев на одном из собраний в ЦДЛ, обращаясь к уголовникам, говорил: «Мы дадим вам жить. Давайте договариваться... Нам вместе будет хорошо». По сообщению одного моего знакомого с Петровки, за 1990—1992 годы преступность в Москве возросла почти в три раза. Каждый год в городе от рук уголовников погибали более 2 тысяч человек.

По заказу демократов совершались политические убийства. В феврале 1990-го убили русского ученого-антисеминиста Е.С. Евсеева, в апреле 1991 года одного из руководителей Общества «Память» К. Осташвили, в октябре 1991 года пуля еврейского бандита Шляфмана лишила жизни русского певца И. Талькова. Застрелив певца, бандит по протекции демократических властей благополучно бежал в Израиль. Чтобы отвести удар от убийцы, его организаторы пустили следствие по ложному следу, обвинив в нем русского парня. Любопытно, что национал-патриотический фронт «Память» провел собственное расследование и выяснил, кто был действительным убийцей певца. «Тальков погиб за слишком русские песни». С результатами расследования «Памяти» согласились и официальные следователи. На просьбу российской прокуратуры выдать Шляфмана Израиль ответил отказом.

Усиливалась борьба за влияние между отдельными группировками «демократических» уголовников. Две трети членов организованных преступных группировок были нерусскими. Начались войны между преступными группировками. Особенно агрессивно вели себя чеченцы и азербайджанцы. Последними было зарезано несколько десятков чеченских бандитов, после чего большинство из них решили вернуться на родину, а впоследствии они составили актив дудаевской власти.

В мае 1991 года по всем «подконтрольным» демократам средства массовой информации началась кампания с требованиями закрыть все патриотические газеты и журналы, а их руководителей, редакторов и авторов привлечь к суду по примеру Осташвили.

«Еврейская газета» 7 мая 1991 года опубликовала список «антисемитских изданий», куда включила 45 лучших русских журналов и газет, в том числе «Литературную Россию», «Русский Вестник», «Советскую Россию», «Наш

современник», «Молодую гвардию», «Слово», «Военно-исторический журнал», «Кубань», «Ветеран», «Истоки». В 1990-м сионистская организация «Объединенные советы в защиту советских евреев» распространила доклад «Антисемитизм в Советском Союзе», изобилующий грубыми выпадами в адрес русского народа. В нем отмечались русские общественные организации, издания и отдельные люди, внесенные сионистами в черный список за свою патриотическую деятельность.

Созданная еврейскими большевиками огромная армия «специалистов» по «научному» коммунизму и «научному» атеизму с легкой руки преподавателя «научного» коммунизма Бурбулиса переименовывается в «комиссаров перестройки». Они получают новое название — «политологи и религиоведы». Журналу «Коммунист» присваивается название «Свободная мысль», а журналу «Научный атеизм» — «Политолог». Однако сути дела это не изменило. И «политологи» и «религиоведы» сохранили все родовые пятна воинствующего еврейского большевизма, ориентированного на космополитизм и безбожие как орудия разрушения христианства.

Новые «политологи» и «религиоведы» по старым рецептам занялись тотальным промыванием мозгов подрастающего поколения. Те же самые преподаватели, которые читали «научный коммунизм», стали читать «политологию». Полки магазинов заполнили десятки учебников по политологии. У истоков этого политологического нашествия стоял видный советский масон Г. Шахназаров, один из серых кардиналов Горбачева. Еще при Брежневе Шахназаров считался главным специалистом по научному коммунизму, был ведущим автором учебника по этой «науке». Шахназарову принадлежат книги «Социалистическая демократия» и «Грядущий миропорядок», в которых, по сути дела, обосновывались масонские идеи создания мирового правительства.

Шахназаров, Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов и ряд их соратников еще в 70-е годы становятся членами Международной ассоциации политических наук, состоявшей преимущественно из масонов. Через этих лиц масонская идеология начинает оказывать влияние на советскую элиту. Многие космополитические идеи развиваются в рамках советской Ассоциации политических наук, руководителем которой долгое время был тот же Шахназаров. По инициативе советской ассоциации подобные же органи-

зации возникают в Чехословакии, Болгарии, ГДР, Венгрии, Румынии. Возглавляют их люди того же масонского склада, пронизанные духом космополитизма и безбожия.

Прямые наследники еврейских большевиков, новые комиссары перестройки осуществляют идеологическую подготовку государственного переворота.

План развала СССР, с учетом появления на политической арене Ельцина, был разработан в ЦРУ еще в 1988 году. Идея была такова — «в борьбе за свободу» выделить из советского государства как отдельные формирования Россию, Украину, Белоруссию и Казахстан. На роль вождя этой «борьбы» был выдвинут Ельцин. Создатели плана были уверены, что простое «озвучивание этой идеи» станет катализатором разрушительных явлений, спровоцирует другие республики на выход из СССР. Впервые идея была озвучена в статье Солженицына «Как нам обустроить Россию», а также была декларирована Ельциным в его интервью американской компании Эй-би-си 25 января 1991. В нем он заявил, что Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан готовы отделиться от СССР и создать свой собственный Союз. Совершенно секретно велись переговоры представителей американского правительства и ЦРУ с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем. В окружении Ельцина главным действующим лицом этих переговоров стал преподаватель научного коммунизма Бурбулис. На подкуп высоких должностных лиц, а также для проведения специальной пиар-кампании в их пользу американское правительство выделило более 100 млн. долларов (впоследствии смета была значительно превышена). Как в 50-е годы в Италии, так и в 1991 году в России деньги для пособников ЦРУ носили чемоданами из американского посольства. На Украину и в Белоруссию агенты ЦРУ провозили свои чемоданы через Польшу и Литву.

Весной и летом 1991 года, по сведениям, которые я получал от своих старых знакомых из спецслужб, резко усилилась активность американской резидентуры, работавшей в тесной связи с английской, израильской и немецкой разведками. Мои знакомые рассказывали мне, что такого «сбора стервятников всех мастей» — врагов России органы безопасности никогда не видели. Многие из них работали под крышей разных гуманитарных, экономических, религиозных и прочих неправительственных организаций. Попытки лояльных сотрудников наших спецслужб выдворить хотя бы часть враждебной агентуры

за пределы СССР наталкивались на противодействие со стороны высшего руководства.

В конце июля в Москву прилетел американский президент Буш. Однако, по мнению аналитиков КГБ, Буш вел себя не как президент, а скорее как бывший директор ЦРУ (этот пост он занимал в 70-е годы). Посольство США в Москве превратилось в координационный центр по подготовке государственного переворота в СССР. Буш сам оценил готовность агентуры, лично подолгу беседовал с центральными фигурами американской резидентуры. По просьбе Буша на его встрече с Горбачевым присутствовал очень узкий круг доверенных лиц (прежде всего А.Н. Яковлев). Как сообщали очевидцы, Горбачев беседовал с Бушем с глазу на глаз, стараясь по мере возможности уединиться.

Американское посольство в Москве и ЦРУ постоянно принимали у себя и инструктировали руководителей космополитического объединения «Демократическая Россия» — Попова, Афанасьева, Арбатова, Бурлацкого, Шмелева, Коротича, Станкевича. Опираясь на этих предателей, американское посольство усиливало тайную войну против подписания нового Союзного договора.

Подготовка и смена власти в России шла по технологии т.н. «оранжевых революций» — подготовка изменников, финансирование беспорядков, создание экономических трудностей. В СССР прелюдией государственного переворота 1991 года стали забастовки шахтеров, спровоцированные на деньги ЦРУ и осуществляемые под руководством подкупленных американскими агентами лидеров профсоюзов. Точно установлено, что лидеры кузбасских профсоюзов проходили обучение в США. Все они после государственного переворота уехали из Кузбасса.

8 августа 1991 года в «Независимой газете» было опубликовано обращение к президенту России, подписанное пятью видными еврейскими общественными деятелями — Афанасьевым, Баткиным, Библером, Боннэр и Буртиным, в котором содержался прямой призыв к срыву подписания Союзного договора. Изменники оказывали грубое давление на Ельцина, заявляя, что «подписание Союзного договора грозит оказаться роковым для будущего России и страны в целом». «Зачем России, — вопрошали они, — иметь под собой двух президентов? Зачем нужны два Верховных Совета? Два правительства?» Обращение давало повод Ельцину (возможно, оно с ним было

согласовано заранее) отказаться от подписания Союзного договора под предлогом якобы отрицательного общественного мнения.

В этих условиях у Горбачева и у его Кабинета министров, возглавляемого В. Павловым, почти не оставалось шансов удержать власть. Американская администрация и другие зарубежные покровители смотрели на Горбачева «как на мавра, который должен уйти». В дальнейшей политике разрушения страны для них предпочтительнее были Ельцин и его космополитическое объединение «Демократическая Россия».

Горбачев знал о готовящемся Западом государственном перевороте в СССР. Однако, как страус, прятал свою голову в песок, не мог понять, чем же он так не угодил мировой «закулисе», которой столько лет служил «верой и правдой». Однако мировая «закулиса» думала не о сохранении СССР, которым руководил Горбачев, а о расчленении его. В этом процессе Горбачев был для Запада помехой. Спасти СССР и самого Горбачева могли бы только решительные действия властей и введение чрезвычайного положения в стране.

Вопрос введения чрезвычайного положения обсуждался в присутствии Горбачева еще 5 августа. С его ведома Крючков и Язов образовали небольшую рабочую группу для изучения вопроса о целесообразности ввода ЧП и для разработки плана соответствующих мероприятий. Когда был принят Закон о правовом режиме чрезвычайного положения, КГБ, МВД и Министерство обороны поручили составить планы мероприятий и подготовить нормативные акты по его осуществлению.

18 августа к Горбачеву, находившемуся на отдыхе в Крыму, прибыли члены его правительства с просьбой в связи с огромной опасностью для страны одобрить введение чрезвычайного положения. Непонятно по сей день, одобрил Горбачев введение ЧП или нет. Разные участники событий и аналитики высказывали противоположные суждения.

Для введения чрезвычайного положения был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), куда вошли: вице-президент Г. Янаев, премьер-министр В. Павлов, министр внутренних дел Б. Пуго, председатель КГБ В. Крючков, министр обороны Д. Язов, 1-й заместитель председателя Совета обороны О. Бакланов, председатель Крестьянского союза В. Стародубцев,

президент Ассоциации государственных предприятий А. Тизяков.

Утром 19 августа ГКЧП объявил, что президент Горбачев по состоянию здоровья не может осуществлять функции главы государства. Его функции временно переходили к вице-президенту Г. Янаеву, в отдельных местностях вводилось чрезвычайное положение на срок 6 месяцев.

В постановлении №1 ГКЧП декларировалось следующее:

«В целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР, независимости и территориальной целостности страны, восстановления законности и правопорядка, стабилизации обстановки, преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР постановляет:

1. Всем органам власти и управления Союза ССР, союзных и автономных республик, краев, областей, городов, районов, поселков и сел обеспечить неукоснительное соблюдение режима чрезвычайного положения в соответствии с Законом Союза ССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениями ГКЧП СССР. В случаях неспособности обеспечить выполнение этого режима полномочия соответствующих органов власти и управления приостанавливаются, а осуществление их функций возлагается на лиц, специально уполномоченных ГКЧП СССР.

2. Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР.

3. Считать впредь недействительными законы и решения органов власти и управления, противоречащие Конституции СССР и законам СССР.

4. Приостановить деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки.

5. В связи с тем, что Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР временно берет на себя функции Совета Безопасности СССР, деятельность последнего приостанавливается...»

По данным социологического обследования, 70% населения СССР одобительно отнеслись к воззванию ГКЧП.

Однако дальше деклараций члены ГКЧП не пошли. Вместо жестких, решительных действий по изоляции и уничтожению изменников, связанных с западными спецслужбами и преступивших законы СССР, последовало странное выжидание. Вместо того, чтобы призвать народ снизу навести порядок в стране и уничтожить всех врагов Русского государства, деятели ГКЧП ограничились жалкой пресс-конференцией по телевидению, которая вызвала чувство всеобщего разочарования. Поведение ГКЧП дискредитировало идею народного сопротивления преступному космополитическому режиму.

В отличие от ГКЧП антирусские силы действовали быстро и организованно.

Во всем чувствовалось, что государственный переворот был заранее подготовлен мировой «закулисой», а роль Ельцина была чисто номинальной.

Листая записи в своем дневнике, я в который раз нахожу подтверждение, что события 19—22 августа 1991 года были результатом хорошо спланированного заговора, осуществленного по технологиям «оранжевых революций».

Утром 19 августа я находился на отдыхе в Тульской области. Я еще купался в речке, когда прибежала встревоженная Таня и сообщила мне, что в Москве происходят странные дела, то ли умер Горбачев, то ли заболел. Введено чрезвычайное положение, власть перешла в руки Янаева, Павлова, Крючкова, Язова... Моя первая реакция на это известие была однозначна: слава Богу, нашлись волевые люди, которые наконец-то решились навести в стране порядок, уничтожить изменников, тянувших Россию в пропасть. Однако сразу же меня удивило, почему нет сообщений об аресте Ельцина и окружающей его когорты предателей Родины.

Срочно сев в машину, я направился в Москву. Все 300 километров пути, которые я преодолел за 4 часа, ничто не говорило о том, что в стране ведено чрезвычайное положение. Только уже в Москве на Ленинградском шоссе стояло несколько танков. Небольшое количество военной техники располагалось возле Верховного Совета РСФСР и зданий некоторых министерств и ведомств.

Вначале Ельцин и другие заговорщики были в панике, готовились бежать за границу. Изолировать их в то время и лишить всякой связи было очень просто. Но вместо решительных действий ГКЧП фактически передали инициативу в руки заговорщиков.

Здание Верховного Совета РСФСР (Белый дом) стало штабом государственного переворота, центром собирания антирусских сил. К вечеру 19 августа вокруг него стали появляться оплаченные ЦРУ активисты «Демократической России», «Эхо Москвы» и ряд других антирусских радиостанций, финансируемых из фондов западных спецслужб, начали невиданную доселе подрывную пропаганду, используя выработанные в ЦРУ методики ведения психологической войны. Большую роль в организации антирусских сил сыграла финансируемая из Израиля и США сионистская организация «Иргун Циони» и, прежде всего, ее террористическое подразделение «Бейтар». В числе ее руководителей был известный мне еще с 1989 года Боксер, один из соратников Лужкова. По распоряжению последнего бейтаровцам выдали оружие и сориентировали на проведение террористических актов против руководителей СССР. Члены сионистской организации стали детонатором многих подрывных акций вокруг Белого дома.

По сигналу невидимого режиссера около Белого дома появились пункты питания, стали раздаваться одежда и водка, начались выступления заранее оплаченных музыкантов и певцов. Разыгрался невиданный в истории России карнавал изменников и предателей. К Белому дому стянулись толпы любителей халявы, сторонников «Демократической России» (преимущественно евреи и кавказцы). 20 августа я ходил посмотреть на это сборище врагов великой страны. Должен сказать, что русских лиц там было сравнительно немного, преобладал еврейский и восточно-кавказский тип. Опыаненные безнаказанностью и предвкушением наживы фигуранты зловещего карнавала были разбиты на группы, которыми руководил все тот же невидимый режиссер. С уверенностью утверждаю, что 20 числа этот сброд можно было легко разогнать, ибо абсолютное большинство населения было настроено в пользу ГКЧП. И это была бы справедливая победа не меньшинства над большинством, а преобладающего большинства над немногочисленными «оранжевыми революционерами». Требовались воля и призыв, но их не было. Члены ГКЧП оказались на поверку провокаторами, всколыхнувшими страну, но побоявшимися взять на себя ответственность.

Ельцин убедил командующего воздушно-десантными войсками генерала П. Грачева нарушить приказ и присо-

единиться к заговору. Грачев направил к Белому дому в поддержку Ельцина танки и батальон десантников.

Организуется опереточное, жульническое «спасение президента Горбачева из заточения». В самолете, летевшем на «спасение» Горбачева, вместе с Руцким и Силаевым ехали космополитические функционеры и группы иностранцев, в том числе сотрудники спецслужб. Поддержка последних была очень активна. Агенты ЦРУ стали организаторами многих мероприятий российского правительства по захвату власти в СССР и по аресту 21 августа советского правительства за участие якобы в антиконституционном перевороте.

По выводам одного из бывших руководителей советской контрразведки генерала В. Широина, Горбачев одобрил введение ЧП. Прикрываясь недомоганием, он просто выжидал. Кто-то «не посоветовал» ему прежде времени покидать Форос. «На мой взгляд, — писал В. Широин, — с Горбачевым в тот момент «вели игру». События в Москве разворачивались таким образом, что у американских спецслужб появилась возможность воспользоваться ситуацией и совершить такой переворот, который помог бы разом покончить с КПСС. Но для этого пришлось бы пожертвовать Горбачевым. И с очень большой долей вероятности можно предположить, что, связавшись по срочной связи с Вашингтоном, посольство США в Москве запросило согласие на переориентацию своей политической ставки с Горбачева на другого лидера (на самом деле это было оговорено заранее. — О. П.). Вскоре такое согласие было дано. На мой взгляд, в результате августовских событий в дураках оказался сам Горбачев. По такому поводу в народе обычно говорят: пошел за шерстью, а вернулся стриженным».

Под предлогом борьбы с ГКЧП космополитические, антирусские силы под руководством мировой «закулисы» и западных спецслужб ликвидировали союзное советское правительство и окончательно добились КПСС как объединяющую государственную структуру. Изменники и поддерживавшие их иностранные правительства, как в 1917 году, разрушили исторический центр Русского государства, аннулировали итоги тысячелетнего труда десятков поколений русских людей по собиранию земель вокруг Москвы.

Уже 19 августа Ельцин издал антиконституционные указы, с помощью которых незаконно подчинил себе со-

юзные государственные структуры, в том числе МВД, КГБ, МО СССР, устранив и лишив тем самым власти высшие, законодательные органы страны: Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР.

После подавления т.н. «путча», Ельцин спешит с изданием других незаконных указов — «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» (20.09.1991), «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» (22.09.1991), «О роли Совета Министров РСФСР в системе исполнительной власти Российской Федерации» (11.10.1991), которые фактически прекратили действие Конституции СССР на территории РСФСР и демонтировали систему исполнительной союзной власти.

7 ноября 1991 года деятельность Коммунистической партии была запрещена. Еще ранее Горбачев отказался от поста Генерального секретаря КПСС и посоветовал Центральному Комитету самораспуститься. Коммунистические функционеры за редким исключением заняли позицию угодничества перед космополитическими силами. Составляя более половины депутатов РСФСР, бывшая партноменклатура покорно поддерживала все антинародные указы Ельцина и даже не пыталась противостоять им.

Желая удержаться у власти, Горбачев начинает создавать новые союзные структуры по управлению экономикой, во главе которых он ставит известных космополитических деятелей — И. Силаева и Г. Явлинского.

Для управления страной Горбачев формирует Политсовет из таких антирусских политиков, как Г. Попов, В. Бакатин, Ю. Рыжов, А. Собчак, А. Яковлев, Е. Яковлев, Г. Шахназаров, Г. Ревенко, И. Лаптев — связанных с администрацией США и западными спецслужбами. Однако мировая «закулиса» уже сделала свой выбор. Политика Ельцина на захват власти путем окончательного разрушения СССР была для нее более предпочтительна, нежели курс Горбачева на сохранение хотя бы какого-нибудь условного союзного центра.

К ноябрю 1991 года единого государства, именуемого с 1922 года СССР, правопреемника Российской империи, уже фактически не существовало. Закулисная работа администрации США и некоторых других западных стран препятствовала любым попыткам создать движение за возрождение Союза, хотя бы в новых формах. В начале

декабря на Украине прошел референдум о независимости. Путем многочисленных фальсификаций, обмана (вопрос на референдуме был поставлен некорректно) и давления антирусские силы добились положительных для себя результатов. Вмешательство западных стран в этот референдум было беспрецедентным. На Украину от разных «благотворительных организаций» пошли многочисленные посылки с «гуманитарной помощью» и поздравления с грядущей «независимостью Украины». За день до референдума американский президент широко объявил о своей поддержке «свободной Украины».

О том, что референдум на Украине был фальсифицирован, свидетельствовали данные специального опроса, опубликованные в конце ноября 1991 года. Они показали, что не только на Украине, но и в других частях Советского Союза, несмотря на желание космополитических сил разрушить СССР, абсолютно большая часть населения его стояла за сохранение единого государства.

По сравнению с 17 марта, когда 73% граждан проголосовали за сохранение Союза, настроения избирателей практически не изменились. По данным опроса, в городах РСФСР, Казахстана и Украины за Союз высказались 75% ответивших. В Москве число его сторонников возросло с 50 до 81%, в Киеве — с 45 до 60%.

Государственный переворот, начатый космополитическими силами под руководством Б. Ельцина в августе 1991 года, завершился 8 декабря в Вискулях, в Беловежской Пуше, на границе Польши и Белоруссии. Здесь вопреки воле Русского и других народов СССР президентом РСФСР Ельциным, президентом Украины Кравчуком и председателем Верховного Совета Белоруссии Шушкевичем было подписано соглашение о «прекращении существования» Советского Союза и о создании Содружества Независимых Государств (СНГ).

Подписание этого соглашения было актом государственной измены. Оно противоречило Конституции и законам СССР, которые никто не отменял. Ни один из участников подписания не имел юридических полномочий на это. Но главное, Беловежское соглашение предавало национальные интересы Русского народа, перечеркивало его тысячелетний мирный и ратный труд по созиданию великой державы. Люди, подготовившие и подписавшие Соглашение, были государственными преступниками, предателями Русского народа.

Со стороны правительства Российской Федерации в этом преступном акте участвовали, кроме Б. Ельцина, Г. Бурбулис, Т. Гайдар, С. Шахрай, А. Козырев, В. Илюшин, М. Полторанин и другие. Все они являлись агентами влияния США, прошедшими соответствующую подготовку и согласовывавшими свою деятельность с пожеланиями американской администрации. Несмотря на то, что при подписании Беловежского соглашения были попраны не только Конституция и законы СССР, но и основы международного права, ни одно из западных государств не высказало протеста против него; наоборот, все они приветствовали деятельность преступников.

После подписания Беловежского соглашения последнее слово оставалось за «парламентами» республик, однако они с позорной готовностью проштамповали решение о СНГ. 10 декабря Соглашение о создании СНГ ратифицировали Верховные Советы Украины и Беларуси, а 12 декабря российский «парламент». В Верховном Совете Российской Федерации против Беловежского соглашения из 196 депутатов проголосовали только 6 (Бабурин, Исаков, Павлов, Константинов, Лысцов и С. Полозков); в Верховном Совете Украины — 3; в Верховном Совете Белоруссии — 1 (будущий президент Белоруссии А. Лукашенко). «Народные избранники» трех республик денонсировали постановление о создании СССР и приняли решение о прекращении полномочий депутатов в союзных законодательных органах.

26 декабря Совет Союза Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР. Горбачев в те дни, когда нужно было постоять за страну и попытаться объединить силы сопротивления против изменников Родины, униженно торговался с Ельциным о благах и привилегиях, которые он хотел получить после отставки с поста президента СССР. Горбачев выклянчил себе пенсию в размере президентского оклада, президентскую квартиру, дачу, служебную машину для себя и жены, а также для создаваемого им фонда своего имени, комплекс зданий на Ленинградском проспекте, ранее принадлежавших ЦК КПСС и Академии общественных наук, со всем имуществом, оргтехникой и обслуживающим персоналом общей стоимостью более 100 млн. долларов.

Для многих русских людей имя Горбачева стало символом предательства и измены и олицетворением самого страшного преступника в тысячелетней истории нашей

многострадальной Родины. Еще летом-осенью 1991 года возникло народное движение, требовавшее привлечения Горбачева «к уголовной ответственности за развал страны и обнищание народа». От имени Генеральной прокуратуры СССР государственный советник юстиции В. Илюхин возбудил уголовное дело в отношении президента Горбачева по ст. 64 УК РСФСР — за измену Родине.

Активисты народного движения за привлечение Горбачева к ответственности (решающую роль здесь играл бывший государственный прокурор В. Илюхин) образовали Общественный Трибунал, который на открытом заседании в феврале 1993 года рассмотрел дело по обвинению в антиконституционной, антинародной деятельности, предательстве народов и государства М. Горбачева и постановил:

Горбачева Михаила Сергеевича, бывшего Президента СССР, объявить предателем интересов народов Союза Советских Социалистических Республик и Государства, признать виновным в совершении следующих антигосударственных деяний, направленных против народов СССР и других стран мира:

- в умышленном нарушении и неисполнении Конституции СССР, других законодательных актов, клятвопреступлении;

- в преднамеренном и широкомасштабном предательстве национальных интересов, в подрыве обороноспособности и безопасности Союза ССР, разрушении его территориальной целостности, уничтожении системы управления народным хозяйством, развале экономики, в подготовке и реализации реакционного, антиконституционного социального переворота и реставрации капитализма, в резком обнищании народа и подрыве его власти, в уничтожении великого государства;

- в провоцировании национальных столкновений внутри СССР и попустительстве им, что повлекло массовую гибель невинных людей, неисчислимые материальные, духовные потери, массовые нарушения прав человека;

- в подрыве внешнеполитических позиций СССР, лишении его выгодных союзнических отношений со многими странами;

- в нарушении основ сложившегося международного порядка и безопасности, содействии иностранным державам в развязывании локальных и региональных конфликтов, могущих вызвать третью мировую войну;

— в нарушении священной силы международных договоров, в преднамеренном подрыве Ялтинских, Потсдамских, Хельсинкских договоренностей, вероломном пересмотре итогов Второй мировой войны;

— во лжи и лицемерии, цинизме, личной моральной нечистоплотности, карьеризме, корысти, злоупотреблении властью, попрании нравственных ценностей, выработанных нашими народами за многовековую историю.

Содеянное подсудимым подпадает под действие статьи 64 УК РФ — измена Родине, — предусматривающей применение исключительной меры наказания. Народный Общественный Трибунал руководствовался статьями 64, 69, 73, 75, 170 УК РФ.

Кроме того, Народный Общественный Трибунал учитывал, что многие деяния подсудимого не квалифицируются Уголовным кодексом, так как законодатель на момент составления и принятия законодательных актов не мог и предположить существование таких преступлений.

Народный Общественный Трибунал приговорил Горбачева М.С. за измену Родине, предательство трехсотмиллионного народа СССР, смерть сотен тысяч людей, кровь сотен тысяч раненых, обнищание миллионов тружеников и муки миллионов беженцев **к вечному проклятию и позору**.

Народный Общественный Трибунал обратился к Верховному Суду Российской Федерации с просьбой возбудить уголовное дело в отношении М. Горбачева и применить при его рассмотрении положение постановляющей части настоящего Приговора.

Хотя постановление и приговор Общественного Трибунала относились только к Горбачеву, они в равной степени могли быть справедливо применены к Ельцину и ко всем другим деятелям космополитических объединений, таких, как «Межрегиональная депутатская группа» и «Демократическая Россия».

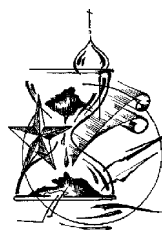
Продолжение следует

Сергей РОДИН

ТВОРЦЫ «НОВОЙ НАЦИИ»

Первая кампания по тотальной украинизации Малороссии началась сразу же после октябрьского переворота 1917 года. Чехардой пронесшиеся опереточные режимы «украинцев» (Центральная Рада, Гетманщина, Директория) были слишком ограничены временем и пространством для организации широкомасштабного наступления на русский язык и культуру и поэтому ограничивались в основном принятием деклараций да комедийной сменой вывесок на магазинах и учреждениях тех городов, в которых им удавалось на время устанавливать свою власть. К этому добавлялось изгнание с работы всех служащих, не владевших украинской. После утверждения в России коммунистического режима дело украинизации приняло совершенно иной размах.

Уже в первых своих актах, касавшихся Малороссии, большевики недвусмысленно заявили о полной поддержке украинского самостийничества, правда, в его коммунистической упаковке. 28 декабря 1919 г Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». В нем он провозглашал готовность своей партии идти на максимальные уступки «украинцам»: «...мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разно-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

гласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются *государственной независимости Украины*, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»¹.

Всемерная поддержка гарантировалась и украинскому новоязу, который большевики планировали превратить «в орудие коммунистического просвещения трудовых масс». Поэтому, как гласила «Резолюция ЦК РКП (б) о Советской власти на Украине» (2 декабря 1919 г.), все должностные лица советских учреждений должны в обязательном порядке овладеть «мовою»². А в телеграмме Сталину от 22 февраля 1920 г. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». При этом подчеркивал, что это «безусловно необходимо» — «*насчет языка все уступки*»³.

Подобная позиция убежденных «интернационалистов», адептов «мировой революции» и окончательного искоренения любых «наций» вызывала поначалу немалое удивление, причем не только местных малороссийских парторботников, но даже у некоторых «столпов» международного коммунистического движения. Известная немецкая и польская социал-демократка, впоследствии — одна из основательниц коммунистической партии в Германии, Роза Люксембург в специальной статье о революции в России, написанной сразу после заключения большевиками Брестского мира и оккупации немцами Малороссии, отмечала:

«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем просто *причудой, кривляньем нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко*. Буквально так, как если бы в одно прекрасное утро жители «Ватерканте» (побережье Северного моря, где население говорило на нижненемецком диалекте. — С.Р.) вслед за Фрицем Рейтером (писателем, писавшем на том же диалекте. — С.Р.) захотели бы образовать новую нижненемецкую нацию и основать самостоятельное государство! И такую смехотворную шутку не-

скольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т.д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, причем не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции! Из этого пустого яйца в Бресте вылезли германские штыки»⁴.

Таким образом, Р.Люксембург открыто возлагала ответственность за немецкую оккупацию Малороссии в 1918 г. на большевиков. Те ознакомились с ее мнением, но от поддержки виртуальной «украинской нации», «причуды нескольких университетских профессоров и студентов», не отказались. Напротив, провозгласили ее официальной политикой нового режима, переименовав Малороссию в «Украинскую Советскую Социалистическую Республику» (УССР) и поставив дело украинизации края на государственную основу.

При этом насаждать ее они стали с неслыханной жестокостью. Сразу же после захвата Киева большевистской ЧК были уничтожены те Русские деятели, которые еще до революции последовательно боролись против украинства. В телеграмме представителя Всероссийского центра в Киеве Федоровского от 20 мая 1919 г., адресованной в «Наркомпрос Наркому Покровскому. Копия: Кремль, Горбунову», сообщалось:

«Чрезвычайка расстреляла через двадцать четыре часа после ареста профессоров Флоринского, Зилова физика и Армашевского минеролога. Последние два старика около семидесяти лет. Надо положить конец произвольным расстрелам научных и технических сил... Высшая школа здесь на задворках, управляют ею мальчишки комиссары».

Федоровский полагал, вероятно, что все дело в произволе «мальчишек комиссаров», а между тем они действовали строго в соответствии с указаниями, полученными сверху. Так, в протоколе Особой комиссии Киевской ЧК от 19 мая 1919 г. напротив искаженной фамилии «Армашевский Петр Яковлевич» (в документе: Аркашевский) значится постановление: «Применить высшую меру наказания, известив предварительно т. Раковского». То есть «доложить об исполнении» следовало украинскому Совету Народных Комиссаров, председателем которого на тот

момент и являлся Х.Г.Раковский (1873—1941). В том же списке на уничтожение — «Щеголев Сергей», автор широко известных книг об украинском сепаратизме, приговоренный к «высшим мерам наказания» и конфискации наличных денег⁵.

Вслед за ликвидацией противников украинского сепаратизма, коммунистическая власть принялась за навязывание Малороссии украинского новояза. 21 сентября 1920 г. Совнарком УССР принял постановление о введении украинского «языка» в школах и советских учреждениях республики. Постановление особо настаивало на «изучении» его во всех «учреждениях по подготовке работников просвещения». Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих⁶.

При этом коммунисты сразу дали понять, что и в деле украинизации Малороссии не остановятся ни перед чем, включая открытое насилие и террор. Красноречивый эпизод в этом плане воспроизводит в своих воспоминаниях Лидия Новгородцева, жена известного ученого П.И. Новгородцева. В конце Гражданской войны она оказалась в Полтаве, где работала учительницей женской гимназии. После разгрома деникинцев и прочного установления в городе Советской власти в гимназию пришел приказ украинизироваться:

«Родительский комитет высказался единогласно против украинизации. Члены комитета указали между прочим на то, что они считают русский язык своим и что даже нет учебников, написанных на «украинском» языке. Вскоре был получен вторичный приказ украинизировать школу и был прислан ящик с учебниками, напечатанными в Австрии для галицких школ. Большевистское начальство даже не удосужилось вырвать из учебников портреты «найяснішого пана цісаря» Франца-Иосифа. Члены родительского комитета заявили, что они своих детей в такую школу посылать не будут и объявили бойкот гимназии. За это они были арестованы ЧК».

Дальнейшая судьба арестованных родителей неизвестна, зато известно, что вопрос об украинских учебниках был положительно решен на самом высоком уровне правящей коммунистической верхушки. В октябре 1921 г. в разоренной, голодающей стране советское правительство выделило 500 тысяч рублей золотом на печатание за границей украинских учебников. Позднее по личному указанию Ленина на эти цели было выделено еще 250 тысяч золотых рублей⁷.

* * *

Завершение Гражданской войны придало новый импульс украинизаторским усилиям коммунистов. «Нам необходимо приблизить украинский язык к пониманию широких масс украинского народа», — очертил задание председатель Совета Народных Комиссаров УССР Влас Чубарь. Но приближать стали не язык к народу, а наоборот. Руководствовались тезисом украинского академика Агафангела Крымского (1871-1942): «Если на практике мы видим, что люди затрудняются в пользовании украинским языком, то вина падает не на язык, а на людей»⁸. Следовало выбить из населения Малороссии русское национальное сознание и его материальное выражение — русский язык. С этой целью 1 августа 1923 г. было принято постановление Всеукраинского ЦИК и Совнаркома УССР «О мерах по обеспечению равноправия языков и о содействии в развитии украинского языка». Декларировавшееся «равноправие языков», разумеется, являлось не более чем дымовой завесой, призванной скрыть истинную цель развернувшейся кампании: объявление тотальной войны русскому языку и русской культуре. В постановлении откровенно говорилось, что «признававшееся до сих пор формальное равенство между двумя наиболее распространенными на Украине языками — украинским и русским — *недостаточно*», ибо «жизнь, как показал опыт, приводит к *фактическому преобладанию русского языка*»⁹. А раз так, следует эту реальную жизнь исковеркать и изуродовать до такой степени, чтобы она стала, наконец, соответствовать принятому партийному курсу. В средствах не стеснялись, делая упор на самое излюбленное из них — насилие.

Задействованными оказались все возможные структуры власти, от законодательных до карательных. Для перевода Русского населения на «мову» были созданы «трой-

ки по украинизации» (по типу печально знаменитых «троек ГПУ», отправивших на смерть миллионы людей), а также тысячи «комиссий» того же рода. Всем служащим предприятий и учреждений было предписано незамедлительно перейти на украинский язык. Замеченные в «отрицательном отношении к украинизации» сразу увольнялись. Теперь на украинский новояз переводились не только документация, вывески, газеты, но даже разговаривать в учреждениях по-русски запрещалось. Когда, например, в Народном комиссариате просвещения обнаружили, что в подведомственных учреждениях и после украинизации преподавательского состава технический персонал остается русскоязычным, то распорядились, чтобы под угрозой немедленного увольнения все уборщицы, дворники, курьеры перешли исключительно на украинский. А поскольку никто из них «мовы» не знал, им было предписано пройти курсы по ее изучению, причем деньги на эти курсы вычитались из их зарплаты¹⁰. Впрочем, принимались меры и покруче. Директор Украинского института лингвистического просвещения в Киеве И.М. Сияк (выходец из Галиции) категорически запретил говорить в возглавляемом им учреждении на русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института¹¹...

А сверху продолжали сыпаться грозные циркуляры. 30 апреля 1925 г. вышло новое постановление ЦИК и Совнаркома УССР, предписывавшее всем государственным учреждениям и государственным торгово-промышленным предприятиям перейти на украинское делопроизводство не позднее 1 января 1926 года. Этим же постановлением на рабоче-крестьянскую инспекцию возлагалась обязанность проведения периодических проверок украинизации советского аппарата¹². 6 июля 1927 г. очередное постановление, которое не только повторяло требование о ведении всего делопроизводства на «мове», но и обязывало руководителей предприятий и учреждений увольнять без предупреждения и выходного пособия всех сотрудников, не выучивших украинский язык в установленные сроки или настроенных против украинизации¹³.

В приказном порядке украинизировались пресса, издательская деятельность, радио, кино, театры, концертные организации. Украинизация прессы достигла в 1930 г.

68,8%, а в 1932 г. эта цифра поднялась до **87,5%**. К 1930 г. осталось только три крупные газеты на русском языке (в Одессе, Донецке и Мариуполе)¹⁴. Борьба с газетами на русском языке достигла такого накала, что на Украине ограничили распространение даже центральных газет, в том числе главного печатного органа ВКП(б) — газеты «Правда». На XV окружной конференции Киевской организации КП(б)У (1930) один из ее делегатов, старый большевик, поведал следующее: «Я хочу остановиться на деле распространения центрального органа нашей партии — «Правды». Я распространял ее, когда она была еще маленькой газетой, когда ее начали только издавать. Должен сказать, что сейчас ее намного труднее распространять, чем при меньшевиках» (т.е. Временном правительстве). Как рассказал далее этот делегат, когда он обращался в партиячейки на киевских заводах с просьбой поспособствовать в проведении подписки на газету среди рабочих, то неизменно наткнулся на отказ. «Говорят, что нужно украинизироваться, распространять украинские газеты, а поэтому «Правда» не нужна»¹⁵. Вместо центральной партийной газеты секретари заводских партиячеек распространяли украиноязычную «Пролетарську правду». Примечательно, что участники конференции, выслушав жалобщика, не поддержали его. Наоборот, было принято решение «увеличить подписку на украинскую прессу и провести дальнейшую украинизацию заводской прессы», «еще больше распространять украинскую прессу среди рабочего класса»¹⁶.

Так обстояло в УССР дело с газетами. Что касается журналов, то в 1928 г. 71,2% из них издавались на украинском, а в следующем году эта цифра достигла **84%**¹⁷. Украинские книги в общей массе книжной продукции составляли в 1925—1926 гг. — 45,8%, в 1927—1928 гг. — 53,9%. В 1931г. — **76,9%**¹⁸. Та же участь постигла и театр. Первоначально в этой сфере (особенно в оперных театрах) украинизация продвигалась с большим трудом. К 1927 г. она охватила лишь 26% театральной сферы. Но затем дело пошло быстрее и к началу 1930-х годов русскоязычные театры были фактически вытеснены с Украины, а центральные театральные помещения перешли к украинским труппам. В 1931 г. в УССР было 66 украинских, 12 еврейских и только 9 русских стационарных театров¹⁹.

К 1927 г. 82% школ УССР были украинизированы, 76% от общего числа учащихся посещали украинские школы²⁰.

С середины 20-х годов именно украинский новояз преимущественно использовался при ликвидации безграмотности. Так, в 1925/26 учебном году в УССР существовало 13 350 ликбезов на украинском (на русском языке таких ликбезов насчитывалось только 3321)²¹. В 1927 г. 78% всех ликбезов проводили обучение на украинском²². Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. в республике насчитывалось 14 430 украинских начальных школ, (русских 1504)²³. «Мова», с довольством отмечает в это время украинизатор-языковед Алексей Синявский, «из языка жменьки полулегальной интеллигенции до Октябрьской революции волей этой последней становится органом государственной жизни страны»²⁴.

Активно велась работа по кодификации литературных норм, по упорядочению лексики и орфографии «мовы». В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, который разрабатывал научную терминологию. С 1925 г. при украинском Совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского новояза. В 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, на которой предметом обсуждения стала единая система орфографии (она была введена в действие постановлением Совнаркома УССР в 1928 г.). Реформа правописания укромовы, осуществленная под руководством Николая Скрыпника, сменившего на посту наркома просвещения УССР А.Я.Шумского, не только закрепила результат аналогичной «работы» Грушевского, но и пошла еще дальше в деле окончательного отрыва ее от русского языка. Вот только некоторые перлы украинского «*правопысу*» 1928—1929 гг.: «діялектика», «плян», «парлямент», «соціяльний», «нарід», «мапа», «фльо-та», «карафа», «фіранка» и т.д. и т.п. В докладе, зачитанном в январе 1929 г. в Коммунистической академии, специалист по «культурному строительству в национальных республиках» С. Диманштейн отмечал главное достижение украинизации:

«Возьмем дореволюционный украинский язык на Украине, скажем, язык Шевченко, и теперешний украинский язык, с одной стороны, и русский язык — с другой: Шевченко почти каждый из вас поймет. А если возьмете какого-либо современного украинского писателя — Тычину, Досвитского или другого из новых, — я не знаю, кто из вас, не знающих украинского или хотя бы польского

языка, поймет этот язык на основе русского. *По отношению к русскому языку мы видим здесь значительное увеличение расхождения*²⁵.

Что, собственно, и являлось подлинной целью украинизации: любыми способами **увеличить расхождения с русским языком** вновь создаваемого украинского новояза. При этом откровенное признание странной и диковинной особенности этого вновь изобретенного «языка»: он мог быть понятен *только при знании польского!*..

* * *

Впрочем, действительность оказалась не такой податливой, как хотелось бы украинским коммунистам. «Тип «малоросса» не умер и до сих пор на Украине», — негодовал «щирый украинец» В.Г. Коряк (Блумштейн). «Презренный шкурнический тип малоросса, который... бравировал своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его», — постоянно клеймил и А.Я. Шумский, нарком просвещения УССР в 1924—1927 гг.²⁶.

Действительно, «косный и отсталый» народ никак не желал поддаваться украинской дрессировке, упорно держась за свой родной русский язык. «Украинская литература широко не идет, приходится *силой распространять ее*», — жаловался на I Всеукраинском учительском съезде (1925) делегат Киевской губернии²⁷. Но и принуждение мало помогало. Украиноязычные газеты теряли читателей. «Обывательская публика желает читать неместную газету, *лишь бы не украинскую*» — записывает в дневник Сергей Ефремов²⁸. Однако ничем не отличались от «обывательской публики» и слушатели высших «курсов украинознания», которым присваивалась категория «хорошо знающих» украинский язык:

«Проверка того, как и что именно читает наш слушатель из периодики украинской, то и дело давала очень плохие результаты, — сообщается в отчете за 1929 год. — Конечно, слушатель говорит, что читает «Комуніст», «Вісті» или рабочую газету «Пролетар», но это в основном не искренне — в лучшем случае он просматривает кое-как и то очень поверхностно эти газеты, а доказательство этому то, что редко какой слушатель мог назвать хоть одного-двух постоянных сотрудников той или иной газеты»²⁹.

Не желали читать украинских газет и селяне:

«Наша украинская газета еще мало распространяется

на селе — докладывал на уже упомянутом учительском съезде делегат из Харькова. — Возьму пример: у нас на Харьковщине на селе русская газета «Харьковский пролетарий» по каким-то причинам лучше распространяется, почему-то ее больше выписывают, чем «Селянську правду»³⁰.

Та же картина наблюдалась в театрах. Посещаемость украиноязычных спектаклей резко упала. Чтобы заполнить зрительные залы, властям приходилось организовывать принудительные «культпоходы» в театр рабочих коллективов. Туго прививался украинский и в школе. Попадая из русскоязычной среды в украинизированные учебные заведения, дети калечили свою речь:

«Я имел возможность наблюдать речь подростков, мальчиков и девочек, учеников полтавских трудовых и профессиональных школ, где язык преподавания — украинский. Речь этих детей представляет собой какой-то *уродливый конгломерат*, какую-то *невыговариваемую мешанину* слов украинских и московских», — замечает один из украинизаторов³¹.

А украинский министр просвещения Шумский даже жаловался, что «украинизация идет туго, *на украинизацию смотрят как на повинность*, которую выполняют нехотя, выполняют с большой оттяжкой»...

Это и было тяжелой **повинностью**, наложенной на население Малороссии коммунистической диктатурой, с целью вышибания из него всякой русскости. С этой же целью все это население совершенно произвольно по наводке шумских и скрипников оптом было зачислено в «украинцы». Но адептам украинизации это мало помогло: они, как и раньше, испытывали острейший дефицит кадров для украинизации «украинского» населения. В мае 1923 г. второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З.Лебедь направил записку в комиссию Политбюро ЦК КП(б)У с предложением в короткий срок «взять на учет всех членов партии, говорящих на украинском языке», а также «выяснить украинских работников, говорящих на украинском языке, отозванных и откомандированных на территории других республик». Число знающих «ридну мову» было столь мизерно, что приходилось их всех *ставить на учет*.

Но и после столь тщательной мобилизации укркадров катастрофически не хватало. Особенно на местах. В 1924 г. в ЦИК СССР пришло письмо, авторы которого подписа-

лись как «инструктор Степашко-украинец, зав.конторой Гвоздя-белорус». Категорически выступая против присоединения к УССР ряда пограничных территорий РСФСР, население которых официально было признано «украинцами», они в обоснование своего мнения приводили следующий красноречивый факт: «Когда весной в этом году в городе Серединой Буде Черниговской губернии было получено предписание ввести с 1 августа украинский язык, все всполошились. *Бросились искать украинцев*, могущих хотя бы чему-нибудь научить по-украински. *Нет никого*. Наконец, нашли кого-то, но оказался исключенным из профсоюза, как чуждый элемент. Пришлось пойти на поклон — предложить принять вновь его в профсоюз — учи только»³²...

Чтобы восполнить острую нехватку «украинцев», решили начать завозить их из Галиции. Одного из изобретателей украинского новояза, М.С. Грушевского, стали приглашать переехать в УССР еще в 1923 г., сразу же после XII съезда РКП(б), уверив, что «по желанию Ленина теперь *национальный вопрос решен в пользу нерусских народов* твердо и бесповоротно»³³. Бывший австрийский агент, высокопоставленный масон и заклятый враг России охотно откликнулся на приглашение и в 1924 г. прибыл в УССР. Но это стало лишь первым шагом на пути массового завоза галичан в республику. 6 августа 1925 г. комиссия по украинизации Политбюро ЦК КП(б)У специально рассмотрела вопрос об использовании «украинцев» из Восточной Галиции. Было решено выявить «все способные к работе силы и использовать их» в УССР³⁴. Уже к концу 1925 г. в республике орудовала многотысячная армия галицких «янычар», подготовленных еще при австрийском императоре Франце-Иосифе, и с каждым месяцем число их увеличивалось. В 1926 г. приехал «украинский географ» С.Л. Рудницкий, в 1927 — «украинский историк» М.М. Лозинский. В одном из своих писем Грушевский сообщал, что в УССР из Галиции переехало около **50 тыс. человек**, многие с женами и семьями, молодые люди и мужчины³⁵.

Вся эта заезжая публика сразу же заняла теплые местечки во множестве бюрократических структур, занимавшихся украинизацией Малороссии. Много галичан работало в аппарате украинского Наркомпроса. Его учеными секретарями были А.И. Бадан-Яворенко, а затем И.М. Зозуляк. Личным секретарем Скрыпника был галичанин

Н.В. Ерстенюк. Коммунисты не скупались в обеспечении этого антирусского «десанта» и щедрыми материальными благами. Видный представитель галицкого украинства К.Студинский, посетивший СССР, с удовольствием отмечал: «Партийный, хоть и комиссар (министр) получает самое большее 210 руб. в месяц, когда украинизатор, работающий в пяти кружках, зарабатывает 500 руб.»³⁶.

Насколько далеко заходила благосклонность Советской власти к галицким «украинцам», можно судить по той трогательной заботе, которую проявляла она в отношении нужд украинских деятелей, продолжавших жить в Галиции. Уже в 1921 г. было принято решение о субсидировании львовского «Наукового товариства им. Шевченко». Выплаты по тем временам достигали немалой величины. Например, на 1927 г. планировалось выделить этой организации дотацию в размере 24 тыс. рублей (примерно 12000 дол.). Такой же размер субсидий сохранялся и в последующие годы. Так, в 1933 г. планировалось выделить 9000 долларов. Оказывалась материальная помощь и наиболее известным деятелям «украинской культуры», проживавшим в Галиции, между прочим, иностранным гражданам. Например, в 1928 г. было принято решение о назначении пенсий «выдатным украинським пысьмэнникам» — О.Ю.Кобылянской, проживавшей в Черновцах на Буковине, и В.С.Стефанику из Галиции. В том же году назначена пенсия вдове еще одного галицкого деятеля — В.Гнатюка. Всего же на начало 1930-х годов Советское правительство перечисляло за границу деньги семи персональным пенсионерам СССР на общую сумму 7920 руб. золотом. Помимо вышеперечисленных деятелей пенсию получала и вдова Ивана Франко. Эти пенсии были отменены только в мае 1934 г. (кроме пенсии семье И.Франко)³⁷.

Заезжие украинизаторы весьма высоко оценивали политику коммунистов в Малороссии. Грушевский, например, в письме одному из своих соратников восторженно писал: «Я здесь, несмотря на все недостатки, чувствую себя в Украинской Республике, которую мы начали строить в 1917 г.»³⁸.

Но пиетет к галицийским самостийникам со стороны коммунистов не мог изменить враждебного отношения к ним местного населения. М.М.Лозинский, перебравшийся в Харьков, жаловался:

«Мое несчастье в том, что я — галичанин. *Здесь галичан*

никто не любит. Старшая русская публика относится к ним враждебно как к большевистскому орудию украинизации (вечные разговоры о «галицийской мове»). Старшие местные украинцы относятся еще хуже, считая галичан «предателями» и «большевистскими наймитами». А советский актив и партийцы тоже их считают чем-то отличным от себя»³⁹.

Но галицких «янычар» такое отношение не смущало, и они с энтузиазмом исполняли предназначенную им миссию... Их преданность Советской власти представляла еще и своеобразную форму *благодарности*, ведь именно коммунисты в тот момент были ближайшими союзниками и соратниками «украинцев» в их непримиримой борьбе против Русских непосредственно в самой Галиции.

В послевоенный период русское движение в Галиции снова возродилось, несмотря на страшные потери, понесенные в 1914—1918 гг., когда в результате развязанного австро-венгерской военщиной в союзе с поляками и «украинцами» террора были убиты десятки тысяч ни в чем не повинных русских галичан. И хотя польская власть относилось к этому возрождению исключительно враждебно, всячески препятствуя его развитию, оно пользовалось массовой поддержкой сотен тысяч местных жителей. Только в русской селянской организации (РСО) состояло до 100 тыс. человек. Но кроме польской власти, русские организации столкнулись с еще большей враждебностью со стороны местных «украинцев» и *коммунистов*. «Москвофилы», так презрительно называли они русских галичан, тех, кто в отличие от них не отказался ни от своей природной национальности, ни от своей православной веры. «Часть украинских крестьян еще и до сих пор попадает под влияние реакционной москвофильской агитации, главным образом на Полесье и в округах Золочев, Львов, Перемышль», — отмечал в 1928 г. в своей резолюции III съезд Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ)⁴⁰. «Галицкое москвофильство... представляет теперь серьезную опасность для западноукраинского революционного движения», — отмечалось в тезисах пленума ЦК КПЗУ (1930)⁴¹.

Понятно, что деятельность КПЗУ финансировалась из СССР. Отсюда же осуществлялось и идейное руководство. «Галицкое москвофильство — корень графов Бобринских, епископов Евлогиев, русской черной сотни — необходимо *уничтожить*. И сделать это нужно как мож-

но быстрее», — формулировал задание главный идеолог КП(б)У А.А.Хвыля (Олинтер)⁴².

Сделать это «как можно быстрее» следовало уже потому, что русские галичане прекрасно знали, что скрывается за искусственно слепленной большевиками «Украиной» и смело разоблачали в своей печати этот антирусский проект:

«Мы отрицаем самостоятельную Украину в национальном и государственном значении, ибо знаем, что таковая Украина — не Украина, а притон своих проходимцев и чужих искателей легкой наживы»⁴³.

Вскрывали галичане и истинную цель украинизации:

«Вот уже десять лет коммунисты не за страх, а за совесть украинизируют Малороссию, чтобы таким образом парализовать нормальный рост общерусской культуры и тем самым *противодействовать росту общерусского национального сознания*. Бесконечными экспериментами в области творения украинской культуры они измучили и до смерти надоели малорусскому народу»⁴⁴.

Галицийский «десант» в этих нескончаемых экспериментах над «малорусским народом» был задействован самым непосредственным образом, но даже массовый завоз из Польши многих тысяч украинизаторов так и не помог решить проблему украинских кадров.

Комиссия ЦКК ВКП(б), обследовавшая практику проведения национальной политики в УССР в 1928 г., вынуждена была признать наличие объективных факторов, существенно затруднявших украинизацию партийных и государственных учреждений. Прежде всего, незавершенность формирования украинского новояза: «Несколько раз менялась грамматика, и лица, раз уже сдавшие экзамен по украинскому языку, снова подвергались испытанию». Кроме того, «для большинства госслужащих украинский язык все еще является языком официальным, которым пользуются лишь в стенах учреждений и то, главным образом, для составления «бумаг». Разговорным же языком вне стен учреждения, но зачастую и в самом учреждении, для многих все еще является русский язык»⁴⁵.

Однако самые главные трудности украинский новояз создавал в тех сферах, где требовались высокая квалификация и соответствующий ей язык, а не его искусственный суррогат. Ввиду этого власти приходилось идти на некоторые послабления в деле тотальной украинизации края. Примером таких «послаблений» может служить

изданная в июле 1928 г. Центральной всеукраинской комиссией по украинизации при Совнарком УССР инструкция. В этом документе говорилось о трудностях с подбором высококвалифицированных кадров, владеющих украинским языком, для работы в госучреждениях СССР, действовавших на территории республики. В связи с этим для данных учреждений допускалось — временно — ведение делопроизводства на двух языках — русском и украинском. В целях обеспечения учреждений высококвалифицированными кадрами инструкция также разрешала принимать на работу лиц, не владевших украинским, с условием, чтобы они в течение года этот язык непременно выучили⁴⁶.

Однако и такого рода «поблажки» не решали проблемы. Из республики начался отток научных кадров. «Не только реакционеры, но и явно советские ученые начинают говорить, а кое-где уже и принимают меры, чтобы перевестись в Россию, другие республики, «где нет украинского наречия», — жаловались украинизаторы⁴⁷. Это беспокоило, тем более, что приходившая на смену старой интеллигенции новая, уже подвергшаяся украинизации, была «гораздо более слабая и числом и умением»⁴⁸.

* * *

Наряду с такого рода *пассивными* формами протеста против украинизации, власть натолкнулась и на *явное сопротивление* ей со стороны населения Малороссии. Причем со стороны самых разных его социальных слоев или, точнее, *всех* социальных слоев — от высокопоставленных советских служащих до политически индеферентных крестьян. Группа беспартийных с Малороссии (58 человек) в своем приветствии XIII съезду РКП(б) (1924), жалуюсь на низкие темпы украинизации в южных губерниях Украины (Донецкой, Екатеринославской и Одесской), приводила примеры неуважительного отношения к украинскому языку со стороны госслужащих этих регионов. Когда к последним авторы письма обращались на «мове», то в ответ слышали: «Потрудитесь говорить на понятном языке, а не на турецком».

Но не только советские работники не жаловали «мову». В штыки встретила ее и интеллигенция. Так, преподаватель математики из Днепропетровска Белинский утверждал, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это *выдумка*, чуждая

даже для украинцев». А преподаватель физики Бароновский заявлял: «На этом (украинском) языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика... Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути, Украина сейчас не что иное, как часть России, никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»⁴⁹.

Еще более откровенно о «мове» высказался заместитель главного бухгалтера николаевского завода «Марти» Новиков, который заявил: «Украинский язык — собачий язык, и учить я его не буду. Пошлите лучше меня в Велikorоссию». Товарищеский суд вынес постановление об увольнении Новикова с завода, но за своего бухгалтера вступился директор. Дело ограничилось выговором⁵⁰. Мягкость «приговора» объяснялась всеобщим сочувствием к пострадавшему, ибо подобное отношение к «мове» было присуще не только интеллигенции, но и рабочим. В резолюции оргбюро ЦК КП(б)У, составленной в 1929 г. и снабженной грифом «совершенно секретно», отмечалось резко негативное восприятие украинизации в среде рабочих и инженерно-технических работников промышленных регионов УССР, особенно Донбасса.

Впрочем, то же неприятие украинизации было характерно и для большинства крестьян. В своем письме в ЦК Компартии Украины рабочий-партиец из Луганска писал следующее: «Убежден, что 50% крестьянства Украины *не понимает этого украинского языка*, другая половина, если и понимает, то все же хуже, чем русский язык... Тогда зачем такое угощение для крестьян?». Автора особенно возмущал перевод на «мову» партийной печати: «Я не говорю уже о «Коммунисте» на украинском языке. Одна часть, более сознательная, подписку не прекращает и самым добросовестным образом складывает газеты для *хозяйственных нужд*. Это ли не трагедия... Другая часть совсем не берет и не выписывает газет на украинском языке и, только озираясь по сторонам (на предмет партлища), запустит словцо по адресу украинизации».

Житель села Никольского Павловского района Сталинского округа в своем письме в редакцию «Крестьянской газеты» (1927) сетовал на то, что «у нас на Украине Сталинского района издаются книги, объявления, разные распоряжения» на украинском языке, «*не понятном для народа*». «На сходах читают наказы, распоряжения, объяв-

ления и т.д. на украинском языке. Народ заявляет: «*Читать на русском понятном языке*, не надо нам читать на венгерском», т.е. на непонятном языке». Такие же затруднения вызывали и объявления, «расклеенные на РИКе (райисполкоме) и сельсовете», их никто не хотел читать, «потому что написано на *украинском непонятном языке*». Делопроизводство на «мове» вызывало еще большее раздражение крестьян: «...разругается другой гражданин и уйдет, и так большинство недовольно». Отвергалась и пресса на «мове»: «Газеты русские из Москвы разворачиваются читать нарасхват, а украинское «Рад[янське] село» лежит рядом, никто не берет»; «какие имеются [книги] на русском языке — нарасхват разбирают, а от украинских отбегают...»; «большинству интересно прочесть биографию В.И.Ленина и др., но на русском понятном языке нет, а на украинском есть, *никто не хочет читать*, а если кто возьмется, то ничего не поймет *без переводчика*». «Для чего это?» — спрашивал автор письма. А послание свое заканчивал призывом к высшим центральным властям «прислушаться к народу Украины, к тем местностям, где не говорят на украинском языке и не читают, и не разберут читанное и слушающееся, отменить постановление XIII съезда об украинизации, нежелательности местностям говорить на украинском языке. Вот что говорит народ»⁵¹.

В Одессе в январе 1926 г. выступавшему на собрании партактива члену ЦК КП(б)У Ф.Д.Корнюшину из зала было прислано несколько записок относительно украинизации. В одной из них некто Кравчук писал:

«Для вас, более чем для кого другого, должно быть ясным, что подавляющее большинство населения в Одессе и на Одессине составляют русские и евреи. Зачем же поребачьи тешить себя и других, что это не так. Ведь поголовная украинизация — подавляющим большинством неукраинского населения — есть акт насильственного действия, свойственный колонизаторской политике буржуазии... Ведь нынешняя линия ведет к искусственному ассимилированию русского и еврейского населения среди привилегированной украинской нации... Надо же снять, наконец, шоры с глаз и не душить свободу языка неукраинской нации. Долго ли ЦК КП(б)У будет заниматься насильственной украинизацией и к чему это поведет?»⁵².

«Шоры», однако, никто не собирался снимать. Не могло даже вмешательство И.В. Сталина. В апреле 1926 г.

вождь партии отправил письмо «Кагановичу и другим членам политбюро ЦК КП(б)У», в котором отмечал:

«Нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета»⁵³.

Но и попытка И.В.Сталина образумить фанатиков украинизации завершилась ничем.

Многочисленные жалобы, обращения и открыто выражаемое массовое недовольство лишь подстегнули их к еще большему ужесточению политики украинизации. Лазарь Каганович, возглавивший в апреле 1925 г. компартию Украины, в очередной раз потребовал «со всей силой нажимать в деле украинизации».

И нажимали. Со всей силой. Уродовали до неузнаваемости образование, печать, репертуары театров, саму речь жителей края. «Каждый член партии, каждый гражданин должен знать одно: национальная политика в действительно ленинском понимании на Украине неминуемо ведет к полной украинизации всего рабочего класса на Украине, украинизации прессы, школы, научной работы» — категорически заявлял зав. отделом прессы ЦК КП(б)У А.А.Хвыля (Олинтер)⁵⁴. В унисон с ним развязывал «политику партии» еще один известный украинизатор Г.Ф.Лапчинский:

«Бывает, приходится слышать разговоры, что, дескать, украинизация слишком остро проводится, что массам она не нужна, что крестьянство вроде бы хорошо и русский язык понимает, что рабочие не хотят усваивать украинскую культуру, потому что это отдаляет их от их братьев русских. Все такие разговоры — в какие бы ультрареволюционные и «интернационалистические» наряды ни одевались — партия в лице своих руководителей и каждый отдельный разумный партиец — считают проявлением антирабочего и антиреволюционного влияния буржуазно-нэповских и интеллигентских настроений на рабочий класс»⁵⁵.

А нарком образования УССР Н.А. Скрыпник, бывший чекист и друг Ленина, был еще более откровенен:

«Украинизация проводится и будет проводиться решительными мерами... Тот, кто это не понимает или не хо-

чет понять, не может не рассматриваться правительством как *контрреволюционер* и сознательный или бессознательный **враг** Советской власти»⁵⁶.

С «врагами» же не стоило церемониться. И не церемонились. За критику или саботаж украинизации можно было получить срок. Например, профессор Киевского политехнического института Я.Маркович получил год тюрьмы и был выслан в Нижний Новгород «за нежелание читать лекции на украинском языке».

Но заботились не о развитии «мовы», а об **уничтожении русской культуры**. Еще один чекист, а по совместительству украинский литератор Мыкола Хвылевый писал в это время: «Украинское общество, окрепнув, не примирится со своим фактическим гегемоном — русским конкурентом. Мы должны стать немедленно на сторону молодого украинского общества, представляющего не только крестьянина, но и рабочего, и этим навсегда покончить с *контрреволюционной идеей* создавать на Украине русскую культуру». Он же в другом месте: «Перед нами стоит такой вопрос: на какую из мировых литератур взять курс? Во всяком случае, не на русскую... Дело в том, что русская литература тяготеет над нами веками как хозяин положения, приучивший психику к рабскому подражанию»⁵⁷.

От «подражания» следовало избавляться всеми доступными средствами, поэтому всему русскому немедленно приклеивался ярлык «контрреволюционного» и «вражеского», а «украинское» автоматически обретало ранг «социалистического» и «передового»...

* * *

Таков был коммунистический «интернационализм» в действии. Коммунисты упорно следовали раз избранным путем и всеми наличными средствами проводили политику *дерусификации* Малороссии, удовлетворяя при этом любые, даже самые абсурдные притязания украинизаторов, в том числе и территориальные.

В 1926 г. к УССР был присоединен ряд пограничных территорий Российской Федерации, а именно: часть Валуйского уезда Воронежской губернии, часть Путивльского, Белгородского, Суджанского уездов Курской губернии, Семеновская волость Гомельской губернии, часть волостей Севского уезда Брянской губернии. Причем сделано это было вопреки категорическому несогласию на-

селения этих районов, совершенно произвольно зачисленному в «украинское».

Вопрос о возможном присоединении к Украине активно обсуждался на уездных съездах Советов в 1923—1925 гг. Их делегаты решительно высказались против присоединения, мотивируя это нежеланием подвергнуться насильственной украинизации. При этом, по словам делегатов, местное население *категорически отказывалось* от преподавания в школах на украинском языке и не соглашалось вообще как бы то ни было подвергаться украинизации, «которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий и языка». Один из членов губисполкома крестьянин Россошанского уезда Скляренко заявлял, что украинский язык среди населения совершенно не пользуется популярностью: «Как-то в уезде проводилась кампания по организации украинских школ, населению предлагалось, по его желанию, устраивать школы с обучением на украинском языке, и, несмотря на это, не было создано ни одной украинской школы». «Большинство жителей Острогожского уезда определенно не считают себя малороссами», делал вывод председатель местного исполкома и приводил показательный пример. В губернской крестьянской «Нашей газете» была открыта специальная рубрика, так называемый «украинский куток» в расчете на то, что крестьяне будут присылать заметки на украинском языке. Что же получилось? «После двух-трех заметок «Куток» заглох», «крестьянство осталось глухим, совершенно не интересуясь данным вопросом... *Жители не считают себя хохлами*».

Сходная ситуация сложилась и в Таганрогском округе, где население категорически было против присоединения к УССР. Жители слободы Матвеев Курган, официально зачисленные в «украинцы», открыто высказались против «изучения *чуждого населению языка*», отмечая «непонимание всех распоряжений советского правительства, издаваемых на украинском языке». «Нежелание примириться в особенности с украинизацией школ, письмоводства и т.д.» высказали крестьяне Амвросиевского района Сталинского округа Донской губернии⁵⁸.

В конечном итоге, центральное руководство страны удовлетворило претензии «украинцев» на приграничные территории РСФСР, но только отчасти. Однако те не успокоились на достигнутом и уже в мае 1927 г. ЦК КП(б)У

направило в ЦК ВКП(б) новую докладную записку по данному вопросу. Ссылаясь на то, что на непосредственно прилегающей к УССР территории Российской Федерации проживает около 2 миллионов «украинцев», расселенных компактными группами в Курской, Воронежской губерниях и Северо-Кавказском крае, украинский ЦК предлагал передать УССР часть районов Курской и Воронежской губерний, а также Шахтинский и Таганрогский округа Северо-Кавказского края. Не прошло и года, как в апреле 1928 г. в Секретариат ЦК ВКП(б) было отправлено очередное «обоснование» в пользу передачи УССР прилегающих к ней территорий РСФСР. На этот раз украинские лидеры ссылались на «грубое извращение национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях»: как доказывал украинский нарком просвещения Н.А. Скрыпник, украинизация там якобы не проводилась.

Конец всем этим претензиям положил И.В.Сталин. Во время встречи с украинскими писателями (12 февраля 1929) на вопрос о судьбе «украинских уездов Курщины и Воронежчины» генеральный секретарь ВКП(б) ответил следующее: «Этот вопрос несколько раз обсуждался у нас и решено было ничего не менять. «Слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны». А кроме того, у «некоторых русских это вызывает большой отпор» и с этим «надо считаться». Поэтому проблему границ лучше оставить: «У нас каждый раз, когда этот вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильно украинизировать и т.д.». Но самое главное, вопрос границ внутри СССР — чистая формальность: «С точки зрения национальной культуры, и с точки зрения развития диктатуры, и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и нашей работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины или РСФСР»⁵⁹.

Впрочем, «украинцам» все же удалось кое-чего достигнуть. Власти РСФСР заметно ужесточили политику украинизации тех регионов, население которых было зачислено в «украинское». Видя, что местные жители отказываются «добровольно» украинизироваться, стали прибегать к более привычному средству — *принуждению*. Наркомпрос

РСФСР осудил «случаи, когда на местах... производят голосование, желает ли население иметь школу на украинском... или на русском языке», ибо «население, *естественно, голосует за школу на русском языке*». После этого указания местные власти перестали интересоваться мнением населения при введении обучения на украинском языке, мотивируя это тем, что «часто практикующийся при переводе школ на родной (?) язык преподавания опрос населения, а иногда и плебисцит должны быть отвергнуты как мероприятия, носящие часто случайный характер»⁶⁰.

Но и открытое принуждение не приводило на практике к желаемому результату. В 1928 г. украинское ГПУ подготовило справку о результатах украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа, население которых официально считалось «украинцами». «В большинстве случаев преподавание на украинском языке, — говорилось в справке, — вызывает явное недовольство как среди иногородних, так и казачества». Сотрудники ГПУ признавали, что местное население не понимало украинского языка, значительно отличавшегося от «местного наречия». В результате на Кубани и Дону русские школы были переполнены, тогда как в украинских школах ощущался недобор учащихся. Например, в станице Пашковская Кубанского округа в 1927—1928 учебном году в украинскую школу поступило всего 14 человек, а в русскую школу 144 (!) человека; в станице Корсунской того же округа в первую группу украинской школы записалось только 10 человек, в русскую же 130; «то же имело место в станицах Гривенской, Поповнической, Северской, Холмской и ряде других». Родители учащихся стремились перевести своих детей из украинских школ в Русские. Когда они писали соответствующие заявления, то указывали, что «не считают себя украинцами».

Сотрудники ГПУ, знакомясь с ситуацией на Дону и Кубани, старательно изучали настроения рядовых граждан. Высказывания последних были обобщены и приводились в указанной справке. Особенно часто встречались выражения типа: «*Советская власть навязывает украинизацию против нашей воли*», «*наши дети портятся в украинских школах по приказу советской власти*».

Примечательно, что украинизация Кубани, в качестве ответной реакции, вызвала к жизни столь же странную идею «кубанизации», выдвинутую профессорами Шалем и Мартининым, в соответствии с которой заявлялось о

необходимости изучения «своего кубанского языка», а не «чужого украинского», «кубанизации школы» (причем последняя установка была популярна среди как учителей, так и учащихся ряда школ Донского округа). Идея «кубанизации школы» плавно переходила в мысль о необходимости «кубанизации Кубани»⁶¹. Таким образом, одна социальная *патология* провоцировала возникновение другой, еще более дикой патологии. Впрочем, творцы украинизации на такой эффект в общем-то и рассчитывали...

В ответ на сопротивление режим ужесточал репрессии. Официально было объявлено, что «некритическое повторение шовинистических великодержавных взглядов о так называемой искусственности украинизации, непонятном народу галицком языке и т.п.» является «*русским националистическим уклоном*»⁶² (обвинение, в те времена неизбежно влекшее за собой тюремное заключение или расстрел). Власть все чаще прибегала к уголовному преследованию тех, кто не проявлял должного рвения в украинизации себя и своих подчиненных. Лишь один из тысячи примеров. В июле 1930 года президиум Сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способ украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации». При этом прокуратуре поручалось проводить показательные суды над «преступниками». Административный террор и запугивание приносили свои черные плоды. Например, в русском городе Мариуполе к 1932 г. не осталось не только русских школ, но даже ни одного русского класса...

Казалось, конечная цель дерусификаторов практически достигнута и до решающего успеха рукой подать, но именно в 1932—1933 гг. в деле тотальной украинизации Малороссии произошел первый серьезный сбой.

* * *

Связан он был в первую очередь с резким ухудшением внешнеполитической ситуации и огромной вероятностью возникновения войны. Причем, военная угроза СССР в этот момент исходила, прежде всего, от Польши, не оставившей надежды снова завладеть Малороссией. Серьезность этих намерений подтверждается документально. Так, возглавлявший внешнеполитическое ведомство Германии Риббентроп в своих записках о переговорах с

польским министром иностранных дел Ю.Беком (январь 1939) пишет следующее: «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от *претензий на Украину*. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что *эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня*». В другом месте еще яснее: «Г-н Бек не скрывал, что **Польша претендует на Советскую Украину** и на выход к Черному морю»⁶³. Примечательно и то, что Польша долгое время отказывалась заключить с СССР пакт о ненападении, хотя советские дипломаты добивались этого с 1926 г. Подписать его удалось только в 1932 г., при этом поляки согласовали срок действия пакта всего на три года. Между тем, сразу же после прихода Гитлера к власти Польша 26 января 1934 г. заключила с Германией договор о дружбе и ненападении. А когда Советское правительство в это же время выдвинуло предложение о заключении регионального соглашения о взаимной защите от возможной агрессии со стороны Германии, в котором приняли бы участие СССР, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Бельгия (Восточный пакт), польское правительство заявило (27 сентября 1934), что не может принять участие в Восточном пакте, если в нем не будет участвовать Германия. Таким образом, было сорвано подписание соглашения, могшего реально воспрепятствовать агрессивным устремлениям гитлеровской Германии. И причина здесь была одна: вся внешняя политика Польши в период между двумя мировыми войнами носила ярко выраженный антирусский характер. Несмотря на то, что по Рижскому мирному договору (март 1921) к Польше отошли обширные русские территории (Подолія, Воłyнь, западная часть Белоруссии), польская правящая клика продолжала вынашивать планы расчленения России и отторжения от нее новых территорий. Она также рассчитывала расширить сферы своего экономического и политического влияния на востоке путем создания «федерации» в составе Финляндии, балтийских государств, и «отделившихся» от России Белоруссии, Украины, крымского и казачьего «государств», а также «союза государств» Кавказа. С этой целью по инициативе Варшавы только в первой половине 20-х годов состоялось около 60 различных «балтийских конференций» с участием Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши. Правда, создать Большой балтийский

блок, направленный против СССР, Польше так и не удалось (прежде всего, из-за захвата поляками в октябре 1920 г. Вильно, ранее переданного большевиками Литве), однако сами эти попытки ясно говорили о вынашиваемых ею в отношении России экспансионистских планах.

К тому же еще в январе 1921 г. Польша заключила договор с Румынией о взаимопомощи на случай войны с СССР, а в апреле и июне были заключены пакты Румынии с Чехословакией и Югославией, что привело к окончательному оформлению Малой антанты. Дополнительно к этим договоренностям в феврале 1921 г. был заключен франко-польский, а в январе 1924 г. — франко-чехословацкий союзы, в результате чего эта сеть соглашений на западных рубежах СССР была укреплена поддержкой сильной военной европейской державы.

Понятно, что подобная дипломатическая активность польских кругов в Москве оценивалась однозначно. Так, на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 3 апреля 1925 г. отмечалось: «Факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии таит в себе непосредственную угрозу безопасности СССР». Эта обеспокоенность не исчезала и в последующем. На заседании Политбюро 19 апреля 1928 г. снова отмечалось, что военная опасность угрожает стране главным образом со стороны Польши⁶⁴.

Знали в Москве и о польских претензиях на большую часть Малороссии. Тем более, что именно в Польше нашло убежище эмигрантское «украинское правительство». А «министр иностранных дел» этого «правительства» Р.Смаль-Стоцкий информировал в 1927—1928 гг. британского представителя о наличии *разведывательной сети в УССР*, которая действовала под патронажем II отдела Генштаба Польши и базировалась, по его словам, в Церкви, кооперативных обществах и Академии наук⁶⁵. Польша же содержала на своей территории украинские банды, которые на протяжении первой половины 20-х годов неоднократно вторгались в пределы Малороссии, грабя и разоряя местное население. Например, осенью 1921 г. государственную границу СССР пересекла банда некоего Паляя численностью до двух тысяч человек. Месяц она грабила край, а когда части Красной Армии прижали ее, спокойно отступила в Польшу. Так продолжалось и в дальнейшем...

И польская разведсеть в УССР существовала. В декабре 1929 — январе 1930 г. разгорелся дипломатический скандал, связанный с тем, что двух сотрудников польско-

го консульства в Киеве обвинили в военном шпионаже. Советская сторона потребовала выслать их из СССР. Польша, в свою очередь, потребовала выезда четырех сотрудников советских полпредства и торгпредства. И в дальнейшем ситуация только обострялась. Весной 1930 г. ОГПУ отмечало, что на территории УССР поляки усилили шпионаж и «контрреволюционную агитацию» и даже использовали в этих целях радио. К тому же с конца февраля 1930 г. в официальной польской печати началась широкая антисоветская кампания, и полпред в Варшаве должен был просить разъяснений относительно «травли СССР» и «прямых призывов к интервенции». Участились и прямые провокации со стороны Польши. Военные сообщали о полете над Правобережьем трех польских аэропланов в ночь с 16 на 17 марта, о чем был сделан даже соответствующий запрос в польский МИД⁶⁶.

Крестьянские волнения в западных пограничных округах СССР, вспыхнувшие в связи с началом коллективизации, еще более накалили обстановку. Стремясь сломить сопротивление крестьян, коммунистический режим прибег к террору. 5 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о повсеместном выселении «кулацких и контрреволюционных элементов», в том числе и в двенадцати западных пограничных округах. В связи с этой акцией опасение враждебных действий со стороны Польши еще более возросло. В решении Политбюро от 11 марта 1930 г. прямо указывалось:

«По имеющимся данным, есть основание предположить, что в случае серьезных кулацко-крестьянских выступлений в правобережной Украине и Белоруссии, особенно в связи с предстоящим выселением из приграничных районов польско-кулацких и контрреволюционных элементов, *польское правительство может пойти на вмешательство*»⁶⁷.

Столь серьезная озабоченность высшего руководства СССР объяснялась резким осложнением политической ситуации внутри страны в связи с развернутой кампанией по *сплошной коллективизации крестьянства*.

С момента захвата власти над Россией большевистский режим вел непримиримую войну против русского крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны и представлявшего, с точки зрения коммунистов, непреодолимое препятствие для коренного переустройства страны. К концу 20-х годов эта война в связи с курсом на ускоренную индустриализацию достигла сво-

его апогея, вызвав вначале продовольственный кризис, а затем и полную дезорганизацию сельского хозяйства в СССР. Между тем, экспорт зерна составлял главный источник затеянной большевиками промышленной модернизации. Однако уже хлебозаготовительная кампания 1927—1928 гг. столкнулась с серьезными трудностями, вызванными полной несостоятельностью политики, проводимой большевиками в аграрном секторе, и отказом крестьян продавать произведенную продукцию государству по заведомо заниженным ценам. К началу 1928 г. государственными учреждениями было заготовлено только 300 млн. пудов зерна против 428 млн. пудов к январю 1927 г.⁶⁸. Нежелание крестьян продавать хлеб государству по грабительским ценам было объявлено «кулацким саботажем». Режим прибег к террору, крестьяне ответили восстаниями. Только в конце 1928 — начале 1929 г. был зарегистрирован 5721 случай крестьянских выступлений, официально названных «кулацкими»⁶⁹. К их подавлению были привлечены регулярные армейские части.

Начавшийся погром деревни еще более усугубил ситуацию. К началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система распределения продовольствия. Впрочем, и она не всегда помогала, поскольку в условиях продовольственного кризиса нормы снабжения зачастую не выполнялись.

А разразившийся в это же время мировой экономический кризис (1929—1933) сделал проблему еще более трудноразрешимой. Цены на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке падали быстрее, чем на промышленные изделия. Это было крайне невыгодно для СССР: хотя экспорт зерна за эти годы вырос, он не мог покрыть стоимость импорта, а при таком положении выполнение плана хлебозаготовок становилось для режима задачей, которую требовалось решить *любой ценой*.

В качестве главной меры такого решения и была разработана политика так называемой «сплошной коллективизации». Насильно загнанное в колхозы, совершенно подконтрольное коммунистическому государству, крестьянство превращалось в бесправную и фактически бесплатную рабочую силу, призванную с минимумом издержек обеспечить экономические предпосылки для большевистских планов ускоренной индустриализации. Те, кто представлял потенциальную опасность для коренной ломки жизненных устоев страны или оказывал открытое со-

противление, физически уничтожались или ссылались в не приспособленные для жизни районы, где большинство из них мученически погибло. Такими методами правящий режим подготовил почву для достижения поставленной цели, и 1932 г. был объявлен «годом завершения сплошной коллективизации». А зимой 1932/33 г., в результате успешного осуществления этого чудовищного социального эксперимента, в зерновых районах страны — Малороссии, Северном Кавказе, Поволжье и Южном Урале — разразился небывалый голод, унесший жизни сотен тысяч, а может быть, и миллионов людей.

Голод не был вызван неурожаем. Беда пришла потому, что **весь хлеб** принудительно, «под метелку», был изъят как у колхозников, так и единоличников. Во имя выполнения совершенно нереальных на тот момент планов государственных хлебозаготовок изымалось даже семенное зерно, предназначенное для будущего урожая. Благодаря этим мерам экспорт зерна не сократился. А миллионы тех, кто его производил, погибли от голода или в лагерях для *спецпереселенцев*.

Это страшное несчастье, повлекшее за собой неисчислимое количество жертв, еще более усугубило политический кризис в стране, в полной мере затронув и УССР. Ситуация была настолько острой, что летом 1932 г. Сталин, оценивая обстановку в республике, выражал вообще опасение за дальнейшую ее судьбу:

«Если теперь же не возьмемся за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, его агентура на Украине во много раз сложнее, чем думает Реденс (глава ГПУ УССР. — С.Р.) или Косиор (возглавлявший ее партийную организацию. — С.Р.). Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тыс. членов, хе-хе), обретается немало (да, немало!) гнилых элементов... наконец — прямых агентов Пилсудского»⁷⁰.

Положение требовало кардинальных мер, и они не замедлили явиться...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 45—46

² Там же, т. 39, с. 334—335

³ Там же, т. 51, с. 141—142

⁴ Люксембург Р. Рукопись о русской революции. — «Вопросы истории», 1990, № 2 с. 22—23

- ⁵ Михутина І.В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). — М.: 2003, с. 97
- ⁶ До історії міжнаціональних процесів на Україні. — «Український історичний журнал» 1990, № 6, с. 112
- ⁷ Каревин А.С. Русь нерусская. Как рождалась «рідна мова». — М.: изд-во «Имперская традиция», 2006, с. 68
- ⁸ Там же, с. 75
- ⁹ Там же, с. 71
- ¹⁰ Там же, с. 76
- ¹¹ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20 — 50-ті роки XX ст. — Київ: 1994, с. 44
- ¹² Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. — Київ: 1997, ч. II с. 57-58
- ¹³ «Українізація» 1920 — 1930-х років: передумови, здобутки, уроки. — Київ: 2003, с. 83-84
- ¹⁴ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині XX століття (1900-1941). Стан і статут. — Чернівці: 1998, с. 95
- ¹⁵ Стенографічний звіт XV-ої округової конференції київської організації КП(б)У. — Київ: 1930, с. 274-275
- ¹⁶ Там же, с. 595, 597
- ¹⁷ «Українізація» 1920 — 1930-х років... С. 143
- ¹⁸ Шевельов Ю. Українська мова... С. 96
- ¹⁹ «Українізація» 1920 — 1930-х років... С. 147-149
- ²⁰ Борисєнок Е.Ю. Советская украинизация в региональном измерении. — Ежегодник Белоруссия и Украина: история и культура. 2003. — М.: «Наука», 2003, с. 223
- ²¹ «Українізація» 1920 — 1930-х років... С. 105
- ²² Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. — Київ: 1997, с. 175
- ²³ «Українізація» 1920 — 1930-х років... С. 89
- ²⁴ Каревин А.С. Русь нерусская... С. 59
- ²⁵ Там же, с. 124
- ²⁶ Там же, с. 84
- ²⁷ Там же, с. 78
- ²⁸ Там же, с. 76
- ²⁹ Там же, с. 80
- ³⁰ Там же, с. 78
- ³¹ Там же, с. 90
- ³² Борисєнок Е. Феномен советской украинизации. 1920 — 1930-е годы. — М.: изд-во «Европа», 2006, с. 110-111
- ³³ Листи М.Грушевського до Е.Фариняка (1923). — «Український історик», 1977, №1-2, с. 128
- ³⁴ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 120
- ³⁵ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина... С. 28
- ³⁶ Студинський К. З побуту на Радянській Україні. — Львів: 1927, с. 77
- ³⁷ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 190—191
- ³⁸ Листи М. Грушевського до Т.Починка з додатком двох листів до Д.Островського. — «Український історик», 1970, №1-3, с.182
- ³⁹ Рубльов О.С., Черченко Ю.А. Сталінщина... С. 40
- ⁴⁰ Вінярський К. Третій з'їзд КПЗУ про національне питання на Західній Україні. — Б.м., б.д., с. 90
- ⁴¹ Політична ситуація і завдання КПЗУ (Тези III пленуму ЦК КПЗУ). — «Більшовик України», 1930, №5-6, с. 105
- ⁴² Хвиля А. Блюдолизи графів Бобринських. — «Більшовик України», 1928, №18, с. 90
- ⁴³ Там же, с. 85
- ⁴⁴ Там же, с. 86
- ⁴⁵ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 138-139
- ⁴⁶ Там же, с. 108
- ⁴⁷ Волков. Стан вузів України. — «Більшовик України», 1929, №17-18, с. 249

- ⁴⁸ Лапчинський Г. Національна політика за десять років соціальної революції. — «Життя й революція», 1927, №5, с. 249
- ⁴⁹ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 136-137
- ⁵⁰ Там же, с. 139-140
- ⁵¹ Борисєнок Е. Советская украинизация в региональном измерении. С. 226-227
- ⁵² Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 151
- ⁵³ Сталин И.В. Собр. соч., т. 5, с. 136
- ⁵⁴ Хвиля А. Ясною дорогою (рік на літературному фронті). Б.м. 1927, с. 70
- ⁵⁵ Лапчинський Г. Національна політика... С. 249
- ⁵⁶ Чернышев В. Хвильевый — чекист и националист. — «Донецкий кряж-плюс», №47, 15 — 16 декабря 2006
- ⁵⁷ Там же
- ⁵⁸ Борисєнок Е. Советская украинизация в региональном измерении. — С. 232-233
- ⁵⁹ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 104-105
- ⁶⁰ Сергійчук В. «Українізація Росії»: політичне ошукаство українців російською більшовицькою владою в 1923-1932 роках. — Київ: 2000, с. 47, 55
- ⁶¹ Борисєнок Е. Советская украинизация в региональном измерении. С. 233-235
- ⁶² Фрід Д. До питання про коріння КПУ. — «Більшовик України», 1927, №14, с. 37
- ⁶³ Мухин Ю.И. Антироссийская подлость: научно-исторический анализ. Расследование фальсификации Катинского дела Польшей и Генеральной прокуратурой России с целью разжечь ненависть поляков к русским. — М.: 2003, с. 109-110
- ⁶⁴ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. I. Декабрь 1928 — июнь 1934. — СПб.: 2000, с. 82
- ⁶⁵ Там же, с. 504
- ⁶⁶ Там же, с. 219
- ⁶⁷ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 197
- ⁶⁸ Сталин И.В. Собр. соч., т. 11, с. 10
- ⁶⁹ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. — М.: 1972, с. 98
- ⁷⁰ Борисєнок Е. Феномен советской украинизации... С. 211

Продолжение следует

Валерий ШАМБАРОВ

ИМПОРТНЫЕ КОРНИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

За 90 лет в исторической литературе появилось множество различных версий происхождения Февральской и Октябрьской революций. Теории класовой борьбы, «бессмысленного русского бунта», неготовности русского народа к западным образцам демократии и т.д. Одни из версий рождались случайно, другие целенаправленно внедрялись заинтересованными сторонами. Но по мере углубления разработок в данном направлении становятся доступными и новые «слои» архивных материалов, обнаруживаются ранее неизвестные или невостребованные документы, свидетельства, позволяющие прийти к совершенно иным выводам. Кстати, за рубежом уже вышел целый ряд работ, вскрывающих истинные корни российской революции — труды Э. Саттона, Р. Спенса, А. Боровски и других видных историков. Но в нашей стране подобные материалы пока остаются малоизвестными и только начинают поступать в отечественное информационное поле — например, в документальном фильме Е.Н. Чавчавадзе «Лев Троцкий. Тайны мировой революции», еще в некоторых источниках. Данному вопросу посвящена и моя новая книга «Нашествие. Заговор против Империи».

ДОСЬЕ "МГ"

Факты говорят о том, что внутренние экономические и социальные проблемы сыграли для разжигания революции лишь вспомогательную роль. Причем и сами эти проблемы только отчасти можно считать «внутренними», в значительной мере они инспирировались и раздувались извне. А революция была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно расколоть русский народ и стравить между собой. Участвовали в этом правительственные, финансовые круги и спецслужбы западных держав. Причем не только и не столько держав, находившихся к 1917 г. в состоянии войны с Россией, но и государств, считавшихся ее друзьями и союзниками — в первую очередь США и Великобритании.

«Раскачка» нашей страны, отравление ее идеологическими ядами велись очень давно. Начиная с заговора масонов-декабристов, начиная с Герцена, очень удобно устроившегося в Лондоне, добросовестно отрабатывая «гостеприимство» и финансирование. Например, во время польского восстания 1863 г., когда инсургенты резали русских, он возмущенно писал, что «Россию охватил сифилис патриотизма» и призывал иноземцев к «крестовому походу» против своей родины. Но особенно обострилось противостояние к рубежу XIX — XX вв. В результате промышленного рывка наша страна становилась слишком сильным конкурентом Запада, занимала одно из ведущих мест в мире по показателям экономического развития, а по темпам роста производства обогнала всех, лидировала в науке и культуре, ее население, сильное и здоровое, динамично увеличивалось, и, по прогнозам Менделеева, должно было достичь в XX в. 500 млн. человек...

Но и подрывная работа давала свои плоды. Через внедрение «западных ценностей», через западническую систему образования интеллигенцию, значительную часть дворянства, торгово-промышленные круги удалось заразить идеями либерализма. Однако правительственные и закулисные круги Запада были связаны и с радикальными революционерами. Непосредственная работа по их поддержке развернулась примерно с 1900 — 1901 гг. Началось финансирование, оказывалась и прямая организационная помощь. Важную роль в этих операциях играл видный австрийский социалист Виктор Адлер, связанный, с одной стороны, с Ротшильдами, а с другой — со спец-

службами Австро-Венгрии. Он выполнял функции «отдела кадров», выискивая среди российских революционеров «перспективные» кандидатуры. Другой ключевой фигурой стал Александр Парвус (Израиль Гельфанд), связанный со спецслужбами Германии и Англии. Он привлек под свое «крыло» Ульянова-Ленина, Мартова и др., наладил выпуск «Искры», начав создание нового, боеспособного ядра российской социал-демократической партии.

Особенно показательной в данном отношении выглядит карьера Льва Давидовича Троцкого (Бронштейна). Ничем еще не примечательный недоучка, журналист-любитель, он был за «политику» сослан в Сибирь. Но его литературные таланты (и интерес к масонству) заметили. Организовали ему побег. По цепочке благополучно доставили из Иркутской губернии в Вену, где он заявился прямо... на квартиру к Адлеру. Был оценен, обласкан, снабжен деньгами и документами и направлен в Лондон к Ульянову. Потом Льва Давидовича берет под покровительство Парвус, даже поселяет в своем мюнхенском особняке, учит «уму-разуму».

Первый удар по России был нанесен в 1904—1905 гг., когда ее сравнили с Японией. Американские банкиры Морган, Рокфеллеры, Шифф обеспечили для Токио займы, позволившие Стране восходящего солнца вести войну. А Великобритания обеспечила дипломатическую поддержку — как только на Дальнем Востоке зазвучали выстрелы, русские очутились в международной изоляции. Против них сплотились США, Англия, Франция, Турция. Германский кайзер вроде бы принял сторону царя, но за это навязал кабальный торговый договор, а немецкая и австрийская разведки активно подыгрывали японцам. Несмотря на все эти факторы, исход сражений должен был стать однозначным, в оборонительных боях и отступлениях наши войска повыбили и измотали противника, что позволило выиграть время и перебросить на Восток превосходящие свежие силы.

Но реальная война дополнилась информационной, вся мировая и отечественная либеральная пресса принялись вопить о «позорных поражениях» русских, неудачи раздувались, потери многократно преувеличивались. А российские тылы были взорваны революцией. И здесь еще раз стоит обратить внимание на Троцкого. Он в общем-то оставался в социал-демократии еще никем, «нулем без

палочки». Однако «палочку» ему приставляют тайные «доброжелатели». Его переброской в Россию занимается лично Адлер. На родине его берет под опеку Леонид Красин — весьма высокопоставленный эмиссар внешних сил, занимавшийся поставками оружия из-за рубежа и связанный с германской разведкой. А в Петербурге Льва Давидовича курирует перебравшийся туда Парвус. Но сам он остается в тени, а никому еще не известного Троцкого проталкивают в руководство Петербургского Совета. А вот Ленина в 1905 г. искусственно «тормознули». Он дольше чем нужно задерживается за границей, потом его заставляют безрезультатно ждать в Стокгольме курьера с документами. И в Россию он попадает к «шапочному разбору», когда все руководящие посты были заняты. Владимир Ильич оказывается не у дел. Было ясно, что на роль лидера революции продвигался не он, а Троцкий.

Однако первая революция лопнула, как мыльный пузырь. Еще имели достаточный вес патриотические силы, способные дать отпор подрывным элементам. Но дело было не только в этом. Сочтя, что Россия уже значительно ослаблена, начала бряцать оружием Германия. Стало понятно, что в случае крушения нашей страны лидирующее место в Европе захватит именно она, а такое положение никак не устраивало американо-британскую «закулису». И западные круги предпочли удовлетвориться достигнутым — военным поражением России, принятием ею либеральных «свобод», образованием оппозиционной Думы, через которую можно было исподволь подтачивать устои государственности. А финансовые потоки, питавшие революцию, пресеклись. И она быстро пошла на спад...

О том, насколько мало значили революционеры сами по себе, насколько ничтожную опасность они представляли, можно судить по их состоянию в 1907—1912 гг. Эмиграция бедствовала без денег, перессорилась, разбившись на массу течений и группировок, враждовавших между собой. Грызлись по теоретическим вопросам, издавали газетенки тиражами 1—1,5 тыс. экз., брошюры тиражами 300—500 экз. Впрочем, кое-кого и в этот период «прикармливали». Тому же Троцкому австрийские спецслужбы передали готовую газету «Правда», ранее принадлежавшую украинским сепаратистам. Обеспечивали и другими «заказами». Так, имеются доказательства, что в период Балканских войн Лев Давидович, будучи фронто-

вым корреспондентом «Киевской мысли», поставлял сведения австрийской, а через Парвуса — германской и британской разведкам.

Но затем развернулась подготовка к новой атаке на Россию, которая неожиданно быстро для своих врагов оправилась от потрясений и снова набирала силу. В конце 1911 г. США под давлением своих банкиров денонсировали русско-американский торговый договор 1832 г., а в 1912 г. в Нью-Йорке состоялся международный сионистский съезд. Отнюдь не тайный, проходивший открыто и торжественно. Ход его широко освещался прессой — в частности, газета «Нью-Йорк сан» оповестила и о том, что на съезде была озвучена задача «поставить Россию на колени». Для этого был создан специальный фонд, в деле приняли участие Яков Шифф, его компаньоны из второго по величине банка США «Кун и Леб», Ротшильды, Варбурги, директор лондонского банка «Джойнт Сток» Мильнер и др.

В том же 1912 г. американские финансовые круги провели на пост президента США Вудро Вильсона; направлял и регулировал его политику ближайший «друг» и советник полковник Хаус (в результате его регулировок Вильсона стали за глаза называть «марионеткой Ротшильдов»). Резко активизировались и приготовления к войне Германии. Расширялись и реорганизовывались ее сети агентуры в нашей стране. Причем занимались этим не только специалисты генштаба и МИДа Германии. Одним из фактических руководителей германских спецслужб стал крупнейший гамбургский банкир Макс Варбург, под его патронажем заблаговременно, в 1912 г. в Стокгольме был создан «Ниа-банк» Олафа Ашберга, через который позже пойдут деньги большевикам...

Конечно же, не случайно в 1912 г. начался и новый «подъем» деятельности российских революционеров. Связи с «финансовым интернационалом» у них существовали, и можно даже выделить появление своеобразных «пар». Яков Свердлов — большевик в России, а его брат Вениамин едет в США и как-то очень уж быстро создает там собственный банк. Лев Троцкий — революционер в эмиграции. А в России действует его дядя — Абрам Животовский, который за 12 лет из помощника провизора становится купцом первой гильдии, банкиром и мультимиллионером. Родственные отношения дядюшка и племянник между собой поддерживали, не прерывали. Их родствен-

никами являлись также Каменев, женатый на сестре Троцкого, и Мартов. Еще одна «пара» — братья Менжинские. Один — большевик, другой — крупный банкир.

Мировая война создала благоприятную почву для разрушительных процессов. Иногда исследователи указывают на «слабость», «отсталость» царской России. Это не более чем пропагандистская ложь. Ведь точно так же, как в 1904 — 1905 г., сражения на фронтах дополнились информационной войной, клеветой, которая подхватывалась либеральной печатью и легальной думской оппозицией. И первый катастрофический удар Россия получила вовсе не от противников, а от союзников-англичан. Накопленные запасы вооружения и боеприпасов во всех воюющих государствах оказались недостаточными, и наше военное министерство разместило заказ на 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, и другие виды оружия и техники на британских заводах «Армстронг и Виккерс». Заказ был принят с отгрузкой в марте 1915 г., этого должно было хватить на летнюю кампанию. Но на самом-то деле Россия не получила ничего! Заказ не был выполнен вообще, причем русских даже не предупредили об этом заранее. Результатом стал жестокий «снарядный голод», «винтовочный голод» — и «великое отступление», когда пришлось оставить врагу Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии, Украины.

Получалось, что «друзья» и противники России играли в одном направлении, рука об руку. Так, давно уже известна история с «германским золотом» для большевиков, которое по поручению кайзеровского правительства поступало от Макса Варбурга и «отмывалось» через «Ниабанк» Ашберга. Но почему-то никто не задается вопросом: а откуда же у Германии могло быть «лишнее» золото? Она вела тяжелейшую войну на нескольких фронтах, закупала за рубежом сырье, продовольствие, помогала своим союзникам Турции, Болгарии, Австро-Венгрии. А революции — дело дорогое. На это были затрачены сотни миллионов. К 1917 г. избыточные средства имелись только в одной стране, в США, которые получали огромный «навар» от поставок воюющим государствам и за время войны превратились из «мирового должника» в «мирового кредитора». А в Америке жили и действовали братья Макса Варбурга — Пол и Феликс. Компаньоны Шиффа и банка «Кун и Леб», причем Пол Варбург являлся вице-президентом Федеральной резервной системы США (по

функциям — аналог Центробанка, но не государственная структура, а кольцо частных банков). Э.Саттон приводит доказательства, что в финансировании революции принимали также участие Морган и ряд других банкиров.

А в ее планировании и осуществлении важную роль сыграло окружение президента Вильсона. В том числе его «серый кардинал» Хаус. Он еще летом 1914 г. был озабочен раскладом сил в войне и докладывал Вильсону, что победа Антанты «будет означать европейское господство России». Но и победу Германии он считал крайне нежелательной для США. Отсюда напрашивался вывод — победить должна Антанта, но без России. Хаус задолго до Бжезинского высказывался, что «остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная Европейская часть страны». Ну а летом 1916 г. он внушал президенту, что Америка должна будет вступить в войну, но только после свержения царя, чтобы сама война приобрела характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». А ведь срок вступления США в войну оговаривался с державами Антанты заранее! И назначался на весну 1917 г.

К катастрофе России приложила руку не только Америка. Одним из единомышленников и ближайших сподвижников Хауса стал резидент британской разведки МИ-6 в США Вильям Вайсман (до войны — банкир и после войны станет банкиром, причем будет принят на фирму «Кун и Леб»). Через Вайсмана политика Хауса согласовывалась с верхушкой правительства Англии — Ллойд Джорджем, Бальфуrom, Мильнером.

И тайные связи обнаруживают такие хитросплетения, что порой остается только руками развести. Так, дядя Троцкого Животовский являлся компаньоном Путилова, солидным акционером «Русско-Азиатского банка». И находился в тесных контактах с Олафом Ашбергом, хозяином «отмывочного» «Ниа-банка», создал с ним совместную «Шведско-Русско-Азиатскую компанию». А деловым представителем Животовского в США был не кто иной, как Соломон Розенблюм, более известный под именем Сиднея Рейли. Бизнесмен и одновременно супершпион, работавший на Вильяма Вайсмана. Офис, где Рейли вел деловые операции, находился в Нью-Йорке по адресу Бродвей-120. В одном кабинете с Рейли работал его компаньон, некий Александр Вайнштейн. Тоже приехавший

из России, тоже связанный с британской разведкой — и устраивавший в Нью-Йорке сборища российских революционеров. А брат Александра, Григорий Вайнштейн, был владельцем газеты «Новый мир», редактором которой по приезду в США стал Троцкий. В редакции газеты сотрудничали также Бухарин, Коллонтай, Урицкий, Володарский, Чудновский. Мало того, по указанному адресу, Бродвей-120, располагалась банковская контора Вениамина Свердлова, и они с Рейли были закадычными друзьями. Не слишком ли много «совпадений».

Да и мимо такой фигуры, как Троцкий, имея стольких общих знакомых, британский резидент Вайсман пройти никак не мог. Известно, что им был разработан особый план «Управление штормом», согласно коему следовало влиять на события в России через «своих» людей. Позже в написанном им труде «Разведывательная и пропагандистская работа в России» Вайсман уклончиво укажет, что «один из наших американских агентов, очень известный интернациональный социалист... был сразу же принят большевиками и допущен на их собрания». По всем признакам под характеристики этого «интернационального социалиста» подходит только один человек: Лев Давидович.

В России у американо-британской «закулисы» тоже было все схвачено. Ее эмиссаров хватало не только в Думе, но и в царском правительстве. Одним из таковых являлся министр финансов Барк, заключавший крайне невыгодные договоры о займах, которые требовалось «обеспечивать» отправкой в Англию русского золота (и не оно ли потом, после «отмывок» в Британии, США и Швеции шло под маркой «германского» на финансирование большевиков?). Агентами чужеземных врагов России были также товарищ министра путей сообщения Ломоносов (в дни революции загнавший поезд Николая II вместо Царского Села к заговорщикам в Псков), министр внутренних дел Протопопов (клавший под сукно доклады полиции о заговоре и на несколько дней задержавший информацию царю о беспорядках в столице). В Февральской революции активно поучаствовали дипломаты и спецслужбы Англии и Франции. Заговорщики, готовившие переворот, были тесно связаны с послами этих держав Бьюкененом и Палеологом.

А при поддержке Барка 2 января 1917 г., буквально накануне революции, в Петрограде было впервые в Рос-

сии открыто отделение американского «Нейшнл Сити-банка». Причем первым клиентом стал заговорщик Терещенко, получивший кредит в 100 тыс. долларов (по нынешнему курсу — около 2 млн. долл). Исследователь русско-американских финансовых отношений С.Л. Ткаченко отмечает, что кредит в истории банковского дела был совершенно уникальным — без предварительных переговоров, без указания цели займа, обеспечения, условий погашения. Просто дали деньги, и всё. Накануне грозных событий побывал в Петрограде и военный министр Англии банкир Мильнер. Имеются сведения, что он также привез весьма крупные суммы. А.А. Гулевич приводит доказательства, что как раз после этого визита агенты британского посла Бьюкенена спровоцировали в Петрограде беспорядки. Американский посол в Германии Додд впоследствии сообщил, что в февральских событиях важную роль сыграл представитель Вильсона в России Крейн, директор компании «Вестингауз Электрик». И когда революция грянула, Хаус писал Вильсону: «Нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию».

Да уж, влияние было несомненным. После того, как Николая II обманом вынудили отречься и обманом же подсунили ему на подпись список правительства (якобы от лица Думы, которая этого вопроса никогда не рассматривала), «легитимность» новой власти обеспечила отнюдь не всенародная поддержка — ее обеспечило мгновенное признание со стороны Запада. США признали Временное правительство уже 22 марта, известный американист А.И. Уткин отмечает: «Это был абсолютный временной рекорд для кабельной связи и для работы американского механизма внешних сношений». 24 марта последовало признание со стороны Англии, Франции, Италии. И уж если коснуться версии о неготовности русского народа к демократии по западным образцам, то они выдают полную некомпетентность авторов. Временное правительство было куда более диктаторским, чем царское, — оно сделало то, на что не решался Николай II: распустило Думу. Кучка заговорщиков, дорвавшихся до руля государства, сосредоточила в своих руках и законодательную, и исполнительную, и верховную власть. И сама в узком кругу решала, кого допустить в свою среду, кого отправить в отставки. Но таких вопиющих нарушений «демократии» иностранцы упорно «не замечали».

После Февральской революции заторопились на родину и эмигранты. Агенты Парвуса Платтен, Моор, Радек уговаривают Ленина ехать через Германию. А у Троцкого возникает другая проблема. Его путь лежал через зоны морского контроля Англии и Франции, однако в досье их контрразведок он значился немецким агентом. Но решилось все очень легко — Троцкий тут же получил американское гражданство и паспорт США! Опять в «рекордные» сроки. Ряд американских политических деятелей и историков подтверждали, что сделано это было по указанию президента Вильсона. Очевидно, не без участия Хауса и Вайсмана. Ленин и Троцкий отъезжают в Россию одновременно. Но затем происходит странная история. Британские власти без всяких проблем выдают Троцкому транзитную визу, но в первом же канадском порту, Галифаксе, его и спутников арестовывают как агентов Германии. А через месяц Госдепартамент США вдруг вступает за своего гражданина, вмешивается и посольство Великобритании в Вашингтоне, и, к удивлению контрразведчиков, Троцкого освобождают.

Объяснение тут может быть только одно. Точно так же, как в 1905 г. «тормознули» Ленина, так в 1917 г. предпочли «тормознуть» Льва Давидовича. На этот раз первым должен был приехать и стать вождем революции Ленин — именно проследовавший через Германию! «Запачканный» этим шагом, маркированный в качестве «германского ставленника». Западные теневые круги готовились сокрушить Россию, но свалить вину требовалось сугубо на немцев. И Троцкого арестовали, чтобы его тоже представить немецким ставленником, выпятить «германский след» и скрыть англо-американский.

Разумеется, не все западные политики и дипломаты были причастны к этим операциям. И степень их допуска к тайнам была различной. Французская и часть британской «закулисы» полагали, что в ходе Февральской революции цели подрывных акций достигнуты. Россия ослаблена. Ее новые правители куда более послушны зарубежным «наставникам», чем царь и его министры. При дежке плодов победы восточную союзницу можно будет обойти. Стало быть, пора стабилизировать положение в России, чтобы с ее помощью завершить войну. Но высшие круги политической и финансовой элиты США и Англии вынашивали другой план. Россия должна была пасть окончательно. И выйти из войны. Да, таким обра-

зом откладывалось достижение победы. На фронтах должны были пролиться дополнительные моря крови, пасть дополнительные сотни тысяч французов, англичан, американцев. Но и выигрыш обещал быть колоссальным — Россия навсегда выбывала из числа конкурентов Запада. И ее саму можно было пустить в раздел вместе с побежденными.

Иногда подрывную деятельность Шиффа, Вайсмана, Пола Варбурга и иже с ними расценивают как «прогерманскую». Это неверно. Это была политика «финансового интернационала». И проводили ее не только американские и английские круги, но и Парвус, Макс Варбург, австрийские Ротшильды. Она была не прогерманской, а антироссийской. Рухнувшую Россию в лагере Антанты должны были заменить США (пожав все политические и геополитические плоды победы). А монархиям Германии, Австро-Венгрии, Турции тоже предстояло пасть — но позже, чем наша страна. Ведь теории Ленина и Троцкого предусматривали экспорт революции в Европу. Кайзер и немецкие генералы знали о таких идеях, но не считали их реальными. Зато западных покровителей большевиков это вполне устраивало. Разложить противника (и уже за русский счет) — что и обеспечит победу в войне. Но для Германии и Австро-Венгрии предусматривалось только ослабление и «демократизации» (естественно, с «приватизациями»). Россию же требовалось обвалить в полный хаос.

Для этого была применена ступенчатая система сноса. Либералы-заговорщики во главе со Львовым, наломав дров, под давлением западных держав вынуждены были уступить власть еще более радикальным «реформаторам» во главе с Керенским. А на смену им уже подталкивались большевики — через посредство Свердлова и Каменева объединенные с троцкистами. Интриги вокруг России летом и осенью 1917 г. представляются весьма красноречивыми. Когда Корнилов предпринял попытку навести в стране порядок, он сперва получил горячую поддержку британских и французских дипломатов. Но их политику сорвал посол США в Петрограде Френсис. По его настоянию и по каким-то новым полученным инструкциям послы Антанты вдруг резко изменили позицию и вместо Корнилова поддержали Керенского. В дальнейшем дипломаты Антанты во главе с Бьюкененом старались нажать на Керенского, внушая ему необходимость действовать решительно и расправиться с большевиками. Но и

это сорвал Френсис, и Бьюкенен жаловался в Лондон, что посол США саботирует выработку «общей политики Запада в отношении кабинета Керенского», что «американцы играют в собственную игру».

Кроме официальных представителей иностранных держав действовали и неофициальные. Например, в Россию прибыла американская миссия Красного Креста. Дело, вроде бы, хорошее, благородное. Но состав ее был довольно странным. Из 24 членов миссии лишь 7 имели какое-то отношение к медицине. Остальные — представители банков, крупных промышленных компаний и разведчики. Возглавлял миссию Уильям Бойс Томпсон, один из директоров Федеральной резервной системы США. Его заместителем был полковник Раймонд Робинс. При миссии состоял и Джон Рид, не только журналист и автор панегирика Троцкому «10 дней, которые потрясли мир», но и матерый шпион. Он «оказывал услуги» американскому правительству еще в мексиканскую революцию, а в 1915 г. арестовывался русской контрразведкой, при нем нашли улики в связях с сепаратистами, но под давлением госдепартамента США и посольства пришлось отпустить. Потом он курировал турне по Америке Александры Коллонтай. При миссии состояло и трое секретарей-переводчиков. Капитан Иловайский — большевик, Борис Рейнштейн — позже стал секретарем Ленина, и Александр Гомберг — в период пребывания Троцкого в США был его «литературным агентом». Нужны ли комментарии?

Раймонд Робинс стал одним из ближайших советников Керенского. Британский атташе Нокс доносил, что его влияние на министра-председателя «чрезвычайно растет», и он внушает Керенскому «очень опасные идеи». Уильям Б. Томпсон в своих мемуарах отмечал, что миссия, кроме того, «осуществляла свою деятельность через Давида Со-списа» — секретаря и помощника Керенского (по «со-впадению» открывшему в эти же месяцы весьма крупный счет в петроградском отделении «Нейшнл Сити банка»). Ну а еще одним очень близким доверенным лицом Керенского стал Сомерсет Моэм — будущий великий писатель, а в то время секретный агент британской МИ-6, подчинявшийся резиденту в США Вайсману. Стоит ли удивляться, что при таких советниках министр-председатель принимал худшие из решений и фактически упустил власть, доставшуюся большевикам почти без борьбы?

Кстати, с июля по октябрь они не получали финансирования от Германии. После провала июльского путча эти каналы были вскрыты русской контрразведкой. А.Г. Латышев в своей работе «Рассекреченный Ленин» приводит документы, свидетельствующие, что Владимир Ильич оборвал даже запасные каналы, опасаясь окончательно дискредитировать партию. Но могли ли возникнуть проблемы с деньгами, если в Петрограде находился столь своеобразный американский Красный Крест во главе с одним из директоров ФРС США? Справка Секретной службы Соединенных Штатов от 12 декабря 1918 г. отмечала, что крупные суммы для Ленина и Троцкого шли через вице-президента ФРС Пола Варбурга. Известно и то, что после победы большевиков, 30 ноября, Томпсон и Робинс посетили Троцкого, конфиденциально побеседовали, и 2 декабря Томпсон направил запрос Моргану — перечислить Советскому правительству 1 млн долларов. Видимо, на экстренные нужды. Об этом сообщала газета «Вашингтон пост» от 2 февраля 1918 г., сохранилась и фотокопия ответной телеграммы Моргана о перечислении денег.

Зачем предпринимались все усилия и расходы, истинные организаторы революции хорошо знали. Тот же Томпсон, покинув Россию, остановился в Лондоне, вместе с помощником Хауса Ламотом провел переговоры с британским премьером Ллойд Джорджем и 10 декабря 1917 г. представил ему меморандум, где указывалось: «...Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир». Да, «трофей» был грандиозный. Наша страна выбыла из числа победителей в войне, раскололась на национальные республики и враждующие лагеря. Причем Советское правительство оказалось насквозь заражено агентами «сил неведомых» и действовало фактически под их контролем.

Троцкий на переговорах в Бресте не только провозгласил известную формулу «ни войны ни мира». Он своим приказом распустил остатки армии. И на конфиденциальной встрече с министром иностранных дел Австро-Венгрии Черниным откровенно подсказал, что не может «отказаться от своих принципов», но «германцы могут коротко и ясно заявить, каковы те границы, которых они требуют», и «если речь пойдет о грубых аннексиях», то «Россия слишком слаба, чтобы сопротивляться». Разумеется, противник воспользовался советом, захватив то, что хотел.

1 марта под предлогом германской угрозы Лев Давидович отдает приказ Мурманскому Совету: «*Вы обязаны* принять всякое содействие союзных миссий». Этот приказ открыл дорогу для британо-американской интервенции Русского Севера. Вполне официально, без сопротивления, с согласия Советского правительства (против был только Сталин). И Хаус писал в дневнике: «Троцкий просил о сотрудничестве в Мурманске и по другим вопросам». С 14 марта Лев Давидович неожиданно для многих назначается наркомом по военным и морским делам. И главными его советниками при формировании новой, Красной Армии становятся... британские разведчики Локкарт, Хилл, Кроми, американец Робинс, французы Лавернь и Садуль. А Рейли оказывается «своим» человеком в кабинете руководителя Высшего военного совета М.Д. Бонч-Бруевича, устанавливает «дружбу» с управделами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичем, не забывает и Вениамина Свердлова, тоже приехавшего в Россию и по протекции брата получившего пост заместителя наркома путей сообщения.

Костяк армии, кстати, образовали отнюдь не русские, а нахлынувшие из-за рубежа «интернационалисты»: евреи, латыши, китайцы...

И хотя представители Антанты декларировали, будто содействуют обороне России против Германии, в войска было влито 250 тыс. немецких и австрийских пленных, они составили 19% численности красных вооруженных сил! Впоследствии генконсул США Харрис уличил Робинса, что тот, помогая формировать и вооружать части из неприятельских подданных, прекрасно знал о подобном положении дел. Но против кого же предназначалась такая армия? Ясное дело, Антанта помогала создавать ее не против себя. И против немцев она не годилась. Остается — против русского народа...

Причем одной рукой иностранцы Советскую Россию вооружали, а другой... подрывали ее мощь. В мае 1918 г. Троцкий внезапно, без каких-либо видимых причин, приказал готовить к уничтожению Балтфлот, перед этим спасенный от немцев героическими усилиями моряков. Сорвал акцию начальник морских сил Балтики Щастный, за что был расстрелян. И лишь на суде случайно выяснилось, что инициатива исходила от англичан, операцию курировал их атташе (и разведчик) командор Кроми. Но если на Балтийском море диверсия провалилась, то на

Черноморском флоте частично удалась. И в письме Локкарта Робинсу упоминается, что по просьбе Троцкого для этого была направлена на Юг «комиссия британских морских офицеров».

К углублению российской трагедии прилагал усилия не только Лев Давидович. Эмиссарами зарубежной закулисы в советской верхушке были также Каменев, Зиновьев, Бухарин, Раковский, Свердлов, Коллонтай, Радек, Крупская. Важнейшую роль играл серенький и неприемный тесть Бухарина (а в прошлом очень близкий к Парвусу) Ларин (Михаил Зальманович Лурье). Он вошел в президиум ВСНХ, каким-то образом заслужил репутацию «экономического гения», приобрел очень большое влияние на Ленина. И даже такой ярый русофоб как американский историк Р.Пайпс отмечал, что «другу Ленина, парализованному инвалиду Ларину-Лурье принадлежит рекорд: за 30 месяцев он разрушил экономику сверхдержавы». Именно он разрабатывал и внедрял через Владимира Ильича схемы «военного коммунизма»: запрет торговли и замена ее «продуктообменом», продразверстка, всеобщая трудовая повинность с бесплатной работой за хлебную карточку, принудительная «коммунизация» крестьян...

Все это привело к голоду, разрухе. И к масштабному разжиганию Гражданской войны. А «помощь» антисоветским силам становилась отличным предлогом для наращивания интервенции и дальнейшего расчленения страны. Причем и в этом случае кое-кто в большевистском правительстве играл явно нечисто. Например, еще 5 марта 1918 г. Троцкий в беседе с Робинсом выражал готовность отдать под контроль американцев главную железнодорожную артерию России, Транссибирскую магистраль. 27 апреля по просьбе союзников Лев Давидович вдруг приказал приостановить отправку на восток Чехословацкого корпуса, который должны были через Владивосток вывезти во Францию. И чешские эшелоны остановились в разных городах от Волги до Байкала. 11 мая в Лондоне в резиденции Ллойд Джорджа состоялось секретное заседание, где было решено «рекомендовать правительствам стран Антанты не вывозить чехов из России», а использовать «в качестве интервенционистских войск». И Троцкий немедленно подыграл! 25 мая по ничтожному поводу драки между чехами и венграми в Челябинске он издал приказ разоружить корпус: «Каждый чехословак, найден-

ный вооруженным... должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором будет найден хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в концлагерь».

Приказ сыграл явно провокационную роль. Корпус взбунтовался. А «на выручку» чехам хлынули контингенты Антанты. Сибирь фактически отделилась от России. Это нашествие сопровождалось колоссальным разграблением. С Севера, из Закавказья, Одессы, Сибири интервенты вывезли огромные ценности, значительно превышавшие их затраты на «антисоветскую» борьбу. Впрочем, свергать Советскую власть они вовсе не намеревались. Об этом недвусмысленно заявлял Ллойд Джордж: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они борются за единую Россию. Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании». Впоследствии английский премьер признавал: «Мы сделали все возможное, чтобы поддерживать дружеские дипломатические отношения с большевиками, и мы признали, что они являются правителями... Мы не собирались свергнуть большевистское правительство в Москве». О том же говорил и Вильсон: «Всякая попытка интервенции в России без согласия Советского правительства превратится в движение для свержения Советского правительства ради реставрации царизма. Никто из нас не имел ни малейшего желания реставрировать в России царизм». И чехи на Востоке, и англичане на Севере, и французы на Юге лишь захватывали то, что «плохо лежит».

Но планы прямой интервенции потерпели крах. Во-первых, в лагере Антанты не было единства, все видели друг в друге конкурентов, американцы боялись чрезмерных аппетитов и усиления англичан и японцев. Во-вторых, возникло массовое народное сопротивление. А руководство большевиков состояло не только из чужеземных агентов. В нем сформировалось патриотическое крыло — к которому принадлежали Сталин, Фрунзе, Дзержинский, Орджоникидзе, Ворошилов и др. Русские люди, возмущенные оккупацией (и засильем «интернационалистов» тоже) становились их опорой, это крыло усиливалось, и беспрепятственно торговать страной для троцких становилось затруднительно. В-третьих, карты западных держав смешало Белое Движение. Несмотря на свою слабость, разобщенность, противоречивость, оно заняло стро-

го патриотическую позицию, кабальные сделки с иностранцами отвергало и провозгласило борьбу за «единую и неделимую».

Хотя тем самым оно подписало себе смертный приговор. Если разобраться, то белогвардейцы не имели ни малейшего шанса на победу — поскольку слепо, до последнего, держались за союз с Антантой, считая его залогом успеха. А Антанта сделала все, чтобы они не смогли победить. Поддержка белых по сравнению с реальными возможностями Запада была мизерной. И осуществлялась только для затягивания Гражданской войны, нарастания взаимного ожесточения, чтобы катастрофа России стала необратимой. Причем даже в ходе боевых действий можно отметить четкую координацию действий иностранцев и их эмиссаров в советских верхах.

Так, ходили легенды про поезд Троцкого — там, где он появлялся, поражения сменялись победами. Объясняли, что в поезде действовал штаб из лучших военных специалистов, да и сам он являлся серьезной боевой единицей с запасами оружия, отрядом отборных бойцов-латышей, дальнобойными морскими орудиями. Но этот поезд имел оружие, куда более серьезное, чем пушки. Мощную радиостанцию, позволявшую связываться даже со станциями Франции и Англии. Вот и проанализируйте ситуацию. В октябре 1919 г. армия Юденича чуть не берет Петроград. Туда мчится Троцкий, драконовскими мерами организуя оборону. Но наряду с этим загадочные вещи начинают твориться в белых тылах. Британский флот, который должен был прикрыть наступление со стороны моря, вдруг уходит в Ригу. Союзные Юденичу эстонские части неожиданно бросают фронт. А Лев Давидович по странной «прозорливости» нацеливает контрудары точнехонько на оголившиеся участки!

Позже эстонское правительство проговорилось, что уже с октября каким-то образом вступило с большевиками в тайные переговоры. А в декабре, когда разбитые белогвардейцы и десятки тысяч беженцев откатились в Эстонию, началась вакханалия. Русских убивали на улицах, загоняли в концлагеря, женщин и детей заставляли сутками лежать на морозе на железнодорожном полотне. Множество людей умерло. За это большевики щедро расплатились, заключив 2 февраля 1920 г. с Эстонией Тартусский договор, признав ее независимость и в придачу к национальной территории отдав ей 1 тыс. кв. км. русской земли.

Аналогичным образом получил удары в спину Деникин. Против Колчака при активном участии западных «союзников» в тылах был организован заговор Политцентра. А чехи, подчинявшиеся командованию Антанты, взяли Верховного Правителя под «международную охрану» — и выдали на расправу. Ну а с 1920 г. Запад вступил в открытые контакты с большевиками. Эстония и подсуеившаяся вслед за ней Латвия стали таможенными «окнами», через которые хлынуло за рубеж золото. Оно вывозилось тоннами под маркой фиктивного «паровозного заказа» и другими прикрытиями. Очевидно, большевики расплачивались со своими тайными покровителями и кредиторами. «Отмывкой» ведал все тот же Олаф Ашберг, который предлагал всем желающим «неограниченное количество русского золота». В Швеции оно переплавлялось и уже с другими клеймами растекалось в другие страны. Львиная доля — в США. «Интернационалист» Джон Рид был в марте 1920 г. задержан в Финляндии с чемоданом бриллиантов, но тут же вступился американский госдепартамент и его отпустили.

В общем, план в отношении России был выполнен. Страна лежала в руинах, потеряла часть своих территорий. В 1917 — 1921 гг. в боях, от эпидемий, голода, террора погибло 14—15 млн. человек. Плюс 5—6 млн. жертв голода в 1921—1922 гг. Только погибшими Россия потеряла 12—13% своего населения. Не считая подорвавших здоровье, раненых, искалеченных. И морально искалеченных. Первокласные до революции промышленность и транспорт были разрушены.

А если вспомнить о классовой теории, то революция принесла выгоду, конечно же, не нашим рабочим и крестьянам. Выиграли в первую очередь крупные западные капиталисты. Они избавились от главных конкурентов, русских. Они наживались на вывозе из России золота, произведений искусства, сырья, зерна. Еще один колоссальный поток ценностей выплеснулся на Запад в 1922 — 23 гг., после разгрома и ограбления Православной Церкви. Современный американский историк Р.Спенс приходит к выводу: «Мы можем сказать, что русская революция сопровождалась самым грандиозным хищением в истории. Миллионы и миллионы долларов в золоте и других ценностях исчезли. Другие деньги и средства были тайно перемещены из одних мест в другие». Мало того, в 1920-х гг. американские и британские бизнесмены вовсю

ринулись подминать советские рынки, экономику, хапая в концессии промышленные предприятия, богатейшие месторождения полезных ископаемых. И Троцкий в 1921 г. открыто заявлял: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Бернарда Баруха». Для осуществления финансовых операций с зарубежными кругами в 1922 г. был создан Роскомбанк (прообраз Внешторгбанка), и возглавил его... опять Ашберг. В махинациях участвовали те же самые эмиссары, которые разрушали Россию. Зиновьев, Каменев, Бухарин, Радек, Раковский.

А уж для Троцкого операции по разворовыванию страны стали поистине «семейным» делом. Лев Давидович ведал распределением концессий, возглавлял кампанию по изъятию церковных ценностей, руководил работой «по реализации ценностей Гохрана». Брат его «литературного агента» (и переводчика американской миссии Красного Креста) Вениамин Гомберг возглавил Русско-Германскую торговую компанию и Всесоюзный химический синдикат. Еще один ставленник Льва Давидовича, Серебровский (на квартире которого Троцкий жил в 1917 г.) получил под начало Главнефть и Союззолото. В операциях играла активную роль сестра Троцкого Ольга Каменева, председатель специально для нее созданного Международного отдела ВЦИК. Не осталась в стороне и жена Льва Давидовича Наталья Седова, выпускница Сорбонны, дипломированный искусствовед, она была квалифицированным семейным экспертом, получила пост заведующей Главмузея — еще одно «золотое дно». И сбывались на Запад драгоценные иконы XV, XVI, XVII вв. по символическим ценам 50, 100, 150 руб. А дядюшка Троцкого Абрам Животовский уютно обосновался в Стокгольме, где вместе с Ашбергом занимался реализацией награбленных ценностей. Действовали и другие каналы. Например, Вениамин Свердлов предпочитал перепродавать пушнину, нефть, антиквариат через своего старого приятеля и партнера Сиднея Рейли. Как видим, «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» на самом-то деле был бессмысленным и беспощадным только для русских. А для тех, кто его организовал, он оказался очень даже осмысленным и полезным.

Положение стало постепенно меняться лишь после 1924 г., когда к власти пришел Сталин и начал набирать (далеко не сразу) все больший вес в советском руководстве. Правительство стало постепенно прижимать и выд-

ворять угнездившихся в нашей стране и раскатавших губы на ее эксплуатацию иностранных концессионеров. В ходе борьбы с «троцкизмом», «левыми» и «правыми» оппозициями покатались со своих постов чужеземные эмиссары и их приспешники. А с 1936 г., после того, как советской разведке удалось в Париже похитить часть архива Троцкого, и в распоряжение Сталина попали документы, раскрывшие истинную картину российской катастрофы, покатались и головы. Тех, кто разрушал, обескровливал и разворовывал страну, судили как шпионов, изменников, вредителей, врагов народа. Но, по сути, они таковыми и были!

Именно правда о том, кто и зачем инициировал революцию, ставшая известной из троцкистских документов и широко дополненная в ходе следствий и процессов (например, от «расколовшихся» и купивших себе жизнь Радека и Раковского), явилась причиной, по которой Иосиф Виссарионович принялся переосмысливать прежние установки и круто менять политический курс от «интернациональной» и «революционной» системы координат к восстановлению основ российской державности. Прекращается финансирование Коминтерна, сменяются учебники истории, реанимировавшие преемственность между царской и советской Россией, в литературу возвращаются «изгнанные» Пушкин, Достоевский, Толстой и др., начинают выходить фильмы о российских полководцах и государственных деятелях, в армии вводятся офицерские и генеральские звания, реабилитируется казачество, прекращаются гонения на Православную Церковь. Этой же открывшейся страшной правдой объясняются и другие политические шаги Сталина: недоверие к правящим кругам Англии, США и Франции, попытки избежать повторения ситуации 1914 г., когда западные державы ввели Россию в войну с Германией...

Что же касается фигуры Троцкого, то при внимательном изучении она даже несколько «разочаровывает» исследователя. В отличие, скажем, от Якова Свердлова, он никогда не был талантливым организатором, руководителем. В начале своей карьеры он проявил себя бойким журналистом и оратором — им он и остался, не более того. «Величие» Троцкого, «гений» Троцкого (даже в смысле «черный гений») — один из мифов XX в. Вся его слава, весь его имидж «вождя» были созданы искусственно, по обычной рекламной технологии «раскручивания звезд».

Никогда и ничего он не добился сам! Его умело вели внешние силы, и всегда он попадал на «готовое». Его обслуживали, помогали, продвигали. Но все практические дела для него осуществляли неприметные «рабочие лошадки». И собирал-то этих «лошадок» не он — ему выискивали их, услужливо ими окружали. А сам он на любых ступенях своей головокружительной карьеры так ничему и не научился. Росли только его гонор и амбиции. Это была искусственно раздутая и раскрашенная историческая «пустышка». И именно из-за этого он так легко проиграл схватку за власть.

Силы «мировой закулисы» отнюдь не оставили его. Через других эмиссаров в советской верхушке ему помогли путем «высылки» очутиться за границей, даже вывезти огромный архив. В эмиграции он не нуждался в деньгах, содержал прислугу и большую охрану. Но оказался не способен практически отработать «доверие». Вся его деятельность свелась к написанию хвастливых мемуаров и лживых пасквилей. Несмотря на финансирование и поддержку, он так и не сумел создать за рубежом мало-мальски весомую и жизнеспособную антисталинскую партию — такую, какой являлись до революции большевики. Когда же теневые покровители поняли, что использовать Троцкого больше не получится, он стал ненужным. Его высылают из Франции, из Норвегии. И ни одна страна Запада не соглашается его принять, в том числе США (гражданином коих он был с 1917 г.).

Дала пристанище только Мексика. Но Лев Давидович для своих прежних хозяев стал не только лишним, а еще и опасным. В преддверии Второй мировой войны он решил действовать по старой схеме. Его представители принялись наводить мосты с германским абвером. Однако Троцкий знал слишком много о тайной стороне прошлой войны. Американским и британским теневым кругам вовсе не улыбалось, чтобы его информация стала достоянием германской разведки. Но они не стали сами возиться, устраняя отработанную и неудобную фигуру. Они поступили иначе. В США вышла книга дневников советника Вильсона Хауса, где весьма прозрачно раскрывалось, на кого работал Троцкий, какие задания он выполнял. В 1939 г. дневники переиздали в СССР. Нетрудно понять, что в такое время подобная книга могла выйти только с ведома и по указанию одного человека — Сталина. То есть с дневниками Хауса он ознакомился. Бывшие по-

кровители попросту «засветили» Троцкого, а «засвеченный» агент, как известно, долго не живет.

Представляется любопытным, что в марте 1940 г. Гарвардский университет купил у Троцкого оставшуюся часть его архивов, около 20 тыс. единиц хранения. Купил очень вовремя, чтобы они не попали в нежелательные руки. Сделка произошла за два месяца до первого покушения, осуществленного группой Сикейроса, и за пять месяцев до того, как Рамон Меркадер привел в исполнение приговор советского суда. Даже и с похоронами возникли проблемы. Лев Давидович почему-то мечтал, чтобы его погребли в США, написал об этом в завещании, однако Америка безразлично отказалась принять его прах. Останки изверга и святотатца не желали принимать и мексиканские кладбища, ни католические, ни иудейские. В итоге закопали, как собаку, во дворе его собственного дома...

Многие документы из архивов Троцкого не рассекречены и не опубликованы до сих пор. И, скорее всего, еще не скоро будут опубликованы.

От редакции.

Уважаемые читатели, не напоминают ли вам действия т.н. «интернационалистов» в первые годы большевистской власти по уничтожению и ограблению Великой России деятельность «реформаторской» российской власти за последние 18 лет? И не те же ли самые импортные корни у горбачевско-ельцинской «перестройки»? Разве теперь не такие же агенты влияния в кремлевских верхах? Тогда грабильная страна называлась продрозверсткой и военным коммунизмом, ныне — приватизацией и дефолтом. Тогда этим занимались евреи Троцкий-Ленин-Свердлов и компания, а в наше время — евреи Чубайс-Гайдар-Березовский с подручными. Имя им — легион...

Но история и высшая справедливость рано или поздно всё и всех расставляют по своим местам. И итог для нынешних геростратов будет таким же, как и прежде, — в виде неизбежного возмездия.

Владимир ОСИПОВ

УРОКИ ЖИЗНИ

ПЕТЯ

Это случилось в мои московские студенческие годы. Я был совершенно не церковным человеком, но верующим, правда, достаточно отвлеченно: просто знал, что Бог есть. Хотя вера отцов была мне, конечно, ближе любой другой. Крепко дружил тогда с сокурсником Петром, который мог перечислить все двенадцатые праздники, знал, кто такой Сергей Радонежский, мог отличить Дионисия от Андрея Рублева, почитал старообрядцев. Но в Бога не верил. К религии относился как к основополагающему пласту культуры и идее, создавшей Русское государство.

Как-то он меня вытащил в Новый Иерусалим, показал весь монастырь, бывший тогда музеем, многое объяснил, просто заваливая информацией.

В общезнании, за чаем, я высказал мысль, что, если бы не было Бога, не состоялись бы такие иконы, монастыри-крепости, да и Россия. Он возражал, что как раз наоборот: живописцы, строители, воины создали идею, назвав ее Православием. Завязался спор. Петр сказал, что лишь тогда поверит в Бога, когда лично ощутит Его присутствие.

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

— Как это?

— Например, пойду я в лес. И вдруг Он возьмет меня за руку и оттащит в сторону. А в это время на место, где я стоял, упадет сосна.

Студенческие годы, хотя и счастливые, но голодноватые, и поэтому мы почти все где-то подрабатывали. Я устроился неплохо: вечерним разнорабочим в родном институте, так что выходные были свободны — хоть в музей, хоть на природу. А вот другие вкалывали по выходным. Петру с утра надо было на какую-то фабрику.

Встретились на следующий вечер. Петр пришел с бутылкой красного сухого вина, сказав, что сегодня праздник. Я не возражал. Но был он какой-то бледный, задумчивый.

— Что случилось?

Оказывается, вот что. Во время работы стал он в очередной раз устанавливать на наковальню форму с каким-то полупластмассовым литьем. Как всегда, без помощи спецприспособлений, а по пояс залезая под пресс и все делая руками. Вдруг кто-то громко его окликнул: «Петя!..» Причем, голос напомнил голос отца, находившегося за тысячу верст. Петя встал и обернулся. В это время пресс рухнул на наковальню, раздавив и форму, и все, что в ней находилось. А в цеху никого не было, все уже ушли на обед.

Петр налил себе еще, выпил и произнес:

— Вербное Воскресение.

СПАСАТЕЛЬ АНДРЕЙ

Тогда я был молод. Это был мой первый отпуск после окончания института и года работы в редакции многотиражной газеты. В разгар «бархатного» сезона мы с другом поехали к Черному морю и сняли комнату в домике, почти что на самом берегу.

Тогда я был здоров. Вечером выпивал с полведра сухого вина, а утром бегал по гальке у кромки воды.

Тогда я был духовно недоразвит. В действующий сочинский храм, в недействующий Гелатский монастырь, в полуразрушенные абхазские обители VI века ходил на экскурсии.

Тогда я думал, что жизнь бесконечна, и я никогда не постарею, и не представлял собственную смерть.

...Море штормило еще с утра, и это радовало — жара

уже надоела. Мы с другом сидели на пустынном пляже и мрачно-глушили вино, потому что с девушками не вышло. Вино по этому случаю взяли покрепче. Но вскоре и это надоело. Пошли в шашлычную, но не в ближайшую, а к пансионату, с надеждой, что, может, там выйдет.

Жизнь тогда была дешевая, и отпускных денег хватало на многое. Заказали. Куражились. Действовали по-всякому: от рассказывания двусмысленных анекдотов до чтения любовной лирики Пастернака. Но что-то в тот день не выходило.

— Пошли, — скомандовал я другу.

И в это время музыка, навязчиво звучащая в зале, прервалась, и по радио в очередной раз передали о шторме, о том, что нельзя купаться и выходить в море.

Долго бродили по пляжу. Завидев группу молодых людей, присели так, чтобы можно было их наблюдать. Парни и девушки выпивали, ели виноград. Рядом стоял транзисторный приемник. Один атлет (я всегда не любил этих красавцев с идеальными фигурами) разделся и направился к воде. Ему вслед что-то кричали, но он улыбнулся и помахал рукой. Но не успел он приблизиться к морю и на десять шагов, как его обдала мощнейшей волной. Красавчик поехал и вернулся. Над ним посмеялись и протянули стакан.

Тогда я встал и пошел к морю. На том месте, где останавливался красавчик, снял одежду и, как только волна захлестнула меня, бросился вперед. И через несколько мгновений был метров за пятьдесят от берега. Меня швыряло, и я радостно плыл. Потом обернулся — и не увидел берега. Поплыл назад, но было очень трудно. Решил взять в сторону и взобраться на пирс. Получалось. Но вдруг понял, что меня разобьет о железобетонную глыбу. Снова поплыл к берегу, стараясь сливаться с накатывавшей волной. До берега оставалось немного, но отхлынувшая волна отбросила меня назад, перевернув несколько раз. Я нахлебался и воды, и песка. Но все еще пытался и пытался выбраться, пока силы мои не кончились, и не перестал ощущать соленость воды. И тогда я понял: все. И страшно стало за мать: не переживет — пятая смерть ее ребенка, последнего.

И тогда я взмолился, первый раз в жизни: «Господи, помоги!..»

И оказался на берегу. Какой-то безусый паренек, по пояс раздетый и в белых штанах, хлестал меня по щекам.

Потом подбежали люди. Кричали: «Идиот!» — «Молодец — выбрался», — «Да это спасибо Андрею», — «Какому Андрею?» — «Спасателю с шестого причала», — «Хватанул — шестой причал где...» — «Да нет на шестом никакого Андрея...»

Я встал и осмотрелся, ища того паренька. Но его нигде не было, на всем огромном пляже только вокруг меня теснились люди.

— На, на, штаны надень, — толкал меня друг, — а то стоишь в таком виде...

В ГОРИЦАХ

Наш теплоход долго шел вверх, сначала Волгою, потом Шексною. И вот мы в Горицах. Много позже я узнал не только об историческом, но и о мистическом смысле этого древнего поселения, о значении его монастыря в судьбах России, а пока это был для меня просто еще один живописный поселок на Русском Севере, где я до этого не был.

Народ шумной толпою скатил с палубы и занялся, кто чем, в ожидании автобуса до Кирилло-Белозерского монастыря, куда и предстояла экскурсия. А мы, группа самарских паломников во главе с протоиереем Виталием Калашниковым, решили пойти в Горицкий монастырь, посещение которого, вероятно, по его тогдашней ветхости, в программу экскурсий не входило. Извилистые улицы, поросшие муравой, одноэтажные дома, лениво тывающие собаки, гуси, нежащиеся в лужах, мосток через речушку и монастырские стены, до сих пор еще мощные, и внушающие почтение ворота. Первое попавшееся здание — полублестящий, но величественный храм с огромной табличкой «Расписание работы клуба».

В бывших монастырских постройках живут люди, в сараях держат коз, свиней. По обширному подворью ходят куры, ковыряются возле могил, некоторые из которых уже обновлены, и на крестах можно прочесть, что там покоятся «Инокня...», «Игуменья...», «Княжна...». Почти ни о чем не говорим. Лишь отец Виталий рассказывает, что ведутся переговоры с местными властями и организацией по охране памятников о возвращении монастыря Церкви. Я прошу батюшку в случае чего попридержать автобус, так как хочу про Горицы сделать отдельную телепередачу «Символ веры». Отец Виталий благословляет, и

мы с оператором начинаем снимать этот странный, отмеченный благодатью Божией и явным дьявольским присутствием мир. И вдруг я понимаю, что без живого человека здесь не обойтись. Но новых насельников еще нет, а старых жителей не видно. Хотя из двухэтажного дома, притулившегося к монастырской стене, вышел человек, невысокий, жилистый, в тельняшке и серых брюках, заправленных в довольно приличные сапоги. Увидел нас и почти подбежал.

— Че делаем, мужики? — Несильно от него разило вчерашним перегаром и свежавыпитой водкой.

— В кино играем, — ответил я. — Может, снимешься, расскажешь, как ты тут живешь-можешь?

Оператор выбрал точку, Миша (так звали нашего нового знакомого) одернул тельняшку и начал рассказывать, как он родился в монастыре, как вон в тот дом, где сейчас какой-то склад, ходил в детский садик, а в клуб (указал на собор) — на танцы, где девок тискали. И все бы ничего, складно рассказывал Миша, да вот через каждое слово — матерщина. Я его несколько раз останавливал, переснимали — ничего не получалось.

— Нет, Миш, завязываем это дело, я твой рассказ лучше своими словами передам.

— Как хочешь. Ну, что, теперь давай на опохмелку!

— С какого перепуга?

— Так я же работал, — почти растерялся мужичок.

— Ничего себе работа. Если я каждому буду за такое...

— Жадный, что ли?

— Нет. На опохмелку, если есть, я всегда даю, сам знаю, что это такое. А ты уже, — несколько призадумался, — уже граммов сто пятьдесят накатил.

И тут Миша стал так сквернословить, что я не выдержал и схватил его за грудки:

— Послушай, ты в монастыре и не матерись здесь так.

А он мне свое, что это его дом, что он здесь родился, поэтому что хочет, то и делает. Потом стал высказывать предположения, что я «за попов, и хочу отнять у него квартиру», что при Советской власти лучше было, потому что у него была работа, вдруг схватил какую-то палку и замахнулся. Оператор прикрыл собою камеру, я сделал шаг в сторону и просто перекрестил взбесившегося. Миша выронил палку, как-то скорчился и почти заплакал:

— Ты не думай, я ведь крещеный. И душа болит. А вы

все равно скорей уходите отсюда, потому что могу чего-нибудь сделать.

И когда мы уже переходили мосток через речку, вдруг услышали из-за монастырской стены: «Господи, не могу! Ненавижу! Спаси, Господи!»

НАРУШЕНИЕ ОБЕТА

Лет десять тому назад с мужем моей знакомой случилась беда: он преступил закон. Не потому, что хотел совершить преступление, а от недопонимания чувства ответственности за все, что мы совершаем, и вечного русского «авось». Ему грозило заключение — и оттого, что у нас закон, что дышло, оно могло быть немалым. Жена обращалась за помощью к знакомым, родным, в правоохранительные органы, пыталась сама что-то предпринять — все впустую. И тогда взмолилась Богу, чтобы с мужем поступили по совести, а не по закону. Пришла к верующей соседке и попросила ее помолиться вместе с ней об освобождении несчастного и даже дала обет при счастливом исходе родить ребенка и сделать все, чтобы тот посвятил свою жизнь Богу.

И вот из районного центра приходит известие, что муж подвергается немалому, но только административному (!) наказанию, которое вскоре и удалось возместить, продав автомобиль.

А через пару месяцев женщина эта забеременела. Снова пришла к соседке и говорит, что не может рожать, так как из-за продажи автомобиля и некоторых вещей материальное положение в семье очень тяжелое, а тут еще эти нагрянувшие горе-реформы совсем разоряют... Знакомая моя сделала аборт. И начались беды-злосчастья в виде всевозможных женских болезней. За неполных десять лет она перенесла восемь операций, одна сложнее другой, лишилась здоровья и не может нормально вести хозяйство, что, конечно, не способствует росту семейного благосостояния.

Не знаю, насколько она осознала свою вину перед Богом, но знаю, что уже не первый год она ходит по деревне и собирает в семьях ненужные детские вещи, перешивает, латает их и разносит по домам малоимущих. Иногда напечет лепешек или простеньких пирожков и опять же несет в дома, где дети из-за болезни или пьянства родителей недоедают...

ВОЛОДЯ ЦЕРКОВНЫЙ

Как я ни силился, но так и не мог вспомнить его лица. Помню, что был маленький, юркий, в чем-то заносенно-сером, но достаточно опрятный. Раздражал. Потому что, как правило, всегда появлялся передо мной, крутил головой, покашливал, а потом исчезал. Я продвигался ближе к клиросу или амвону, почти вплотную к впереди стоящему, чтобы Володя не мог опять отвлечь меня от молитвы. А то вот так: появится — исчезнет. Но потом он вдруг исчез надолго. Несколько недель его не видел. В глубине души даже немного радовался. И вот сейчас отец Виталий Калашников на проповеди в Софийском храме заговорил о нем. Что нашли в одном из самарских моргов с многочисленными переломами и ушибами. Но умер он не от этого — замерз.

...Когда Володя появился в нашей церкви, точно, наверное, никто не скажет. Откуда — тоже, то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии. Беженец. Где жил? Не знаю. Вроде была какая-то тетка, а может, врал. Фамилию его, по-моему, никто не знал, да и паспорта у него не было. И его стали называть просто: Володя Церковный. Не потому что он был настолько воцерковленный (на воцерковленного он совсем не походил), а потому, что почти всегда находился в церкви — есть служба или нет. А еще частенько подходил к отцу Виталию и просил денег на сигареты. А тот ему: мол, что же ты, Володя, у священника на сигареты спрашиваешь? А он — то ли юродствуя, то ли по простоте душевной: «Мне много не надо, я же «Приму» курю...» — «Володя, если бы ты у меня на хлеб просил...» — «Да хлеб мне и так дадут!»

Иногда Володя приходил к отцу Виталию домой. Где забьет какую-то дощечку в сарае, дворик подметет и опять: «Батюшка, дай на сигареты». Отец Виталий вздохнет, улыбнется — и сдается.

...А с амвона продолжается рассказ о том, как отпевали Володю, как вдруг по его изуродованному лицу из одного глаза потекла слезинка. Отец Виталий сам плачет. Плачут многие прихожане. «А потом свершилось самое невероятное, — рассказывает батюшка. — Когда я подошел ко гробу, чтобы вложить в руку раба Божия разрешительную молитву, его пальцы зашевелились, а когда записочка была в ладони, они сами сжались в кулачок. И это после того,

как он несколько недель пролежал в морге и неизвестно, сколько в снегу на улице».

Нет Володи, нет уже и отца Виталия. О своей болезни при наших встречах батюшка сказал лишь однажды: «Послушай, у нас с тобой одна нутряная хворь, так вот, на ночь лучше пить не кефир — слишком резок, и не ряженку, а варенец». И все. А в последний раз, когда я подходил после Литургии ко кресту, отец Виталий спросил: «Куда исчезал? Почему так выглядишь?» — «Да опять, батюшка, скрутило, чуть не сдох». Он улыбнулся: «Неправильно говоришь. Надо: умер, преставился... Но, думаю, тебе еще рано».

А отца Виталия уже нет. Преставился. Нет Володи Церковного, нет кого-то из моих родственников и соседей. А я все живу, болею теми же болезнями, грешу теми же грехами. И одно только изменилось в моей жизни: если раньше в храме я старался пробиться вперед, раздражался, когда кто-то мешал мне, то теперь — заметил это совсем недавно — стою в последних рядах такой долговязый, неуклюжий, постоянно пошатывающийся. Все равно, наверное, кому-то мешаю, но все-таки... И когда до меня не доходят отчетливо слова Евангелия или почему-то отвлекаюсь от произносимой проповеди, в душе рождается и звучит молитва: «Боже, милостив буди мне грешному».

КАК Я МОЛИЛСЯ АПОСТОЛАМ

Рыбак я — так себе, даже крючок к леске привязать не умею. Но рыбалку люблю. Даже не столько саму рыбалку, сколько то, что с ней связано: чистый воздух, запах степного разнотравья или раскинувшегося за спиной орешника, костер, уху свежайшую, спокойную и незамысловатую беседу...

Вот и в тот раз, когда приятели предложили поехать «на карпа», с радостью согласился. Загрузились в «москвичок»: они — хитроумные раздвижные удочки с крученой леской и коваными крючками, сачки и прочие рыболовные прибаамбасы, я — палку с леской и крючком, стеганку еще отцовскую и термос с чаем.

Приехали в почти заповедную глушь — до ближайшего села, где оставалось домов тридцать, километра четыре. Степь, недалеко редкая лесопосадка. Пруд вытянутый, сужающийся вдали, камыш, а вокруг него — почти изумрудная трава.

Выбрали место у небольшого затона, расположились с подветренной стороны. Приятели мои как-то сразу рассредоточились, занимая наиболее рыбные, на их взгляд, места. Я же расположился где поудобнее: недалеко от машины и рядом с понравившимся мне камышом.

— Не будет здесь клева, — сказал один, подавая мне баночку с червями.

Расселись, раскинули удочки, щедро раскидали прикорм, в мою сторону бросив лишь горсть. Мне стало как-то не то что обидно, а досадно, вот — за лоха держат. И неожиданно даже для самого себя говорю:

— А первую рыбу поймаю я.

Мужики усмехнулись и ничего не сказали.

А я вдруг представил Апостолов Христовых, как они тянут невод на берегу этого пруда, и где-то там, почти у горизонта, идет Он, все приближаясь и приближаясь. Я нередко представляю евангельские события очень зримо и с привязкой к той местности, где нахожусь. Но в тот раз я все ощутил особенно четко, даже показалось, что слышу неразборчивые голоса и шуршание хитона. Вздрыгнул и попросил Апостолов о малом: чтобы рыбалка моя была удачною, как у них.

Поклевка. Еще. Поплавок ушел в воду. Тяну — приличный карп в полторы моих ладони. Мужики усмехнулись, но уже несколько по-другому.

— И вторую рыбу поймаю я! — произнес уже весело.

Опять поклевка, и опять поплавок — гусиное перышко исчезло в воде. Точно такой же карп.

Мужики занервничали и, как по команде, подвинулись к моей камышовой заводи. А я мысленно беседовал с другими рыбаками и благодарил их.

Так я вытащил семь карпов, а приятели мои по одному-два. Они уже совсем близко присели ко мне со своей тихой и плохо скрываемой ненавистью. Вот тогда-то я поднялся и сказал:

— Все, надоело. Пойду грибы поищу, — взял пустое ведерко и двинулся в посадку.

...Грибов не было. В траве шуршали ящерицы, в небе звенел жаворонок, почти до самого горизонта волновался ковыль.

Я вернулся, сел на свое место, чуть раздвинув мужиков. Клев у них был очень приличный. Радовались. Но один тут же сказал:

— Сходил бы вон в тот овраг, может, там луговички есть.

— Нет, сейчас я должен поймать самую большую рыбу. Рыбаки ничего не ответили, а только сосредоточеннее устали на свои поплавки.

И тут я попросил не просто Апостолов, а конкретно Андрея Первозванного, как почти что земляка. И поплавок мой ушел в воду. Потянул — и испугался, что леска не выдержит. И тут старший из нас подскочил с сачком и скомандовал:

— Осторожно — водой — к берегу...

Через три-четыре минуты он подхватил карпа сачком и вытащил. Это был, действительно, самый крупный карп на сегодняшний день. Все радовались, твердя: «Дуракам — счастье», «Новичкам всегда везет» и тому подобное. А я вдруг услышал странный звук за облаками, медленно приближающийся. Понял — журавли. Взял телогрейку-стеганку, бросил ее подальше от берега и лег на спину. Ждал минут двадцать, и вот они — двое — пролетели, курлыча, высоко в небе. Приятели мои лишь слегка задрали головы и опять устали на воду — клевало неплохо.

А я все лежал на земле, и надо мной было бездонное небо, в котором таял журавлиный крик и шелест хитона Вечно Идущего.

КОМПЬЮТЕР

Оказался я как-то в одном учреждении, где, в том числе, занимаются и социальной защитой населения. Сажу и жду очереди в нужный кабинет, а напротив в холле выдают малоимущим пакеты с социальной помощью. Подсаживаются рядом две старушки, ждут очереди на раздачу, завязывая беседу:

— Лучше б деньгами выдавали. В прошлый раз пшено, какую-то серую лапшу да чай, что пыль, дали.

— Это кому как. Вот Ольга бы со своим, деньги бы сразу пропила, а тут, хошь не хошь, а лапшичку сварить.

Вдруг от прилавка донесся голос:

— Как же так, дочка! Ты же знаешь, какие пенсии у нас со старухой. Да и паек мы здесь не первый месяц получаем.

— Все так, дядь Коль, — отвечает раздатчица. — Но в этом месяце компьютер вас в список не внес.

— Почему?

— Не знаю.

— Ты в районное отделение позвони.

— Да они ничего не решат, потому что данные ваши уже внесены в компьютер. Когда он распорядится, тогда и выдадим социальную помощь.

Еще лет десять назад, когда друг говорил мне, что скоро будет неперсонофицированная сила, которой не смогут противиться даже люди, обладающие властью, я это воспринимал образно, а тут...

НЕВИДИМЫЙ

Мне было лет восемь. Каникулы. Лето. Излучина чистейшего тогда Кинеля. Перекат с песчаными отмелями и берегами, за Нечистым мостом, у самого Егор-ерьке. Один из берегов — «наш». Здесь все свое, все свои: купаются друзья, старший брат с приятелем удит чуть выше по реке, и недалеко, в редких зарослях тальника, называемых помордовски «шолотькой», дед пасет стадо.

Я перехожу вброд на другой берег и ложусь на песок среди пробивающихся лопухов мать-и-мачехи. Тихо. Печет, но не сильно. Я подкапываю песок под собою и ложусь в эту яму. Заваливаюсь песком. Хорошо, прохладно. Вырываю куст мать-и-мачехи и кладу на голову. Наблюдаю за всем, что происходит на том берегу. Я вижу всех, а меня — никто. Я есть, и меня будто бы нет.

Через некоторое время меня хватились: где? Побежали к брату, брат — за дедом. Кричат. Волнуются. Ищут. Мне смешно. Но потом поднимаю лопухи с головы и подаю голос. Удивление и испуг. Я поднимаюсь из песка и смеюсь. Перехожу на наш берег. Друзья отворачиваются и уходят. Дед садится и трясущимися руками скручивает сигарку. А брат начинает меня избивать.

...Недавно я снова ощутил себя невидимым, как бы сокрытым чем-то очень зыбким, хотя сижу в приемных, участвую в собраниях и застольях. Но уже давно на другом берегу. Только вот никто не зовет меня, не ищет. Никто. Но чувствую, что Кто-то очень скоро вырвет меня из песка и всыпет похлеще старшего брата.

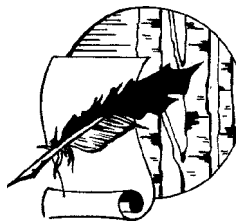
Дмитрий КУЗНЕЦОВ

БЕЛЫЙ ВИТЯЗЬ

Поэт Белой мечты, певец во стане белых воинов, белый витязь... — так называли и называют до сих пор Ивана Савина ценители его творчества. Эпитеты эти несут в себе отсвет некой легенды, но, как известно, легенду надо заслужить. Иван Савин не просто заслужил свою легенду, он оплатил ее всей своей короткой жизнью.

«Какая странная судьба русских поэтов, — писала в 1957 году в нью-йоркской газете «Новое русское слово» Ксения Васильевна Деникина, — какой рок навис над ними... Самый «старый» из них — Пушкин — был убит в 37 лет, Лермонтов — 27-ми, Надсона неумолимая болезнь унесла, когда ему еще не было 26-ти, а Гумилев был расстрелян большевиками в 35 лет...». И далее — о Савине: «...Он скончался на 28-м году жизни... Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завируху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

В 19-летнем возрасте Иван Савин ушел добровольцем в Белую армию, поступив в эскадрон Белгородских улан Сводного полка генерала Кале-

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

дина, сформированного на основе кадров знаменитой 12-й кавалерийской дивизии, которой в начальный период Германской войны командовал А.М. Каледин. В крымский период Белой борьбы полк этот был переименован в 3-й Сводный кавалерийский полк. Вместе с Иваном Савиным в белых частях сражались и четверо его братьев. Судьбы их сложились трагично: два старших брата, Михаил и Павел, выпускники Михайловского артиллерийского училища, были расстреляны после взятия Крыма красными; двое младших — Николай и Борис — погибли в боях Гражданской войны. Революционное лихолетье унесло жизни и двух сестер Ивана: «Одна догорела в Каире, другая на русских полях...» — писал он позже. Из всей большой и дружной семьи в живых остался он один, да и то — чудом.

В последние дни обороны Крыма Иван Савин заболел тифом, был помещен в джанкойский лазарет, и, не сумев эвакуироваться, был пленен. Все пережитое ярко и подробно описано им в цикле очерков «Плен», до сих пор полностью не изданных, а также в ряде стихов и рассказов. Произведения эти увидели свет в эмиграции. Там же, в июле 1922 года, составляя краткую биографию, он с горькой иронией так рассказал о своих мытарствах:

«...С осени 1919 года по осень 1921 блуждал по Дону, Кубани и Крыму и «увлекался спортом»: первое время верховой ездой и метанием копья, затем — после поражения на Перекопской Олимпиаде, заставшего меня в госпитале, — увлекательными прогулками по замерзшей грязи в костюме Адама и охотой за насекомыми в подвалах, особо и чрезвычайно для этого устроенных...»

Расстрела Иван Савин избежал действительно чудом: представившись полковым писарем, он долгое время вместе с тысячами других пленных кочевал из одного сборного пункта в другой, на его глазах убивали измученных, беззащитных людей, ему самому предстояло быть расстрелянным, и лишь воистину Божьим промыслом он, «сто-процентный» белогвардеец, вольноопределяющийся кавалерийского полка, смог избежать «ленинских пилюль», как называли тогда пули расстрельщиков. Известный поэт и литературный критик эмиграции Юрий Терапиано в своем очерке о Савине упомянул такой случай: *«Часовой Чека, чувствовавший симпатию к Савину, показал ему как-то два бумажника, взятых им с расстрелянных офицеров, с бумагами и фотографиями. Это были бумажники двух его*

братьев, артиллеристов, и Савину стоило нечеловеческих усилий воли, чтобы не выдать себя».

В настоящее время известно очень мало о жизни Ивана Савина в Советской России в 1921 году, об обстоятельствах освобождения из «крымской ловушки» и прибытии в Петроград, встречи там с отцом и переезда в Финляндию весной 1922 года. Об одном можно сказать с уверенностью: в Финляндию отец и сын выехали вполне легально, используя свое финское происхождение. Настоящая фамилия Ивана — Саволайнен. Изменил он ее и уже навсегда стал Савиным — в красном плену.

И все же 1921 год в жизни будущего поэта Белой мечты был решающим, поворотным. Пробираясь через взбалмученную Россию в Петроград, Иван наблюдал картины народного бытия в «советском раю», ставшие впоследствии сюжетами его рассказов, объединенных в циклы «Дым отечества», «Книга былей»; увиденное им послужило основой для многих очерков и статей, напечатанных в изданиях Гельсингфорса, Риги, Ревеля, Берлина, Парижа... К 1921 году относятся и первые зрелые стихи поэта, хотя есть основания полагать, что некоторые литературные опыты были у него еще в гимназический период, до 1917 года, когда семья Ивана жила в маленьком уездном городе Зеньково Полтавской губернии.

Но как автор ярких, самобытных стихотворных произведений, прозаик и публицист в полной мере Савин проявил себя именно в эмиграции, в Гельсингфорсе. Именно там, осмысливая недавнее прошлое и остро переживая события современности, возник поэт Белой идеи — Иван Савин, творчество которого и в наши дни трогает душу и заставляет еще и еще раз задумываться о смысле Белого движения, о его духовной и исторической миссии.

*Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла...*

Так писал Савин зимой 1922 года в Гельсингфорсе, где он первое время работал на сахарном заводе, сколачивая

ящики тары, или зарабатывал на жизнь каким-то случайным трудом.

«Живу здесь в полном довольстве, но несколько однообразно. Единственным развлечением служит выгрузка и нагрузка пароходов. В свободное от этого развлечения время пишу для ревельской газеты «Жизнь» свои заметки о потерянном для всего мира, но возвращенном России рае и думаю долго, до кровавых мальчиков в глазах думаю, когда, когда, о Боже, над моей несуразной, над моей пленной, над моей прекрасной Россией взойдет расстрелянное солнце?»

Это — заключительные слова его короткой, горько-ироничной биографии, написанной в 1922 году для русского молодежного театра. Кстати, драматургия Савина — абсолютно неисследованная страница его творчества, как, впрочем, и его публицистика — статьи и очерки, написанные за пять лет отпущенной ему Господом короткой творческой жизни.

Вообще начало газетной и журнальной работы в эмиграции было у Савина очень интенсивным: такое ощущение, что к 1923 году он стал уже абсолютно сложившимся литератором, публицистом. Когда просматриваешь его библиографию, бросается в глаза, что, судя по количеству публикаций, писал он едва ли не каждый день и практически еженедельно печатался в самых разных изданиях. В 1924 году он уже собственный корреспондент целого ряда эмигрантских печатных органов: берлинского «Руля», рижской «Сегодня», белградского «Нового времени», парижских журналов «Возрождение» и «Иллюстрированная Россия», но прежде всего он — сотрудник гельсингфорсской газеты «Русские вести» (или, как она называлась позже, — «Новые русские вести»), где публиковалось основное количество его материалов.

При этом основу публикаций Савина составляют отнюдь не заметки, написанные на злобу дня, репортажи и сообщения с мест событий (хотя и их было немало), — главным образом, он пишет серьезные статьи и очерки, в которых высказывает свою точку зрения на происходящее в Советской России и в мире, на проблемы русской эмиграции — точку зрения воина-белогвардейца.

Иван Савин пристально следил за происходящим в Советской России, особый, пристрастный интерес вызывала у него деятельность Коминтерна, направляемая из Москвы, — этому посвящены многие его материалы. Но вот в

стихах своих он был совершенно далек от политики, и хотя его стихотворным произведениям, конечно же, присуща гражданственность, но это — гражданственность особого рода.

«Стихи Ивана Савина стоят того, чтобы их отметить, — писал в мае 1926 года профессор Владимир Христианович Даватц в предисловии к первому изданию сборника стихов Савина «Ладанка», — в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное — в них нет нигде *стихотворной прозы*. Словами, которые падают в душу огненными каплями, выражает он *внеполитическую* природу белых борцов».

*Все это было. Путь один
У черни нынешней и прежней.
Лишь тени наших гильотин
Длинней упали и мятежней.
И бьется в хохоте и зле
Напрасной правды нашей слово
Об убиенном короле
И мальчиках Вандеи новой...*

Мальчики новой Вандеи... Это — и четверо братьев Ивана Савина, погибших в пекле Гражданской войны. Каждому из них он посвятил замечательные, щемящие душу стихи, воздвигнув тем самым своеобразный литературный памятник юным героям-белогвардейцам.

Считаю необходимым отметить одну важную особенность, присущую не только творчеству Ивана Савина, но и всей плеяде литераторов-белогвардейцев — Николаю Туроверову, Ивану Лукашу, Сергею Бехтееву, Арсению Несмелову, Марианне Колосовой, Владимиру Смоленскому, Василию Сумбатову... Все это поколение, прошедшее через горнила Первой мировой и Гражданской войн, воспитанное на литературных традициях Серебряного века (любимым поэтом Савина был Александр Блок), все это поколение в творчестве своем было абсолютно чуждо творческой надломленности Серебряного века. Литераторы-белогвардейцы, если так можно сказать, не заигрывали уже с силами зла, как их знаменитые предшественники. Для иллюстрации подобного «заигрывания» вспомним хотя бы строки Валерия Брюсова: «*Хочу, чтоб всюду плавала свободная ладья. И Господа и дьявола равно прославляю*». Вот таких желаний ни у Ивана Савина, ни у других

родственников ему по судьбе молодых писателей эмиграции не было совершенно. Из пекла Гражданской войны они вышли духовно чистыми, и в религиозном, в мистическом плане они задавались уже совсем иными вопросами:

*Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь не жива?
Но если на вражеском ложе
Невесты моей голова?
Но если, тишайшие были
Расплавив в хмельное питьё,
Они Твою землю растлили,
Грехом опоили ее?
Господь, успокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Над этой запекшейся твердью
Ударить в набаты крови.
И гнев Твой, клокоуще-знойный,
На трупные души пролей!
Такие враги — недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.*

Не случайно, наверное, подлинным учителем и наиболее близким автором из всего Серебряного века стал для поэтов-белогвардейцев Николай Гумилев, оваянный славой участника Великой войны, путешественника и члена офицерской заговорщицкой группы, раскрытой чекистами. Влияние на лирику Савина военных стихов Гумилева отмечал, в частности, Глеб Струве в своей работе «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956 г.). Струве писал о первом и единственном прижизненном стихотворном сборнике Ивана Савина «Ладанка»: «*Религиозность, любовь к России и вера в нее, и верность «белой мечте», звучащие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, все еще преданных Белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушенный, но подлинно-поэтический голос.*»

Следствием безусловного признания поэтического творчества Савина в «белых» кругах эмиграции стало осуществленное в 1926 году Главным правлением общества галлиполийцев издание сборника «Ладанка». Предисловие к нему написал Владимир Христианович Даватц, бывший профессор Харьковского университета, как и Иван Са-

вин вступивший летом 1919 года добровольцем в Вооруженные Силы Юга России. Лично Даватц и Савин, по всей видимости, никогда не встречались, зная друг друга лишь заочно по публикациям в эмигрантской прессе. И, казалось бы, Савин, не будучи галлиполийцем, живя за тысячи верст от Белграда, где располагалось белогвардейское издательство, не мог рассчитывать на выпуск книги именно там. Но случилось иначе.

«В стихах Ивана Савина не может быть ничего специально галлиполийского, — писал В.Х. Даватц в предисловии к «Ладанке». — Не видел он красоты нашего полотняного городка, фиолетовых гор за проливом, не слышал вечерней трубы и вечерней молитвы, когда за темным кряжем опускалось солнце. Не радовался он, как мы, каждому русскому росту — звонкой юнкерской песне, белым гимнастеркам, стройным рядам проходящих частей. Не удостоился высокого счастья носить галлиполийский крест.

Но не в палатках, юнкерских песнях, железном кресте лежит душа Галлиполи. Она давно вышла из берегов Дарданелл; она давно переросла свои воспоминания. Она не нуждается в фимиаме и прославлении. Галлиполийцы — не каста, а духовное братство. Нам, кавалерам черного креста, близки все те, кто умеет носить свой невидимый крест».

Для Савина выход в свет стихотворного сборника, художественно оформленного им же самим (Савин был неплохим рисовальщиком), стал событием большого значения. Не менее важным стало это событие и для культурной жизни русской военной эмиграции. Небывалый случай! В последующие годы «Ладанка» еще дважды была переиздана на средства галлиполийцев: в 1947 году в г. Менхенгофе (Германия) в количестве двухсот экземпляров, и в 1958 году в Нью-Йорке, в издании «Переклички» — военно-политического журнала Общества галлиполийцев. Последний выпуск книги был даже более полным: помимо 34 стихотворений, изначально составивших сборник, туда было включено еще четыре десятка дотоле неизвестных стихов.

Надо заметить, что несмотря на отсутствие в «Ладанке» произведений, посвященных собственно галлиполийцам, в творчестве Савина они все-таки есть и теперь достаточно известны:

*Огневыми цветами осыпали
Этот памятник горестный вы,
Не склонившие в пыль головы
На Кубани, в Крыму и в Галлиполи.*

*Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, вы, гордые, выпили
И не бросили чаши... В Галлиполи
Засияла бессмертьем она.*

*Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит ваш последний очаг —
Крестоносного ордена стяг
Реет в сердце, как реял в Галлиполи.*

*Вспыхнет солнечно-черная даль
И вернетесь вы, где бы вы ни были,
Под знамена... И камни Галлиполи
Отнесете в Москву, как скрижаль.*

Памятник, о котором говорится в стихах, — есть памятник галлиполийцам, возведенный в 1921 году на месте стоянки эвакуированных частей 1-го армейского корпуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля, и позже воссозданный в уменьшенном виде на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Но, в сущности, и эти стихи Савина — тоже памятник, только памятник литературный.

«Книга Савина — есть кредо добровольца», — писал в августе 1926 года в отзыве на «Ладанку», опубликованном в парижском «Возрождении», Ф. Касаткин-Ростовский.

«Он был Белым офицером в поэзии и поэтом Белой мечты в деятельности», — вторил ему ровно через год автор одной из заметок, посвященных неожиданной смерти Савина — Н. Чебышев (Париж, 12 июля 1927 г.).

Сам Савин, уже умирая от заражения крови после неудачной операции летом 1927 года, написал на листке слабеющей рукой: «...Произведенный смертью в подпоручики Лейб-гвардии Господнего полка!».

В целом же отдельно выделить «белогвардейскую» составляющую в творчестве Ивана Савина довольно сложно, поскольку все оно — и в острых публицистических статьях, и в художественной прозе, и в стихах (даже в самых мягких, глубоко лирических), насквозь белогвардейское по духу, по какой-то внутренней сути. Белое движение для Савина стало судьбой, слилось с его жизнью и творчеством, превратив их в живую легенду, легенду о поэте Белой мечты.

Очень ясно и определенно это почувствовал Иван Алексеевич Бунин, откликнувшийся на смерть Савина такими пронзительными словами:

«И вот, еще раз вспомнил я его потрясающие слова, и холод жуткого восторга прошел по моей голове и глаза замутились страшными и сладостными слезами:

*Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое!*

Этот священный, великий день будет, и лик Белого Воина будет и Богом, и Россией сопричислен к лику святых, и среди тех образов, из коих этот лик складывается, образ Савина займет одно из самых высоких мест».

Между Буниным и Савиным велась переписка. В своей первой статье, посвященной Ивану Савину (а была еще и вторая — на пятилетие со дня смерти), Иван Алексеевич привел отрывок из предсмертного письма поэта, ему адресованного:

«Пользуюсь первым же днем некоторого улучшения, чтобы ответить Вам. Безгранично был тронут теплыми Вашими строками. Словами этого не скажешь, да и вряд ли надо говорить. Но все же хочется мне, со всей искренностью и любовью к Вам, сказать: когда я думаю о бездомном русском слове, которое тоже, как и все мы, стало «Божьим подданным», и думаю о России, какой-то знак неожиданного равенства падает между Вами — и Корниловым: общим путем идете Вы, крестящий словом, и Он, крестивший мечом... Вот почему доброе слово Ваше о моем маленьком даре — это Георгиевский крест из рук Корнилова...»

«Да, — замечает Бунин, — для него это было высшее сравнение — сравнение кого-нибудь с первым Вождем Белого Дела. Дорогой друг и соратник, — если я только смею сказать так, — он и не подозревал, какую честь оказывает он мне не только этим сравнением, но и тем, что это говорит он, Иван Савин, «маленький дар» и славная жизнь которого уже, наверно, переживут многих из нас в истории России...»

Теплые отношения связывали Савина и с Ильей Ефимовичем Репиным, который, по его собственному признанию, мечтал написать портрет поэта. До наших дней сохранились два письма Ильи Ефимовича к Савину, в одном из них содержится любопытный ответ на, видимо, поступившее со стороны Савина предложение возвысить свой голос против деяний большевиков. Репин отвечает отказом и пишет в объяснение этому: «У меня там, в Совдепии, есть заложники — дочь и внучка (учительницы), у внучки уже трое правнуков моих. Полуограбленные, они

обречены на переселение. И вот, обиженные власти погонят их зимою, куда-нибудь в Сибирь... Кто же их нраву может перечить?»

Надо сказать, что Иван Савин, подобно тысячам и тысячам других белоэмигрантов, не верил в долговечность коммунистического режима. Долгое время находившийся в красном плену на грани жизни и смерти, переживший сильнейшие душевные потрясения, этот, по выражению его жены, «искалеченный юноша-поэт», считал буквально месяцы и недели до начала нового похода белых войск в Россию и писал об этом постоянно:

«Сухие ромашки мы... Россия — вся высохла... Жалкие, никому не нужные цветы... Мы — для гербария, для странной и страшной коллекции: цветы с высохших полей... Люди без Родины... А соленый ветер ходит между колоннами, треплет занавески, шепчет в уши нежно: уже недолго... недолго... Может быть, год, может быть, месяц... На безграничной поляне России гуще, сильнее и ярче прежнего зацветут ромашки... Белые-белые... С золотыми, гневными, прозревшими сердцами... Уже недолго».

Сам же Иван Савин в своей публицистике всегда находился на «острие момента». Как уже отмечалось, писал он много, очень много. С одной стороны это объяснялось и материальными причинами — в Финляндии Савин женился на молодой девушке, дочери офицера 1-го Финляндского стрелкового полка, Людмиле Соловьевой, пережившей мужа почти на 70 лет! Ну а главное, что заставляло Савина вновь и вновь браться за газетную работу, где-то, может быть, в ущерб стихам и прозе, это стремление постоянно участвовать в Белой борьбе за Россию — пусть не штыком солдата, так пером журналиста.

Известный журналист и литературный критик эмиграции Петр Пильский, сам участник Великой (Первой мировой. — Ред.) войны, имевший боевое ранение, вспоминал о газетной работе Савина:

«Никогда, ни разу, ни на одну минуту, ни у кого в нашей редакции не возникло ни малейшего недоверия к тому, что писал, что присылал, что сообщал в «Сегодня» Иван Савин, — так наглядно, так ощутимо, так убедительно в своей правдивости передавалась его четкая искренность, его всесторонняя, не соблазняющаяся пристрастиями, личная и авторская честность».

К сожалению, сейчас художественное наследие Савина, хоть и неполно, но изданное у нас, заслоняет в вос-

приятии современных российских читателей его публицистические произведения. А они, и это надо подчеркнуть, составляют большую часть всего им написанного и, естественно, заслуживают издания отдельным сборником и внимательного изучения.

В 1988 году проза и поэзия Ивана Савина впервые была представлена в сборнике «Только одна жизнь. 1922—1927», подготовленном и изданном его вдовой Людмилой Владимировной Савиной (по второму мужу — Сулимовской). До сих пор книга эта остается наиболее полным по объему сборником произведений Савина. О восприятии творчества поэта Белой мечты в кругах русской эмиграции на рубеже 1980—1990-х годов Людмила Владимировна писала так:

«Самое главное и важное, что Иван Савин был поэтом Божьей милости, попавшим в русскую смуту, которую он сумел так ярко и глубоко описать. Я молю Бога, чтобы он, умерший 60 лет тому назад, дотронулся, как живой, до вашего сердца... Но сознаюсь, что иногда мне делается страшно... Мне не ясна сейчас наша общая эмиграция. Она мне представляется густым, полным тумана лесом, в котором растут и крепкие дубы, и сосны, и жидкие березки, и кустарники: есть и прогалинки в густых кустах... И не знаешь, чем дышат за этими кустиками или деревьями... Туман... Поймут ли сегодня люди, как искалеченный юноша-поэт на пороге смерти до конца бил в один и тот же, дорогой и нам колокол?..»

Этот же вопрос можно, наверное, отнести и к современным читателям Ивана Савина в России, еще далеко не освободившейся от антирусского наследия.

Иван САВИН

ПЕРВЫЙ БОЙ

Он душу мне залил метелью
Победы, молитв и любви...
В ковыль с пулеметною трелью
Стальные легли соловьи.

У мельницы ртутью кудрявой
Ручей рокотал. За рекой

Мы хлынули сомкнутой лавой
На вражеский сомкнутый строй.

Зевнули орудия, руша
Мосты трехдюймовым дождем.
Я крикнул товарищу: «Слушай,
Давай за Россию умрем».

В седле подымаясь, как знамя,
Он просто ответил: «Умру».
Лилось пулеметное пламя,
Посвистывая на ветру.

И чувствуя, нежности сколько
Таили скупые слова,
Я только подумал, я только
Заплакал от мысли: Москва...
1925 г.

РОССИИ

Услышу ль голос твой? Дождусь ли
Стоцветных искр твоих снегов?
Налью ли звончатые гусли
Волной твоих колоколов?

Рассыпав дней далеких четки,
Свяжу ль их радостью, как встарь,
Твой блудный сын. Твой инок кроткий,
Твой запечаленный звонарь?

Клубились ласковые годы,
И каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали тайну наших звезд.

Шагам Господним, вечным славам
Был солнцем вспаханный простор.
А мы, ведомые лукавым,
Мы уготовили костер,

Бушующий проклятой новью —
Тебе, земля моя! И вот —

На дыбе крупной плачем кровью
За годом год, за годом год...

1924 г.

* * *

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей?
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.

И хожу я по черному снегу,
Никогда не бывав молодым.
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Увели ее ночью из дому
На семнадцатом, детском году.
И по вашему стал, по седому,
Глупый мальчик метаться в бреду.

Были слухи — в остроге сторела,
Говорили — пошла по рукам...
Всю грядущую жизнь до предела
За года молодые отдам!

Но безмолвен ваш мир отсиявший.
Кто ответит? В острожном краю
Скачет выжженной степью укравший
Неневестную юность мою.

1925 г.

* * *

Помните? Хаты да пашни.
Луг да цветы, да река.
В небе, как белые башни,
Долго стоят облака.

Утро. Пушистое сено
Медом полно. У воды
Мельница кашляет пеной,
Пылью жемчужной руды.

Помните? Вынырнул вечер,
Неповторимый такой.
Птиц многошумное вече,
Споря, ушло на покой.
Тени ползут, как улитки.
В старом саду. В темноте
Липы шуршат. У калитки
Странник поет о Христе.

Помните? Ночью колеса
Ласково как-то бегут.
Месяц прищурился косо
На полувысохший пруд.
Мышь пролетела ночная.
Выплыл из темени мост.
С неба посыпалась стая
Кем-то встревоженных звезд...

1924 г.

* * *

Кипят года. В тоске смертельной,
Захлебываясь на бегу,
Кипят года. Твой крестик тельный
В шкатулке крымской берегу.

Всю ночь не спал ты. Дрожь рассвета
Вошла в подвал, как злая гарь
Костров неведомых, и где-то
Зажгли неведомый фонарь,

Когда, случайный брат по смерти,
Сказал ты тихо у окна:
«За мной пришли. Вот здесь, в конверте,
Мой крест и адрес, где жена.

Отдайте ей. Боюсь, что с грязью
Смешают Господа они...» —
И дал мне крест с славянской вязью,
На нем — «Спаси и сохрани».

Но не спасла, не сохранила
Тебя рука судьбы хмельной.
Сомкнула общая могила
Свои ресницы над тобой...

Кипят года в тоске смертельной,
Захлебываясь на бегу.
Спи белым сном! Твой крестик тельный
До белой тризны сберегу.

1923 г.

CHANSON TRISTE

Маме

Жизнь ли бродяжья обидела,
Вышел ли в злую пору...
Если б ты, мама, увидела,
Как я озяб на ветру!

Знаю, что скоро измочится
Ливнем ночным у меня
Стылая кровь, но ведь хочется,
Все-таки хочется дня.

Много не надо. Не вынести.
И все равно не вернуть.
Только бы в этой пустынности
Вспомнить заветренный путь,

Только б прийти незамеченным
В бледные сумерки, мать,
Сердцем, совсем искалеченным,
В пальцах твоих задрожать.

Только б глазами тяжелыми
Тихо упасть на поля.
Где золотистыми пчелами
Жизнь прожужжала моя,

Где тишина сероокая
Мертвый баюкает дом...
Если б ты знала, далекая,
Как я исхлестан дождем!

1922 г.

НОВЫЙ ГОД

Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.
Исходив по ненастным дорогам
Всю бескрайнюю землю мою,
Я не верю смертельным тревогам,
Похоронных псалмов не пою.
В городах, ураганами смятых,
В пепелищах разрушенных сел
Столько сил, столько всходов богатых,
Столько тайной я жизни нашел.
И такой неустанною верой
Обожгла меня пленная Русь,
Что я к вашей унылости серой
Никогда, никогда не склонюсь!
Никогда примирения плесень
Не заржавит призыва во мне,
Не забуду победных я песен,
Потому что в любимой стране,
Задыхаясь в темничных оградах,
Я прочел, я не мог не прочесть
Даже в детских прощающих взглядах
Грозовую, недетскую месть.
Вот зачем в эту, полную тайны,
Новогоднюю ночь, я чужой
И далекий для вас и случайный,
Говорю вам: крепитесь! Домой
Мы придем! Мы придем и увидим
Белый день. Мы полюбим, простим
Все, что горестно мы ненавидим,
Все, что в мертвой улыбке храним.
Вот зачем, задыхаясь в оградах,
Непушистых, нерусских снегов,
Я сегодня в трехцветных лампадах
Зажигаю грядущую новь.
Вот зачем я не верю, а знаю,
Что не надо ни слез, ни забот,
Что когда-нибудь к милому краю
Нас Господь наконец приведет.

1922 г.

Ольга СВЕРДЛОВА

ЕСТЬ ЛИ НА СВЕТЕ СЧАСТЬЕ?

ПОКА СВОБОДОЮ ГОРИМ...

Есть в науке метод исследования стилевых особенностей текстов с целью их идентификации, который носит название «контент-анализа». С помощью этого метода были, к примеру, исследованы тексты раннего Шолохова — «Тихий Дон» и последние его рассказы. В результате пришли к выводу, развеяв все домыслы недоброжелателей великого писателя, что писал их один человек, так как основные слова и понятия с определенной частотой повторялись и в ранних работах, и в поздних.

Так вот, если воспользоваться этим методом, то мы увидим, что самое повторяемое слово у самых разных людей и разных поколений — это слово «счастье». Это не только пожелание счастья на юбилеях и в праздничные дни, это и состояние души, и атмосфера в доме, и ощущение себя в мире в различные периоды жизни.

Но можно ли судить по тому, как часто мы пользуемся словом «счастье» в обиходе, об уровне счастья в стране? Хотя поэт сказал, что «На свете счастья нет, а есть покой и воля», но другой поэт усомнился и в этом: «Покой нам только снится». Может быть, Блок имел

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

в виду парадоксальное мышление, характерное для индийской философии «Лао дзы», когда покой есть главное в движении, где «мысль плывет, не скована ничем». А мы все-таки попробуем разобраться, есть ли оно, счастье, на Земле?

Счастье, как и любое человеческое состояние, никогда не постижимо до конца. Но, если всматриваться, оно открывает нам некоторые секреты, хотя чувство тайны все равно останется. В своих заметках я не пытаюсь раскрыть людям тайну, я хочу только показать, что она существует. Итак, что же остается? Воля, но как ее понимать? Как свобода от всего и вся, от обязанностей, низких истин, или как воздух, без которого мы просто не можем дышать.

Ах, это сладкое слово «свобода»! Оно, как и счастье, не сходит с уст нашей интеллигенции, его невозможно вырвать из нашего лексикона. И впервые, после 1991 года, свобода ассоциировалась для нас со счастьем. Наконец-то мы избавились от страха. Благодаря свободе, мы узнали так много нового о себе и о своем прошлом. Все тайное стало явным. Мы разоблачали, развенчивали, рассекречивали, ниспровергали, сбрасывали в пропасть все наши ценности, истинные и мнимые, а заодно сбросили и те идеалы, которые человечество вырабатывало тысячелетиями. Мы упивались свободой разрушительства. Ведь вирус большевизма, доставшийся нам от наших дедов, так легко не исчезает.

В нашем разоблачительном пыле должны были одинаково ответить за преступления прошлого и жертвы, и палачи. Мы готовы были принести на этот священный алтарь всю правду до капельки — о себе и своей истории. Хотя иная правда может убить целый народ. В уничижительном разоблачительстве, которое сродни садо-мазохистским наслаждениям, мы забыли о гордости, о том, что мы великий народ с великой культурой, спасший мир от чудовищного зверья — фашистов.

Мы забыли о том, что наши дети должны видеть в нашей истории не только ошибки, злодеяния, предательства, но и что-то положительное, героическое, чтобы уважать и любить страну, где они родились.

Пушкин в своем стихотворении «Герой», посвященном Наполеону, писал: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Это он написал в связи с разочарованием, которое постигло многих его современников после опубликования мемуаров Луи Бурьена, секретаря

Наполеона, который всячески старался «разоблачить» бывшего императора. Так Бурьен опровергает рассказ о том, что Наполеон, посетив во время египетского похода госпиталь, где умирали зараженные чумой солдаты, касался их, желая ободрить.

«Что есть истина?» Такой эпиграф поэт предпослал всему стихотворению. Истина — это не всегда голая правда и полная объективность, считал поэт.

Интуиция гения, его прозорливость не подвели и на этот раз. Впоследствии оказалось, что мемуары Бурьена подложны.

Для либералов свобода обернулась полной вседозволенностью. Они получили свободу говорить, вернее, болтать теперь уже не на кухне, а на площади или в студии обо всем и вся. Такой свободы у нас предостаточно. Послушаешь только, о чем и как говорят на радиостанции «Эхо Москвы», и придешь к выводу, что свобода у нас без берегов. Когда на этой радиостанции выступают банкиры и министры, политики и журналисты, экономисты и артисты, шельмуя и порой просто издеваясь даже над тем малым позитивным, что появляется в нашей жизни, и все это делается ради создания видимости плюрализма или объективности без объективности, то просто диву даешься, как могут утверждать они, что у нас нет свободы.

И культура, и история, и нравы — все ненавистно этим людям, считающим себя демократами, а на деле ставшим предателями интересов страны, где так мучительно живет народу, поверившему им и их либеральной пропаганде.

Представьте себе американца, который вспоминал бы только темные стороны американской политики, гражданскую войну Севера и Юга, где погибли тысячи людей, уничтожение индейцев, преступления ку-клукс-клана или войну во Вьетнаме.

Наши псевдолибералы, если уж вспоминают историю, так это только Гулаг и уничтожение русской интеллигенции, а война, они говорят, выиграна настолько бездарно и кроваво, что ее и за победу считать не стоит. И тогда 22 июня 2005 года появляется в «Московском комсомольце» статья Минкина, который договорился до того, что если бы войну выиграл Гитлер, то, может быть, это было бы спасением для человечества: «Нет, мы не победили. Или так: победили, но проиграли. А вдруг было бы

лучше, если бы не Сталин Гитлера победил, а Гитлер — Сталина?» А ведущий радиостанции «Эхо Москвы» М. Ганапольский, так и хочется сказать Говнопольский (ведь даже классик мирового пролетариата не стеснялся в выражениях) называет страну, где он родился и вырос, «воюющим совком».

Когда на ТВ показывают расчлененные трупы, идут часовые передачи, рекламирующие пластические операции по увеличению груди и задницы (на их жаргоне), половые акты днем, сцены насилия — да разве это не разгул свободы в самом извращенном виде? Свобода у нас давно уже стала символом распущенности и блуда.

Мы взяли на вооружение крайнее проявление свободы на Западе, каким является принцип «запрещено запрещать». К каким тяжелым последствиям приводит бездумное и безответственное применение этого принципа, достаточно красноречиво свидетельствует «торжественная» демонстрация различных пороков и язв человеческих в их кино и в их жизни. Безграничная свобода индивида, включая гомосексуальные браки, право ехать голым в общественном транспорте — вот символ веры настоящего европейца наших дней. Европа помешана на правах человека, которые ставятся выше прав народа и прав государства. Воспевая оду свободной сексуальной жизни, отвергая все условности и запреты культурного мира, Запад медленно катится к своей гибели. Там, где победила сексуальная революция, происходит неуклонное сокращение рождаемости и такое же неуклонное вымирание титульных этносов.

А что же принесла сексуальная свобода нашей стране? Сотни тысяч больных СПИДом, гепатитом, венерическими болезнями, миллионы абортов ежегодно, переполненные отказными детьми дома ребенка, сотни тысяч социальных сирот при живых мамах и папах, чудовищный рост сексуальных маньяков, педофилов, детскую проституцию, искусственное взращивание гомосексуалистов и лесбиянок.

Свобода — это, прежде всего, возможность выбора между благом и злом.

Свобода как высшая ценность человеческой природы — это благо, которое можно превратить во зло. Свобода, не ограниченная нравственными нормами, есть зло. И мы скорее стали жертвами свободы, чем ее счастливыми обладателями.

Свобода и счастье совместимы только в обществе, где каждый человек чувствует ответственность за свою позицию, слово, поступок. Где ценностью становятся не деньги, а люди, отдающие свои духовные богатства, а может быть, и материальные (и это, как ни печально заметить, оказалось гораздо труднее), на благо страны.

Пушкин говорил: «...Что в мой жестокий век восславил я свободу И милость к падшим призывал», и это было подвигом служения человечеству. Но сегодня строчки поэта «Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, Отчизне посвятим Души прекрасные порывы!» воспринимаются как громкие слова, которым нет места в нашей жизни.

Счастье и свобода живут где-то на периферии нашего сознания. Они не пересекаются и не зависят друг от друга. Потому как свободы много, а счастья для простого человека от этого никакого.

Кому все-таки живется весело, вольготно на Руси? Чиновнику, олигарху, политику, эстраднику?

Оказывается, что выражение «не в деньгах счастье» верно и сегодня. Для человека русского важно чувствовать себя опорой в своей семье, когда он стоит на своих ногах, реализует себя в жизни. А вот этого ощущения россиянина лишили.

И если Пушкин без свободы не мыслил счастья, то сегодня многие из нас, довольствуясь полной свободой, не чувствуют себя счастливыми.

Вот так эти два слова, когда-то сойдясь, разошлись в корне со своим первоначальным ощущением бытия у современного человека.

ЕСЛИ В ДОМ ПРИШЛА БЕДА

К сожалению, бездны горя и счастья не отделены друг от друга тысячами километров. Счастье очень хрупко, и это осознает каждый человек, поймавший за хвост удачу.

Как-то в храме я разговорила с женщиной, служившей там. Я с грустью заметила, что зачастую человек идет в храм, когда пришла беда и когда уже не на кого надеяться. «Сколько же несчастных людей кругом», — сказала я, оглядываясь на толпу молящихся, которые просили у Бога милости помочь им в трудной ситуации.

Но моя собеседница мне возразила. И рассказала о женщине, которая была у них недавно, просила совета,

кому помолиться и кого благодарить ей за то счастье, которое у нее есть — замечательный муж, чудесные дети, все здоровы и дом — полная чаша. «Мне страшно, что все это может в какой-то момент рухнуть. Кругом столько горя, столько несчастных людей, а у меня все хорошо».

Прошло какое-то время, и я снова оказалась возле этого храма. На улице было морозно, темно и неудобно. Я бежала по Арбатскому переулку, и вдруг открылась дверь, просто, как открывается дверь подъезда, и из нее повалил народ после вечерней службы.

Я подождала, пока теплый поток людей схлынет, и вошла в уже почти опустевший храм. Моя знакомая, увидев меня, приветливо улыбнулась и подошла ко мне, посетовав, что я опоздала на службу и что скоро храм закроется. И тут я сама, не зная почему, спросила ее: «А ходит ли к ним та счастливая прихожанка, о которой она мне когда-то рассказывала».

Лицо моей знакомой как-то сразу исказилось, из улыбчивого превратилось в страдальческое, и она поведала мне ужасную историю. Муж этой женщины вместе с сыном поехал в аэропорт встречать свою сестру и по дороге, уже в Москву, попал в автокатастрофу. Беда пришла к счастливой женщине в одночасье. Муж скончался сразу, а у сына перелом позвоночника, и он до конца жизни обречен лежать на кровати, в лучшем случае передвигаться сможет на коляске. Сестра мужа и ее дочь уже полгода находятся в больнице, если и выйдут оттуда — будут инвалидами.

Запасы все кончились, денег нет, лечение стоит дорого. Она продала все, что можно, даже квартиру, остались в однокомнатной квартире матери.

Работать не может, так как надо ухаживать за сыном, да еще двое малышей на руках, и специальности нет подходящей, денежной.

Я просто была в шоке от того, что она мне рассказала. Как объяснить подобные повороты судьбы. Если считать, что в каждом событии есть какой-то смысл и нам не дано предугадать, как отзовутся просьбы о Божьей милости на нашей судьбе. Вот и паломники, каждый год отправляющиеся на хадж, чтобы замолить грехи, погибают там сотнями. Неужели кому-то нужны эти жертвоприношения, но не агнцами, а людьми, как в Средневековье?

Пусть читатель не поймет меня так, будто я решила рассказать эту историю в качестве назидания, чтобы он,

не дай Бог, успокоился, поверив в свое счастье, если оно у него есть.

«Человек рождается на страдание, как искры, что поднимаются вверх», — говорится в книге Иова.

«В страдании есть идея», — говорит Ф.М. Достоевский устами Порфирия Петровича в романе «Преступление и наказание».

И хрестоматийные слова Короленко, что человек рождается для счастья, как птица для полета, которые мы усвоили со школьной скамьи, разбиваются о реалии жизни и опыт многих поколений.

Австрийский психотерапевт Виктор Франкл, создатель теории логотерапии, которая помогает человеку в поисках смысла жизни, считает, что высший смысл человеческого существования — это отношение к страданию, когда мы берем его на себя.

Он приводит следующий пример. К нему обратился за помощью пожилой человек, который очень страдал, так как два года тому назад похоронил жену, которую любил больше всего на свете. И вот что ему ответил Франкл: «Что было бы, если бы Вы умерли первым, а жена Ваша осталась бы в живых?» — «О, — произнес он, — для нее это было бы ужасно, как бы она страдала!». И тогда Франкл заметил: «Видите, каким страданием ей бы это обошлось, и именно Вы заставили бы ее так страдать, но теперь Вы платите за это, оставшись в живых и оплакивая ее».

Страдание каким-то образом перестает быть страданием в тот момент, когда обнаруживается его смысл, как, например, смысл жертвенности. Именно после этих слов пациент Франкла увидел смысл в своих страданиях.

И это один из принципов логотерапии: основное дело человека вовсе не в получении удовольствия или во избежании боли, а скорее в видении смысла своей жизни.

«Смысл жизни безусловен, — заключает Франкл, — так как он включает даже потенциальный смысл страдания».

Человеческая жизнь, по его же словам, — это «бессмертный след на песке жизни».

ВЕКТОР ЛЮБВИ

Как-то, еще в советские времена, мы оказались с мужем на отдыхе в Пицунде, в Доме творчества писателей. Туда было тогда совсем не легко попасть, и мне, журналисту, как говорится, повезло — провести месяц рядом с

«небожителями». Где и когда еще в отдельно взятом пространстве собиралось сразу одновременно столько кумиров, «учителей жизни», где от знаменитостей не протолкнешься?

И вот мы уже сидим в столовой, где «властители дум» восседают чуть ли не за каждым столиком. В столовой стоял гул, напоминающий шум морского прибоя, и пахло пищей, здоровой и вкусной. И вдруг муж, оглядываясь по сторонам и рассматривая сидящих за столиками, с неприкрытой завистью говорит: «Смотри, сколько взрослых дочерей отдыхают со своими отцами. А наша дочка никогда бы с нами не поехала».

Я оглянулась и действительно была поражена количеству молодых девиц рядом с пожилыми мужчинами. Мы еще мало кого знали в лицо, хотя кругом сидели живые классики, — ну, разве кроме тех, которые были тогда у всех на виду и на слуху: Ахмадулиной, Рыбакова, Поженина. А через несколько дней, когда мы успели «остановиться и оглянуться», оказалось, что это были вовсе не дочки, а юные подруги и жены писателей. В те времена самые престижные и оплачиваемые были наши писатели, а их было в «Союзе» десять тысяч. Тогда лирики были в почете, и слава и деньги привлекали к ним юные сердца. И они решили, что им дозволено все, даже обмануть природу.

А недавно я прочитала в «Литературной газете» статью, в которой писатель Анатолий Макаров ностальгировал по тем временам, когда их не только читали юные девы, но они были еще и самыми популярными женихами и престижными любовниками. Сегодня жизнь изменилась так, что писатели не представляют для юных красавиц никакого интереса. Их престиж упал до нуля. Вектор любви теперь направлен в другую сторону — бизнесменов, олигархов и прочих жуликов. Не обязательно талантливых, но обязательно богатых. Так что есть, о чем грустить — не только не читают, но и перестали любить.

Я бы не стала вспоминать об этой трагикомической ситуации, если бы на моих глазах не случилось несколько настоящих трагедий. Природу, как я уже говорила, не обманешь. И хотя любовь и славу за деньги купить можно, но счастье в таком мезальянсе может обернуться настоящей драмой. У нас стало очень модно показывать и приветствовать такие неравные браки. Причем рассказывают об этом журналисты с восторгом. Как у восьмидеся-

тилетнего шахматиста Тайманова родились двойняшки, которым сейчас уже по два года, или что у семидесятипятилетнего писателя Жуховицкого десятилетний ребенок. Или как у семидесятилетнего Табакова родилась дочка. Все это смакуется и подается с таким восхищением, что просто диву даешься, что, в общем-то, нормальные люди, известные широкой общественности, напрочь лишены чувства ответственности за рожденную ими жизнь. Такое не позволяли себе даже цари. Это еще один пример, когда зло выдается за добро.

Помните картину Василия Пукирева «Неравный брак», где изображены юная невеста и убеленный сединами старик? Какие скорбные чувства вызывала эта брачная церемония раньше, а сегодня трагизм этой пары, очевидно, непонятен молодому поколению. Они даже говорят: «Ну и что такого, он скоро помрет, и она окажется богатой вдовой, и тогда для нее все двери будут открыты. Люби кого хочешь! Где бы найти такого женишка?» Это буквальные слова, которые я услышала от школьников на выставке, посвященной столетнему юбилею художника Пукирева.

Мне вспоминается в связи с этим и фильм польского режиссера Занусси «Прикосновение». Сюжетная линия там очень проста. Талантливый композитор — не престарелый, а просто очень старый, способен сочинять музыку только тогда, когда влюблен. И его жена, совсем не бескорыстно, подкладывает ему в постель очередную девушку. В результате родились ребенок и новая музыка, но, возможно, не такая гениальная, как прежде. В финале композитор умирает, а его ребенка растят и жена, и любовница, и еще пара-другая родственников и друзей женского пола.

Все, как в жизни наших героев-старцев, родивших в семьдесят и более лет детишек и решивших, что они тем самым осчастливили не только себя, но и все человечество.

А ведь это — комедия: как не посмеяться над престарелым Казановой? И вот когда с этим встречаешься в реальности, здесь не до смеха, потому как видишь, чем порой оборачивается такой демарш против природы и традиций, выработанных самой жизнью.

Семидесятилетний Гомельский, заслуженный тренер страны умер, не дождавшись, пока его дитя выпростается из пеленок. А другой мой знакомый, талантливый семи-

десятипятiletний писатель, получивший инсульт после того, как его ограбило государство в 92-м году, и, разбив все надежды и ожидания его юной спутницы, которая на 40 лет его моложе, на светскую, благополучную жизнь, привела эту «счастливую» пару к полной катастрофе. После перенесенного инсульта он превратился в инвалида и стал не только физически неполноценным, но и психически тяжело больным человеком и невыносимым отцом и мужем.

В результате не выдержавшая такой жизни молодая супруга не дала ему во время приступа стенокардии лекарства, что привело его к смерти, а ее на скамью подсудимых.

И дети остались в этой, совсем еще недавно благополучной семье, сиротами. Вот такой трагический финал еще одного неравного брака.

ПРОРОЧЕСТВО СОФОКЛА

Известный французский новеллист Анатоль Франс, проживший большую жизнь и умерший восьмидесяти лет от роду, размышляя над тем, что такое счастье и кому оно достается, написал рассказ «Рубашка».

Эта острая сатира, облаченная в гиперболу, подводит как бы итог поискам ответа на вопрос: есть ли на земле счастливые люди? Вопреки нашим размышлениям об эфемерности человеческого счастья в бедности, этот мудрец и философ с грустной иронией благодарит судьбу за то, что ему выпало счастье родиться бедным, и что он «любил жизнь в ничем не прикрытой ее наготе, то ужасной, то прелестной». А сколько мы знаем трагических несчастных судеб талантливых поэтов, художников, композиторов и просто обыкновенных людей, сломленных бедностью, которые потратили невероятные усилия, чтобы вырваться из нищеты. Кому-то может показаться, что писатель был неискренним, рассуждая о счастье в нищете. Ведь мы сегодня все заражены вирусом, попавшим в кровь и поразившим все жизненные органы: любыми средствами разбогатеть, так как это самый верный путь к счастью.

Но вернемся к рассказу Анатоля Франса. Измученный болезнями король, которого никто не может излечить от неврастении и которому с каждым днем становится все хуже, ищет врача, который помог бы ему. После долгих

сомнений он наконец решается пригласить врача, прославившегося тем, что его визиты оплачивались крайне дорого. Тот прописал больному королю нетрадиционное лекарство, и достать его оказалось совсем не просто. Надо было найти счастливого человека и взять у него рубашку, чтобы носить ее. Тогда высохшая кожа короля втянет в себя частицу счастья, выделенную потовыми железами счастливого человека, и таким образом спасет его от неминуемой смерти.

И вот тут-то началось самое трудное. Найти счастливого человека оказалось невозможно. Его не было ни среди богатых и бедных, ни среди поэтов и трудяг, ни среди старых и молодых.

В поисках целительной рубашки посланники короля обыскали все королевство. Они искали счастливых среди удачливых и богатых, но заметили: когда всякий сброд начинает богатеть — это признак разрушения государства, это конец всему. Разбогатевших начинают терзать болезни, сердечные огорчения и денежные заботы. Имущие, опасавшиеся все потерять, были несчастнее неимущих.

«Ужас перед будущим адом — мой сегодняшний ад», — признался председатель суда.

«Смерть подводит итог нашему существованию, и это меня терзает», — сказал ученый муж.

Последним, к кому обратились со своим вопросом посланники короля, был человек недюжинной силы, который выглядел действительно счастливым, так как никогда не размышлял о счастье, даже слова такого не знал. Но у него, к сожалению, просто не оказалось рубашки.

Да, пророчески звучат слова Софокла в «Царе Эдипе»: «Счастливец никого до смерти не зовите».

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

ДНЕВНИК РУССКОГО

1983 год

14 июля

Леонов — философ, концепция которого сложилась под влиянием не только новых тенденций в философской науке; она суммировалась как итог большого жизненного пути. Человек вдумчиво проанализировал все философские течения, начиная с Аристотеля и Платона, по-своему. Оценил проповеди и притчи отцов Церкви, средневековых схоластиков, буддистов и последователей ислама, французских энциклопедистов, русскую философскую мысль на всех этапах и, наконец, марксизм-ленинизм.

Критики рассматривают творчество Леонова, как правило, только лишь под углом зрения марксизма-ленинизма. Но ведь это вовсе не единственный угол зрения у самого Леонова. Он шире, вдумчивей, чем большинство его критиков.

Что касается категоричности суждений Леонова об искусстве, то тут он вряд ли уступает протопопу Аввакуму, Достоевскому и Льву Толстому. «Пишут образ Спасов... — читаем мы у Аввакума о его отношении к сторонникам «фряжеского» письма, — перси раздуты... как немец, только шпаж нет на боку — не написана». Эстетическое воззрение Леонова сложи-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2005 г.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

лось на классических образцах русской и мировой культуры. Недаром в его переделкинском кабинете висит репродукция «Троицы» Рублева. Эстетике Леонова совершенно чужды все «измы». Он принципиален и не боится показаться отсталым, отрицая Пикассо и Матисса, и в то же время восхищается Шишкиным, Богаевским, Айвазовским.

1 августа

Леонов боялся ареста в 30-х годах, потому что в 1918 году был в Архангельске, оккупированном англичанами. Страх сохранился на всю жизнь и стал хроническим.

«Лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома... И еще скажу: на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь». Саади.

Матисс — чувственник, и слова Саади могут быть своеобразным эпиграфом к творчеству художника, прожившего 83 года и работавшего до самого конца.

«Мои силы истощены, я стар и слаб». Эти слова написал на своей визитной карточке 70-летний Франц Иозеф Гайдн (1732—1809), чтобы ему излишне не докучали.

*Говорят, что я старик,
А мне все не верится.
И какой же я старик,
Во мне все шевелится.*

Эту частушку, балагурия, любил напевать 95-летний Сергей Коненков.

26 октября

«Зимние заметки о летних впечатлениях».

Ф.М. Достоевский:

«...Кому из всех нас, русских (то есть читающих хоть журналы), Европа не известна вдвое больше, чем Россия?»

«Любят у нас Запад, любят и, в крайнем случае, как дойдет до точки, все туда едут... Бедненькие!.. Все они ходят с гидами... глазают на говядину Рубенса и верят, что это три грации...»

26 ноября

Николай Федорович Федоров (1828—1903) «Философия общего дела» (г. Верный, 1905).

«...Вся земля наша мала и ничтожна, и мы должны ис-

катель средств к жизни в иных мирах; земля же, этот прах предков наших, должна быть возвращена тем, кому принадлежала».

«Чем утонченнее будут способы познания, тем больше будет открываться признаков наследственности, тем ярче будут восставать образы предков».

«Прогресс брака состоит в постепенном уменьшении чувственной любви и в увеличении деятельности».

«Общее дело, по Федорову, — это литургия, служение Господу Богу».

Известно, что Л.Н. Толстой частенько заглядывал в гости к Н.Ф. Федорову, чтобы сердечно побеседовать с ним. Николай Федорович служил в Румянцевской библиотеке и жил более чем скромно, отдавая большую часть заработанных денег сирым и убогим. То, что Толстой только еще мечтал осуществить, замыслив уйти из Ясной Поляны, Федоров, никуда не уходя, и ни от кого не скрываясь, спокойно и с достоинством совершал в течение всей своей жизни. Живя в миру и будучи в водовороте всех событий Серебряного века, он сумел заглянуть поверх голов самых именитых людей своего времени в такую даль, что можно только диву даваться его гениальным прозрениям. Воистину: в мире много великих и славных, но тайна открывается лишь смиренным.

Продолжение следует